

Н.А. МОНАСТЫРЕВ

"ЗАПИСКИ МОРСКОГО ОФИЦЕРА"

Глава 1

Яркий майский день. Солнечные лучи сверкают на кресте Исаакия и шпигеле Адмиралтейства. С Петропавловской крепости доносится глухой выстрел пушки. Полдень.

Сегодня особо счастливый день, сегодня особенно ярки солнечные лучи - мы произведены в корабельные гардемарины. Сердце дышит полно, душа рвется куда-то, перед нами жизнь, карьера и море, любимое море.

После полдня я одеваюсь в новый мундир корабельного гардемарина, нужно сделать необходимые визиты и завтра ехать в Москву повидать своих стариков. Утром на следующий день все гардемарины были собраны в Адмиралтействе, там мы получили приказы о производстве, морской министр поздравил и пожелал успеха. Все официальности окончены, каждый из нас свободен на две недели перед началом плавания. Вечером поезда уносили во все концы необъятной России сотню гардемарин. Как было приятно сесть в вагон 2-го класса, этот запретный плод в течение многих лет... По правилам морского устава в вагонах 2-го класса могли ездить только офицеры. Гардемарины, юнкера и нижние чины вообще имели право находиться только в 3-м классе. С пылом юности мы всегда возмущались этим строгим, и, как нам казалось, непонятым правилом, но впоследствии каждый из нас находил в нём свой смысл. Все строгости дисциплины в этот счастливый момент казались легко переносимыми, особенно это было легко и даже забавно для тех, кто ехал в неприморские города. Там мало кто имел представление о том, что такое корабельный гардемарин, и армейские офицеры зачастую не знали, как же обходиться с этим чином, отдать ли ему честь первому, позволить ли остаться в ресторане. Простые солдаты иногда приходили в какой-то священный трепет при такой дотоле невиданной форме и с переляку становились во фронт. Как это было забавно. Но с важностью отвечаешь на приветствие и проходишь, как китайский мандарин. Обернувшись, случайно увидишь, как солдат еще долго и с недоумением смотрит тебе в след. Москва, куда я поехал, не очень отличалась в этом отношении от провинциальных городов огромной России, поэтому там можно было себя держать свободно, бывать везде и насладиться полностью своим коротким отпуском. Но вот он кончен. Нужно ехать в Петербург. Третий звонок курьерскому поезду. Я целую, ставшую мне дорогой маленькую ручку с букетом фиалок. Поезд уносит меня на север.

Ночь, полная воспоминаний, необъятных грёз о неизвестном будущем, проходит быстро. Туманное Петербургское утро, поезд плавно останавливается у перрона Николаевского вокзала. Не особо шикарный Петербургский "ванька" с прохладцей везет меня на Пушкинскую улицу в давно знакомый отель. Через час я

уже в Адмиралтействе, там я получаю приказание сегодня же явиться в Кронштадт на броненосный крейсер "Рюрик". А, "Рюрик" славный корабль... На палубе медленно шлепающего своими колесами "Котлина", я думаю о прошлом. Перед моими глазами, как в панораме проходят строящиеся корпуса "Гангута", "Полтавы", судостроительные заводы и старый крейсер, так счастливо избежавший своей судьбы в Цусимском сражении... Яркий вихрь воспоминаний о прошлой войне, то больно колющих самолюбие, то полных надежд на возрождение флота и его силу. В моей памяти ясно стал образ старого, погибающего "Рюрика". Старик Власыч, друг моего детства, видел его геройскую гибель, он рассказал мне о ней своими простыми словами, я их запомнил и решил идти во флот.

Град снарядов сыплется на потерявший ход "Рюрик". У него заклинило руль, он описывает дугу, пытаясь исправить повреждение, то там, то здесь вспыхивают пожары. Командир убит, все офицеры или убиты или ранены, палубы, казематы, усеяны трупами, он кренится. Единственная оставшаяся пушка отвечает на жестокий огонь японских крейсеров. Огненное кольцо сжимается над ним... Его два, более сильных и быстроходных товарища "Россия" и "Громобой" стараются ему помочь. Они пытаются отвлечь огонь на себя, но, увы, напрасно. Сильный враг добивает крейсер и он начинает погружаться. Еще несколько последних выстрелов с гибнущего корабля и все кончено. Холодная, страшная, неведомая пучина поглотила "Рюрик". Но его славное имя осталось...

Да, это оно должно возродить флот, это оно должно дать новую силу и исправить ошибки прошлого. В этот момент я готов был отдать всё, что мог, чтобы честь Андреевского флага осталась незапятнанной. Но для этого нужно было самоотверженно работать, учиться и учить.

Так в этих думах и мечтах прошли два часа. Желтая вода Невы стала темнеть, я поднял голову. Передо мной был Кронштадт, форты, военная гавань, полная корабельных мачт. Среди них я старался распознать знакомые мачты и трубы, но их не было. В этот момент ко мне подошел один из моих товарищей.

- "Здорово, дружище. Ты куда назначен?"

- "На "Рюрик".

- "Да что ты, я не знал, значит вместе будем плавать. Прекрасно".

- "Но я не вижу его. Где он?"

- "А, мой дорогой, ты плохо осведомлён, я предварительно все разузнал о крейсере. Какой командир, офицеры... словом все подробно. Он сейчас стоит в доке и выйдет через три, четыре дня. Ты знаешь, что на нем будет флаг командующего Балтийским флотом. Вот, я думаю, поплаваем с ним. Это, брат, адмирал...", - и он сделал выразительный знак рукой, - "Это человек жизни. Он пробыв всю войну на востоке и командовал "Новиком" и "Севастополем". У него можно кое-чему научиться".

- "Да... Сейчас я думал о прошлой войне... О старом "Рюрике".

- "Представь, я тоже. С этим именем у меня связано всё представление о флоте, его будущем... Но знаешь, я бы много дал, чтобы не быть пессимистом, это проклятое чувство мне порой отравляет все радости жизни. Вот и теперь...".

- "Ну, брат, брось. Надо всегда видеть лучшее и стремиться к нему".

- "Да, все это верно, но я фаталист и всегда верю в рок, судьбу... "Во мне часто бывают предчувствия, сегодня почему-то особенно они владеют мной...".

- "Предоставь это, мой дорогой, тем, у кого плохие нервы, и не думай об этом. Едем на крейсер, мы уже подошли".

- "Да, забыл тебе сказать, что нас будет всего навсего семь человек, дорогой скажу кто. Едем...".

Быстро промелькнули казармы 1-го экипажа, здание Морского Инженерного училища Императора Николая I, дом Главного командира, машинная школа. Перед городским садом мы остановились, я не мог отказать себе в удовольствии лишний раз посмотреть на памятник Петру Великому и с каким-то особым чувством прочёл, в сотый раз виданную надпись.

Через несколько минут мы были в доке. Огромный трёхтрубный корабль занимал весь док. Его корпус уже был очищен и покрашен. Значит недолго нужно было оставаться в доке. Вахтенный начальник, совсем еще молодой мичман, всего навсего прошлого выпуска, встретил нас с некоторым оттенком превосходства своего положения, что было ясно выражено на его красивом лице. Он холодно протянул нам руку и сказал: "Рассыльный, проведи господ корабельных гардемарин к старшему офицеру". Мы последовали за рассыльным. Через две минуты матрос почтительно постучал в дверь каюты, она открылась и в ней показалась довольно невзрачная фигура старшего офицера.

- "Честь имею явиться по случаю назначения на броненосный крейсер "Рюрик", - громко отчеканил каждый из нас, приложив руку к козырьку фуражки, как полагалось по морскому уставу.

- "Здравствуйте господа, Ваши фамилии? Вы - последние из назначенных на крейсер. Рассыльный, проводи господ гардемарин в их помещение". Рассыльный опрометью бросился вперед, его мало обтёсанная фигура ясно показывала, что он новобранец и обучен еще в экипаже быстро и точно исполнять приказание начальника. Он понёсся вперед. Едва поспевая за рассыльным, прыгавшим как заяц через комингсы переборок, мы, часто спотыкаясь с непривычки, прошли полутемной батареей палубой в нос корабля. Внезапно матрос остановился и почтительно приложив правую руку к фуражке, левой показал нам на дверь. Веселый смех и знакомые голоса послышались из-за переборки каюты, я стукнул в дверь и, не дожидаясь ответа, открыл её.

- "Аааа...", - загалдели все пятеро, сразу на разные тона.

- "Вот и они", - сказал высокий Э., сверкнув своими карими глазами, - "Теперь мы все в сборе".

Расспросы, обмен впечатлениями, всякие новости и слухи... Словом, как полагается при первой встрече, после некоторой разлуки. Оказывается П., первый по списку из всех нас, уже назначен старшим. Лейтенант Г., второй артиллерийский офицер, назначен заведующим обучением корабельных гардемарин. Немного времени спустя, когда каждый из нас уже успел разложить свои вещи и более-менее устроиться, лейтенант Г. зашел в наше помещение, его маленькая шарообразная фигурка пыталась перед нами держаться важно и с достоинством, но на добродушном лице не было и тени строгости. Мы сразу почувствовали, что наш непосредственный начальник будет очень сговорчивым и по службе нам не грозит особых осложнений.

- "Ну, вот, господа, устраивайтесь и, если что-либо вам понадобится, обращайтесь ко мне. Пока до свидания", - и он ушел, очевидно не желая с первого же момента как-либо обнаружить свой добродушный характер.

Остаток дня и вечер до позднего часа прошёл в бесконечных разговорах и рассказах. Наконец, наговорившись досыта, и порядочно утомленные за день, все семеро, как по приказу захрапели на разные лады. Завтра начнётся наш первый морской день на боевом корабле и в новом положении.

Бодрящие звуки горна. Играют повестку, это значит через 15 минут подъем флага. Как обалделый вскакивает П. со своей койки:

- "Господа!" - заорал он не своим голосом, толкая то одного, то другого в бок, в спину, не разбирая места, - "Вы забыли, чёрт вас дери, ведь мы представляемся сегодня командиру, скорее одевайтесь, осталось 10 минут!"

Меланхолическая фигура длинного К., бессмысленными глазами посмотрела на волновавшегося старшего гардемарина и повернулась на левый бок. Все остальные быстро спрыгнули со своих коек и в мгновение ока "чисто переоделись", как принято было выражаться на флоте в то время, т.е. надели мундиры и палаши. Оставалось восемь минут, а К. продолжал безмятежно храпеть. Что делать, нужно быть всем семи к подъёму флага?! Командир знает, что нас семь, ведь будет неудобно для первого дня. Недолго думая Б. схватывает со стола графин с водой и поливает на голову спящего К., остальные сбрасывают с него одеяло, подхватывают койку... и долговязая фигура очутилась на палубе. Ругаясь, отплевываясь, К. неохотно начинает одеваться. В это время с верхней палубы доносятся звуки "большого сбора", дудки боцманов и унтер-офицеров. Друг за другом мчимся мы по трапу на верхнюю палубу, придерживая палаши и стрелой несемся на юг. Корабль весь в движении. Всё население корабля быстро выходит наверх. Из кормового люка выходят офицеры, кто не торопясь, уже успев выпить чашку горячего кофе, кто поспешно, на ходу застегивая пуговицы белого кителя. Офицеры, по чину и старшинству, становятся по правому борту, сначала строевые, а затем инженеры-механики флота, за ними, также по старшинству становимся мы. В последний момент, пробираясь сзади ряда офицеров, бежит К. и занимает своё место. Против нас по левому борту стоит караул, горнисты, хор музыкантов, затем также по старшинству кондукторы, 2-я вахта команды и 1-я строятся соответственно по левому и правому борту корабля. В руке старшего офицера судовой рапорт, он строгим взглядом осматривает всех и становится у кормовой башни.

- "Смирррно!" - раздаётся зычный голос вахтенного начальника.

Из кормового люка показалась фигура командира, он не торопясь поднимается по трапу. Одним движением офицеры, кондукторы, боцманы берут под козырек. Сутуловатая фигура командира в черной тужурке, слегка переваливаясь, направляется идущему навстречу старшему офицеру. На палубе водворяется тишина, старший офицер рапортует. Затем командир в сопровождении старшего офицера подходит по порядку к офицерам и здоровается. Вот он приближается к нам, старший офицер представляет нас, командир протягивает руку каждому и молча проходит, направляясь к караулу: - "Здорово, караул!". Караул дружно отвечает. - "Здравствуйте, кондукторы", - потом обращается к команде, громким голосом произносит: - "Здорово, молодцы!". Сотни голосов одновременно и раскатисто рявкают: - "Здравия желаем, Ваше высокоблагородие!". В этот момент вахтенный начальник докладывает старшему офицеру, что "без одной минуты восемь", тот командиру. Командир кивает головой в знак согласия. На фок-мачте взвывается "Щ" (сигнал - подъём флага с церемонией).

- "На флаг и гюйс!" - проносится по всему кораблю команда вахтенного начальника. Несколько секунд ожидания. Восемь часов утра. Склянки бьют на баке восемь. - "Флаг и гюйс поднять...". На кормовом флагштоке медленно, медленно поднимается белый с синим крестом флаг. Караульные берут ружья на караул, оркестр играет традиционный Николаевский марш. Снимаются фуражки, и головы всех поворачиваются к флагу. Флаг поднят. Торжественные, проникающие и полные красоты звуки Императорского гимна несутся по кораблю. Его слушают с обнажёнными головами. Церемония подъёма флага окончилась.

- "Накройсь! Разойтись!" - раздается команда. Оркестр играет бодрящий марш. Ют быстро опустевает. Морской день начинается.

Так начались для нас служба и ученье. За три дня пребывания корабля в доке мы порядочно успели уже познакомиться с его устройством и тщательно занесли в свои записные книжки все нужные сведения. Постепенно мы вошли в жизнь корабля и стали его неотъемлемой частью. Но нам уже надоел док и хотелось скорее очутиться на воде. Наконец кингстоны батопорта открыты, вода каскадом хлынула в док. Прошло полтора, два часа, балки, поддерживающие корабль, начали шлепаться в воду, вот еще немного, он легко вздрогнул и всплыл. Через несколько часов "Рюрик" на Большом Кронштадтском рейде. Из его широких труб валит черный дым, завтра с рассветом мы уходим в Ревель. Снуют паровые, моторные катера, гребные шлюпки, которые делают последние приемки из порта. Нужно торопиться. Вечернее северное солнце бросает свои последние лучи. Они переливаются на крестах Кронштадтского собора, мириадами блеск играют на стеклах Ораниенбаумских и Петергофских дворцов. Там, далеко, отражаясь от мертвенной глади Финского залива, они освещают бесформенную громаду Северной Пальмиры. А там, направо, грозные орудия "Красной горки" блестят, как бы переливаясь разными цветами в багровеющих лучах. Тишина, ничто не шелохнётся, не пошевелится. Царь природы медленно уходит. Его последний, умирающий луч скользнул по беспредельной глади моря и исчез. Вспыхнуло багровое зарево пожара на западе и потухло. Тишина...

На следующий день, едва забрезжил свет, нас разбудили слова команды и дудки боцманов: - "Пошел все наверх, с якоря сниматься", - неслось из всех люков и сотни ног пронесли по палубе над нашими головами. Через минуту, каждый из нас был уже на своем месте, которое полагалось по авралу (общая работа) на корабле. Загремел, заскрежетал канат выбирающегося якоря, скоро он показался из воды и крейсер, развернувшись, дал ход. Кронштадт быстро удалялся. Скрывались из вида купол собора и башня Инженерного училища. "Рюрик" проходил мимо старинного Толбухина маяка. Все почувствовали простор, легкий встречный ветер освежал лицо и придавал бодрость всему телу. Дышалось как-то легко и хорошо. Этот поход до Ревеля доставил нам истинное удовольствие. Мы резвились, как котята и почти сутки прошли незаметно. Поздним вечером крейсер подошел к острову Наргену и повернув вправо, лег на створ Екатеринентальских маяков. Час спустя якорь грузно бухнул в воду Ревельского рейда. Уже с вечера на всем корабле было известно, что завтра на крейсер придет адмирал и поднимет свой флаг. Далеко не всем нравилось пребывание адмирала на корабле, потому что это приносило много беспокойства. Особенно старший офицер являлся всегда страдающим лицом. Нужно быть всегда начеку, провожать, встречать командиров других судов, приезжающих часто к адмиралу, постоянно торчать на верхней палубе, чегонибудь не пропустить, чегонибудь не доглядеть. Словом, беспокойства много. Особенно с адмиралом старого закала все было тяжело, в таких случаях мелочи, не имеющие серьезного значения, отвлекали от того, что было важнее, но не имело видимости. Но адмирал Эссен был иной складки. Он любил флот, море, был энергичным и добрым человеком. Его все любили на флоте, но недолго любили и побаивались, там, под шпилем Адмиралтейства. Он никогда долго не останавливался на своем флагманском корабле, его беспокойная душа требовала всегда быть в движении. То он на миноносце носится по Финским шхерам, приучая командиров судов ходить без лоцманов, то с отдельными отрядами судов продельвает в море эволюции и учения.

Его неутомимая деятельность и энергия производили впечатление, как на офицеров, так и на команду. В адмирале Эссене, плавающий флот видел человека,

который может поднять его на высоту и заставить позабыть моральные раны недавних поражений. Словом, с ним связывалась надежда на возрождение. Адмирал умело разбирался в людях и составил свой штаб из большей частью дельных и энергичных офицеров. Вот каково было впечатление о нём у всех нас, поэтому понятно, что мы ждали адмирала с известным волнением, но, впрочем и не мы только одни. Его зоркий взгляд проникал далеко и видел, что называется насквозь...

- "Охотник" под флагом командующего флотом", - докладывает торопливо сигнальщик вахтенному начальнику. Вахтенный начальник посылает доложить старшему офицеру и командиру. На всем корабле быстро заканчивается приборка. Эскадренный миноносец "Охотник", его видно хорошо простым взглядом, самым полным ходом идет на рейд. Через несколько минут он подойдет... На всех кораблях эскадры видно оживление. На соседних и несколько впереди стоящих "Андрее Первозванном" и "Павле I" играют большой сбор, офицеры и команда поспешно выходят на верхнюю палубу. На "Рюрике" всё уже готово к встрече. Миноносец, почти не уменьшая хода, пронесется мимо кораблей, слышен высокий голос адмирала, здоровающегося с командой в рупор и ответный громовой рев, сначала с "Павла I", потом с "Андрея". Вот "Охотник" выскакивает из-под кормы "Андрея", делает круто поворот вправо и несется вдоль линии крейсеров. Издали доносятся до нас со всех концов рейда раскаты сотен людских голосов. Наконец он поворачивает и идет к нам. Горнист как-то особенно проникновенно играет "захождение", а оркестр - любимый марш адмирала. Катера отваливают от крейсера, чтобы принять адмирала и его штаб, но напрасно. "Охотник" хорошим ходом сам подходит к правому трапу, и маленькая фигурка адмирала легко, по-юношески выскакивает на нижнюю площадку трапа.

- "Смирно, свистать фалрепных!". Двое, огромного роста, матросов сбегают с быстротой молнии вниз трапа, подать фалрепа, но адмирал уже входит на палубу. Командир и вахтенный начальник рапортуют. Адмирал принимает рапорт и идет здороваться с офицерами, нами, караулом, музыкантами, кондукторами и командой.

- "Здорово, молодцы!", - отчетливо произносит его голос.

- "Здравия желаем, Ващительство!", - отвечают весело шесть сотен молодых голосов.

- "На адмиральский флаг! Адмиральский флаг поднять!", - слышится команда вахтенного начальника и в мгновение ока на грот-мачте взвивается вице-адмиральский флаг. В тот же момент, на грот-мачте "Охотника" он падает вниз. Адмирал перенес свой флаг. На эскадре началась трудовая жизнь, учения, стрельбы, эволюции. Редко корабли долго оставались на якоре, они выходили постоянно для упражнений, это были неинтересные, но необходимые походы. Так прошли два месяца почти незаметно в беспрестанных практических занятиях. Как губка мы впитывали нужные знания и давали свои в занятиях с молодыми матросами. Редко, всего лишь на несколько часов, съезжали мы на берег слегка освежиться, предпочитая вечера проводить в своей каюте, за бесконечными рассказами и разговорами.

В одно из воскресений июня 1912 года должна была состояться закладка крепости Петра Великого в Ревеле. День был солнечный и тихий. С утра корабли расцвелись флагами, подкрасились, подчистились и заняли свои места по диспозиции. Около 9 часов, на горизонте показалась Императорская яхта "Штандарт". Вот она повернула на створ и ее лакированный борт сверкнул на солнце, на мачте реял желтый, с черным орлом Императорский штандарт. По всему рейду пронесли звуки горнов, правильные бело-черные линии

выстроились по бортам, надстройкам, башням и двенадцатидюймовым орудиям кораблей. Звуки торжественного гимна, громовые раскаты "ура" и орудийные выстрелы императорского салюта, все смешалось вместе... Сквозь стелющийся густой дым едва можно временами различить фигуру Государя. Он стоял, держа руку у козырька фуражки. В этот момент каждый испытывал, какое-то особое, полное восторга и умиления чувство. Царь... Всероссийский император... Повелитель почти 200 миллионов людей и одной шестой части земного шара, проходил мимо нас. Это чувство благоговения было не перед личностью, нет, обожали и чтили идею монархии, идеал справедливости, добра и любви к своему народу. Но в тот же момент странная мысль сверлила мозг: «Царь и Народ, но Боже, как они далеки друг от друга!» И та невидимая, связующая нить, которая должна существовать, была порвана. Чувствовал это я, чувствовали это и многие другие...

Яхта прошла, она медленно удалялась к острову Наргену, где должно было произойти торжество закладки. На всех кораблях сыграли отбой, команды разошлись и группами собирались на баке, покурить, обменяться впечатлениями. Мы проходили вдвоем с Д. по баку, собираясь покурить. Группа в несколько человек у десятидюймовой башни оживленно беседовала.

- "Ну, что видал царя?", - спросил высокий матрос, обращаясь к новобранцу.

- "Видал", - протянул тот своим костромским выговором.

- "Понравился он тебе?"

- "Ничаво", - сказал тот, потом почесал немного в затылке, и, затянувшись сигаркой, медленно, видимо подыскивая слова, продолжил: - "Объясни ты мне, милой, как же так, Россия велика, народу в ней много и достаток, кажись есть, а маленький япошка нас в пух и прах разбил?"

- "Э, парень, долго объяснять, как-нибудь потом скажу", - и матрос глазами обвел вокруг.

Я вопросительно взглянул на Д. и картины Цусимского боя, ненужной гибели тысяч молодых жизней, потом недавние восстания во флоте, мгновенно пронеслись передо мной.

- "Ты понимаешь", - сказал мне Д., - "Я всегда того мнения, что всё происшедшее должно иметь последствие, и мое убеждение в том, что это последствие будет плохим. Мне кажется, мы с тобой попали в несчастливую эпоху. Впрочем, не хочу пророчить. Поживем - увидим. Может быть, я действительно пессимист и вижу все в мрачных красках, но я чувствую, что мы накануне каких-то событий. Ты знаешь, брожение во флоте есть, оно не утихло, и, к сожалению, при настоящей обстановке утихнуть не может. Ты думаешь, что всё так просто, нет мой дорогой, будь уверен, нам придется еще кое-что увидеть и услышать, и скажу тебе откровенно, я жду все это без удовольствия. Не всегда можно рассчитывать на авось, небось, да как-нибудь".

Я чувствовал правоту его слов, но совсем не хотел в этот день предаваться мрачным мыслям, хлопнул его по плечу и повлек его вниз.

- "Свистать к вину и обедать", - донеслось в этот момент с юта и веселая трель унтер-офицерских дудок на все лады переливалась по палубам и кубрикам. У енды с хлебным вином (водкой) собралась необычно большая группа команды, по большей части старослужащих матросов. Каждый из них по очереди подходил к енды, выпивал чарку, как-то особенно кричал от удовольствия и рысью мчался к своему баку. Баталер с книгой и карандашом стоял около и отмечал пьющих, потому что те, кто не пил, при раздаче жалования в конце месяца, получал деньги

за невыпитое вино. И эта сумма довольно значительно увеличивала матросское жалование по тем временам.

Склянки пробили двенадцать. Мы спустились в свою гардемаринскую кают-компанию, где нас ждали пять наших веселых, беспечных и весьма мало думающих о том, что может быть, товарищей. По традиции, существующей на флоте, мы пригласили к себе на обед одного из офицеров. В это воскресенье к нам пришел лейтенант Н., весельчак и остроумный рассказчик. Обед прошел непринужденно и очень весело и мы с Д. совершенно забыли о своих утренних впечатлениях.

В тот же день Императорская яхта ушла в Балтийский порт, куда с визитом ожидался Германский император Вильгельм II, на своей яхте "Гогенцоллерн" и германская эскадра. Два наших линейных корабля "Павел I" и "Андрей Первозванный" и несколько больших миноносцев вышли туда для встречи. Очень дружелюбно, но просто встретил Царь Императора Вильгельма. Монархи обменялись установленными салютами и Вильгельм, кажется очень долго оставался на "Штандарте", затем он посетил линейный корабль "Павел I", довольно подробно осматривал его в сопровождении своей свиты. Какими маленькими тогда казались наши боевые корабли в сравнении с крейсером "Мольтке" и другими германскими судами! Визит продолжался недолго и обе эскадры, отсалютовав друг другу, разошлись. Уходя на запад, Император Вильгельм поднял не лишенный известного значения сигнал: "Адмирал Атлантического океана посылает привет адмиралу Тихого океана". Эти два близких по времени события нарушили монотонность нашей службы и жизни и служили темой разговоров на долгое время. Не смотря на то, что никакие тучи тогда еще не заволакивали горизонт Балтийского моря, предметом разговоров в кают-компаниях кораблей были немецкий флот и его сравнение с нашим. В эволюциях и упражнениях нашего флота главным заданием была защита с запада, к чему тогда упорно готовился Балтийский флот.

Спустя некоторое время программа наших занятий была закончена и Балтийский флот должен был собраться на Ревельском рейде перед началом маневров. Мы все радостно приняли известие о предполагаемом походе и посещении нескольких прибрежных городов и развлечениях в них. Наконец столь желанный день выхода эскадры наступил. За несколько дней до этого миноносцы и подводные лодки вышли из разных портов, очевидно, что на главные силы должны были быть произведены атаки миноносцев и лодок. После полдня "Рюрик" и за ним в кильватерную колонну все четыре линейных корабля, снялись с якоря и вышли в море. Около Балтийского порта на эскадру была произведена атака подводных лодок. Одна из них почти удачно атаковала крейсер и я ясно видел, как одна из её мин прошла по его носу. На мгновение боевая рубка подводной лодки показалась на поверхности и потом исчезла. В первый раз, я видел атаку подводной лодки и она произвела на меня впечатление.

В течение нескольких дней эскадра оставалась в море, проделывая эволюции, примерные сражения, минные атаки и пр. Все это производилось в районе Ливавы, острова Готланда и у Ботнических и Финских шхер. Наконец маневры окончены, и ко дню Гангутской победы весь флот собирается на рейде Гангэ, небольшого, но очень милого и благоустроенного городка. Место Гангутского сражения было недалеко от порта, но большие корабли не могли туда проникнуть из-за узости проходов в шхерах, поэтому только миноносцы и канонерки в этот день, становились на якорь около скалы, на которой был воздвигнут крест в память победы 27 июля 1714 года. В 1912 году сто девяносто восьмая годовщина сражения была отпразднована пышно. Рейд Гангэ был усыпан

кораблями разных типов и размеров, разноцветными флагами, с блестящими на солнце дулами орудий и сверкающей медяшкой, они как-то веселили обычно мрачный колорит финских скал. У креста происходило богослужение, после которого "Вечная память" и салют всех судов эскадры громоносным, раскатистым эхом пронеслось по безлюдным, серым скалам. Кое-где испуганный олень метался по голой скале и потом с размаха бросался в воду. Видно было, как его ветвистые рога прорезали спокойную воду шхер и потом скрывался за мхом и деревьями маленького острова. Встревоженный орел, распластав крылья, горделиво реял над крестом. Дивная, незабываемая картина. Может быть также раскатисто и гулко, орудийный гром раздавался тут же, почти двести лет тому назад. Может быть здесь, на этом самом месте, где теперь стоим мы, Великий Петр, накануне сражения думал о судьбе России. Его могучая фигура передо мной... Он стоит, опершись рукой на борт галеры, треугольная шляпа брошена на палубу... Легкий ветер трепет длинные волосы и острый, упорный взгляд не сходит с линии шведских кораблей. Враг силен, но нужно победить... Вдруг взгляд его яснее, перед ним, как привидения проходят стройные ряды зеленых мундиров со штыками наперевес, врезающихся в ряды врага... Швед разбит и на Полтавском поле. Императорский штандарт развеивается над склонившимися знаменами шведского короля... Вздвогнув, Император показывает рукой туда, где нужно прорубить просеку и по земле перетаскать галеры в тыл неприятельского флота. Вот она эта просека... Мне показалось, что как будто под гром салюта, я слышу звон сотен топоров, рубивших вековые деревья. Дремлющий враг не слышал зловещего для него звона, нарушавшего ночную тишину. Петр облегченно вздохнул, его чело просияло... Заутро бой... Еще солнечный луч не успел осветить серые финские скалы, как барабанный бой и горны громким эхом отдались в ущельях. То там, то здесь полоснуло пламя с бортов кораблей и раскаленное ядро со свистом лопнуло о палубу шведского корабля... Одно, другое третье... сотни их, шипя, свистя резали воздух. Испуганные звери и птицы, как сегодня, обезумевшие заметались... Вдруг там, где враг не ожидал, раздались громкие крики, лязг оружия, выстрелы и солдаты с галер, всесокрушающей волной хлынули на вражьи корабли. Еще мгновение и враг бежит...

С тех пор птенцы Петровы, гордо надув свою могучую белую грудь, вылетели на простор Балтийского моря. В память Гангутской победы, недалеко от просеки, на скале был поставлен крест. Около него, каждый год, русский флот собирался, что бы помолиться за души героев, открывших России дорогу на Запад. Вечером этого дня в курзале Гангэ бал, на него приглашены офицеры эскадры и корабельные гардемарины. Надо сказать, что Гангэ был довольно большим курортом, куда в летние месяцы съезжалось много публики со всех концов России, особенно её было много в этом году. Поэтому бал обещал быть очень интересным и оживленным. Нечего говорить про то, что к нему готовились особенно, конечно и мичмана и гардемарины. Но вот белые кители надеты и адмирал приглашает нас в свой катер. Мы скромно, гуськом спускаемся в адмиральский катер. Со всех судов несутся шляпки полные белых кителей, они с полного хода останавливаются у пристани, из них поспешно выскакивают белые фигуры и быстро отваливаются снова, что бы дать место адмиральскому катеру.

Курзал ярко освещен. Гирлянды цветов и флагов украшают его. Звуки эскадренного оркестра несутся по рейду и наполняют маленькие шхерные островки. Весело, уютно и просто. Среди присутствующих на балу я встретил госпожу С. с двумя дочерьми. Я знал их, еще будучи мальчиком в Москве и сейчас же представил моих товарищей, что бы барышни не скучали. Нечего и говорить, что все были обоюднo довольны. Мы танцевали, что говорится до упаду, болтали

и в промежутках между танцами ходили смотреть на иллюминированные суда эскадры. Разноцветные лампочки, дуговые фонари и свет прожекторов, вспыхивающих со всех сторон, делали этот тихий финский вечер особенно эффектным.

Милые две сестры С., из которых Лидия была старше и казалась уже совсем взрослой барышней, на нас произвели неотразимое впечатление, мы все ухаживали наперебой за обоими и впечатление от этой встречи осталось надолго... Потом, вечерами в нашей кают-компаниии обе сестры долго еще были неисчерпаемой темой разговоров. Словом вечер, на редкость прошел прекрасно, мы проводили наших дам до их дачи поздно ночью, пригласив их на обед, на завтра, к себе на крейсер. На следующий день мы все лихорадочно готовились к приему, вестовые убрали кают-компаниию, готовили стол. Моторный катер с красными уборами уже ушел за гостями и двое из нас, по жребию пошли на нём. Этот вечер прошел не менее весело и шумно, чем предыдущий, но к сожалению он был уже последний, т.к. ранним утром, на следующий день эскадра уходила из Гангэ. Проведя еще несколько дней в море, эскадра вернулась в Ревель и снова потекли монотонные своей службой и занятиями дни. Но, за этот промежуток времени произошло одно событие, которое на меня и Д. оставило глубокое впечатление. Однажды вечером, старший офицер позвал к себе нашего старшину гардемарина П., через несколько минут он вернулся с довольно взволнованным видом и сообщил, что командир приказал эту ночь спать одетыми и вооруженными, т.к. на крейсере и других судах ожидается восстание. Между нами были распределены места у переборок в носовом помещении, которое нужно было охранять в случае восстания... В эту ночь, как раз была моя очередь быть караульным начальником. На всякий случай караул был подобран из наиболее надежных людей, но тем не менее всю ночь я оставался в караульном помещении в одном из казематов противоминной артиллерии. Несмотря на ожидания и приготовления, ночь прошла совершенно спокойно, если не считать того, что команда была настроена нервно, это было заметно, и не по тому, что она собиралась восставать, а по-моему наоборот, потому, что она боялась быть заподозренной в этом. Впечатление от этой ночи осталось отвратительное, как у офицеров, нас и матросов. На душе было, как-то гадко. На следующий день, я видел, как на "Императоре Павле I" и "Андрее Первозванном", два-три матроса в сопровождении жандармов были посажены на катер и отправлены на миноносец, который стоял совсем близко от нас. Я вижу, как их сажают в кормовое унтер-офицерское помещение и закрывают люк. Миноносец снимается с якоря и уходит полным ходом. Через несколько минут к трапу крейсера подошел катер, из которого вышел жандармский офицер. Командир подошел к нему, сказал несколько слов и он сейчас же уехал. Потом уже, я узнал, что жандармы хотели произвести обыск и арест среди команды, но командир не позволил этого сделать. Между тем, только что описанное событие имело под собой известное основание. В Черноморском флоте готовилось серьезное восстание, на одном из кораблей сами же матросы донесли о тайных собраниях и готовившемся восстании, все было своевременно раскрыто и по всему флоту пошли аресты. Таким образом грандиозное восстание, которое по своей жестокости, должно было превзойти восстание 1905 года, было предупреждено. Конечно, надо сказать, что все эти события для нас не были неожиданной новостью. Брожения во флоте существовало с неудачной японской войны. Оно временами то вспыхивало, то угасало, но искра тлела всё время и причины его были следующими:

Задержанная в своем естественном развитии, почти четырехвековым татарским игом, Россия сильно отстала от Запада, который она же защитила от

нашествия монголов, опустошивших восточную половину Европы. Расчлененная, ослабленная она билась в этих тисках, тщетно стараясь освободиться от них и только лишь много времени спустя, победой на Куликовом поле, она вырвалась на свободу. Но долгое иго татар не осталось без следа в характере и обычаях русского народа. Народ рос и развивался иначе, чем то происходило на Западе и его государственная организация создавалась своим особым манером. В то время, как на Западе более или менее конституционная форма правления веками впитывалась в сознание народов, в России, благодаря постоянной ее борьбе за независимое существование ее географических условий, выкристаллизовалась идея самодержавной власти, которая лишь одна могла в ту эпоху создать государство независимое и сильное, способное сопротивляться натиску диких азиатов. Занимая срединное положение между Азией и Европой и долго, как бы замкнутая сама на себя, Россия в силу этих совершенно особенных условий, она не поддавалась влиянию с запада и шла своей дорогой, сохраняя свой не похожий на других уклад жизни. Но постепенно, соприкоснувшись с западной Европой, либеральные идеи последней стали проникать через толщу неведения и откладываться в сознании известных классов народа. Петр Великий резко порвал со всем старым и с этого момента развитие страны приняло совсем иной характер и она стала ближе к западу. Но вместе с тем в своей внутренней организации, она упорно сохраняла наследие прошлого, которое ярче всего выразилось в том, что народ был разделен надвое: господ и рабов и, что в истории России называется крепостным правом. Характерной чертой крепостного права был произвол барина над мужиком, что конечно не могло продолжаться до бесконечности, особенно после того, как Россия завела тесные отношения со странами Европы. Война с Наполеоном и оккупация русскими войсками Парижа в 1814 году, была первой революционной искрой, правда тотчас же потушенной. Пылкая офицерская молодежь, принадлежащая к лучшим русским фамилиям, по возвращении из Франции на родину, принесла с собой идеи французской революции. По всей армии были образованы тайные общества, целью которых был государственный переворот и образование республики. Эти неслыханные идеи были совершенно чужды солдатам и они имели успех только среди ограниченных групп офицеров армии, флота и высшего аристократического общества. Спустя одиннадцать лет, в декабре 1825 года, воспользовавшись некоторым замешательством при вступлении на престол императора Николая I, заговорщики-офицеры вывели подчиненные им войска на площадь Петербурга с целью совершить переворот, но бунт был подавлен с большой твердостью. Среди восставших войск находилось между прочим и несколько морских частей.

Это декабрьское восстание имело свое следствие и было началом революционного движения вообще. Особенно социалистически-революционная пропаганда имела большой успех среди интеллигентного класса и учащейся молодежи. Появились многие из экзальтированной молодежи, которые шли в народ проповедовать и распространять новые идеи. Результаты упорной и все время растущей пропаганды время от времени выражались в виде местных восстаний, бунтов, забастовок и пр. Вместе с тем, несмотря на некоторые недостатки своей внутренней организации, заметно начинающей стареть, Россия ширилась и крепла. Медленно, но верно, она начала подчинять своему влиянию народы, населяющие огромный азиатский материк и подошла вплотную на востоке к Тихому океану, на юге к проливам и широким фронтом двигалась к берегам Индийского океана. Такое угрожающее движение русского медведя не понравилось британскому льву, держащему в своих лапах морские пути и мировую торговлю. Слишком оно угрожало богатым английским колониям и ее мировому

влиянию. Поэтому нужно было найти во что бы то ни стало средства повалить медведя. Бороться с ним открытой силой было опасно и сомнительно, поэтому к России, как в свое время к Франции был применен испытанный способ: сеять вражду на материке, поддерживать ее и обогащаться за ее счет. Так и было сделано в начале 20-го века. Слишком далеко проникнувшая на восток Россия была отброшена оттуда японскими руками при посредстве английских денег. Но этого все же было недостаточно, надо было как можно сильнее ослабить Россию и вывести ее из ряда великих держав. Ставший по силе третьим, русский флот должен был быть уничтоженным. Английский ларчик, из которого сыпались щедро деньги Японии, был моментально закрыт, как только появилась опасность, что война может продолжиться и возможно с успехом для России. Для этой цели, кроме внешнего для России врага, выполнившего свою миссию, был пущен в ход и враг внутренний, что бы совершить, так сказать, взрыв изнутри. Экзальтированная русская молодежь, неспособная разобраться в сущности событий и руководимая еврейским Бундом, видящем в России оплот против еврейства, на те же деньги, начала революцию заранее подготовленную. Проигранная война, недовольство в народе и армии было использовано в полной мере и революционная волна прокатилась по всей огромной России. Больше всего революционные вожди обратили свое внимание на флот, остатки которого после Цусимского разгрома, еще находились во всех морях. И вот целый ряд бунтов в Кронштадте, Гельсингфорсе, Севастополе, Владивостоке и Баку потрясли всю страну. И русский медведь запатался, но не упал...

После неудачной японской войны, наиболее здоровый и рассудительный элемент во всех слоях общества, так же и во флоте принялся за исправление совершенных ошибок. Но к несчастью России в этот промежуток времени, она не имела в составе правительства людей государственного ума, которые понимали бы действительное положение государства и умели бы найти средства к его естественному и постепенному совершенствованию государственности. Поэтому то, что делалось людьми здравомыслящими, было не понято людьми правящими. Результаты такого ненормального явления должны были сказаться, и они сказались скорее, чем можно было ожидать.

Все вышесказанное относится к пояснению общей картины исторического бытия России и пояснению того, как и почему началась революция на Руси. Но были частности, особенно в армии и флоте, которые способствовали постоянному недовольствию среди нижних чинов и даже среди офицеров. Дисциплина была строга в русских армиях и флоте, но никогда она не была жестокой. Ей подчинялись без ропота, но к сожалению военные руководители дополняли её ненужными мелочами, порой оскорбляющими человеческое достоинство, почему она и была благодатной почвой для революционной пропаганды. Вот почему нам приходилось наблюдать иногда картины подобные вышеописанной.

Как результат вышеизложенного, вспыхнуло восстание во флоте, как я уже говорил раньше, но всегда сильнее оно было в Черном море. Во главе его встал лейтенант Шмидт, человек неуравновешенного характера и нервно расстроенный. Несомненно он руководствовался хорошими побуждениями и мечтал о лучшем будущем для всех, но находясь под влиянием революционеров, неспособных разбираться вообще в обстановке и желающих только одно разрушение, не сумел на свою сторону привлечь большинства. Большая часть судов осталась верной правительству и крейсер "Очаков", на котором Шмидт поднял свой красный флаг, после короткой перестрелки на Северном рейде Севастополя сдался. Лейтенант Шмидт по приговору суда был расстрелян на острове Березань вместе с несколькими соучастниками. Конечно главные подстрекатели - революционеры,

по преимуществу евреи, заблаговременно скрылись за границу, а люди порядочные заплатили за свои заблуждения кровью. Между прочим для всех революционных событий имевших место последнее время с 1905 года в России, когда дело кончалось неудачей для революционеров, их главные руководители, как ни странно на 90% - всегда евреи, поразительно умели скрыться во-время и это явление было чрезвычайно характерно для русской революции. Спустя год с небольшим, в 1907 году, революционная вспышка в Черноморском флоте повторилась. В это время эскадра стояла в Тендровском заливе для практических артиллерийских стрельб. На линейном корабле "Князь Потемкин-Таврический", якобы по причине несвежей пищи, на самом деле, как результат революционной пропаганды, обнаружилось недовольство части команды, которое быстро перешло в открытый бунт. Командир и часть офицеров была перебита и выброшена за борт, остальная часть офицеров была высажена на берег. Во время перестрелки было убито 2 или 3 матроса. Командиром взбунтовавшегося корабля сделался один из офицеров запаса, который по требованию команды повел его в Одессу. Тут на молу, трупы убитых были положены с надписью на груди "один за всех и все за одного". Конечно все это проделывалось с целью подогреть и вызвать восстание в этом огромном приморском городе, для чего 12-ти дюймовые орудия "Князя Потемкина-Таврического" могли пригодиться. И оно действительно началось, но прибытие всей остальной эскадры заставило взбунтовавшийся корабль уйти из города. Между прочим, надо сказать, что при встрече корабля и эскадры момент был критический. Адмирал, командовавший, не решился на крайние меры, не будучи уверен во всех кораблях эскадры, и противники разошлись. Восставший корабль почувствовал некоторую уверенность и, рассчитывая на успех, пошел бродить по портам, силой своего оружия доставая себе пищу и уголь. Так это тянулось несколько дней, в течение которых на нём начались недоразумения среди команды, в результате чего он пришел в Румынию, в Констанцу и там был покинут всей командой, скрывшейся за границу. Опять-таки не лишним будет упомянуть, что агитаторы-евреи, севшие на него в Одессе, видя неудачу и начавшийся разлад среди всех, решили спастись, очевидно считая для себя море слишком опасным полем для продолжения пропаганды и нашли для себя безопасное убежище в Констанце. Ясно, что Румыния пришла в ужас от появления такого страшилища и от страха ничему не препятствовала. Немедленно прибывшая эскадра увела брошенный корабль в Севастополь, где он сейчас же был переименован в "Пантелеймон".

То же самое произошло, несколько раньше в Балтийском море с крейсером "Память "Азова". В искупление своей вины бунтовавшие экипажи были посланы для усмирения, обьятого пожаром революции Прибалтийского края, населенного эстонцами, латышами и немцами. Эта экспедиция увенчалась полным успехом и край был жестоко усмирён, но нельзя признать, что бы эта мера со стороны правительства была дальновидной, разрешала бы проблему, наоборот эти жестокие меры вызвали только усиленную пропаганду и особенно среди морских частей.

Так, постепенно, то падая, то поднимаясь, шла революционная волна в Русском флоте, временами готовая затопить его.

Но скоро, по свойственной молодости безалаберности и впечатлительности, мы забыли о происшедшем.

1 августа, в годовщину боя в Корейском проливе, на "Рюрик" была отслужена заубойная литургия по героически погибшим на старом "Рюрик". История славного корабля и его доблестная гибель была известна всем. Офицеры и матросы искренне молились за души усопших, покоящихся в глубине океана.

Героем дня был кочегар М., который на старом "Рюрике" был тем же. Но, несмотря на долгосрочную службу, он не получил никакого отличия до сих пор, потому что беспробудно пьянствовал и буйствовал. В каждый съезд его на берег, который, надо сказать правду, был очень редок, с берега возвращалась вместо кочегара М., какая-то бесформенная полуживая масса. Так он был пьян и избит. На этот раз начальство решило его отличить, и в день 1 августа он был произведен в унтер-офицеры. Нечего и говорить, что все его искренне приветствовали, но для него самого это был лишний повод выпить. После обеда он съехал на берег и только три дня спустя, его нашли где-то за городом. Его привезли на корабль в неописуемом состоянии, скорее какие-то опметки, чем человеческое тело.

Спустя некоторое время, когда над Ревельским рейдом, медленно ползли темно-серые облака и мелкий дождь иногда совершенно закрывал горизонт, из-за Наргена показались силуэты незнакомых нам кораблей. То была эскадра английских крейсеров: "Инвизибл", "Уорриор" и др., которая делала осенний визит в Россию. Она простояла в Ревеле три дня, которые прошли довольно весело. Никаких особых торжеств или приемов не было, но время прошло незаметно. Против нас стоял "Уорриор", тот самый, который впоследствии погиб в Ютландском бою. У нас была какая-то дружба с гардемаринами этого крейсера и мы часто ездили друг к другу. Утром на четвертый день английские крейсера снялись с якоря. Флагманский "Инвизибл" при проходе послал людей по вантам, чему последовали и остальные крейсера. Красные мундиры морской пехоты, звуки гимна, крики "ура" делали картину прощания довольно эффектной. Каждый испытывал в этот момент настоящее чувство дружбы, которое в тот момент было искренним и неподдельным. Прошло несколько дней, и мы с радостью узнали о скором походе за границу. Курс наших практических занятий закончился, и оставались только экзамены после возвращения из плавания. Оказалось, что в поход пойдет весь Балтийский флот и, что в следствие этого наше плавание будет недалеким. Это известие немного охладило наш пыл, так мы собирались увидеть все страны Европы. Новость оказалась совершенно справедливой, и флот должен был идти только в Копенгаген в Дании. Этот поход всем флотом был первым после японской войны, и, так как он обходился слишком дорого для правительства, то решено было ограничиться только Балтийским морем. Нам было искренне жаль и мы завидовали нашим предшественникам, которые плавали гораздо больше и видели многое. Но ничего не поделаешь - мы смирились с этой мыслью, надеясь в будущем вознаградить себя сторицей. И вот наша великая армада в походе. Адмирал решил соединить приятное с полезным и поэтому в дороге производились эволюции, минные атаки и пр. К общему удовольствию погода на редкость в эту осеннюю пору, была хорошей, чем особенно воспользовался обучающий нас штурман и днем и ночью заставлял нас брать высоты солнца, ловить звезды по ночам, для определения места. Проходя мимо германских берегов, всем, как-то особенно бросилось в глаза внезапное появление германских крейсеров, которые по-видимому решили нас сопровождать в течение ночи. Что это были именно они не могло быть никакого сомнения, так как их станции беспроволочного телеграфа нам были хорошо известны. Всю ночь огонь из иллюминаторов, появляющихся то там, то здесь и мгновенное исчезновение с наступлением рассвета, окончательно убедил всех в справедливости нашего предположения. Хотя никто в ту пору не думал о войне, но на немцев смотрели, как на будущих врагов. К ночи, на следующий день эскадра линейных кораблей и крейсера подошли к проливу Большой Бельд. Погода испортилась, шел дождь и ночь была совершенно темной. При таких условиях проходить проливом было не особенно легко. Наш несомненно опытный и очень много плавающий командир

слегка волновался. Но адмирал, который привык ходить ночью по пшерам, ни мало не задумывался об известном риске и смотрел на этот поход всем флотом через пролив в таких условиях прекрасным практическим уроком. Он оставался всё время на мостике крейсера и наблюдал за всеми кораблями. Но все обошлось благополучно, и ни один корабль не совершил промаха. Надо сказать правду, что кораблевождение у нас было поставлено прекрасно и особенно последние годы суда плавали ночью по таким местам, куда другие бы не пошли. В прошлом году, не помню именно где, в густой туман бригада наших линейных кораблей прошла узким проливом, тогда как англичане не пошли. Это нужно было приписать точности определения девиации на наших кораблях и вообще хорошей постановке штурманского дела. Утром вся Российская Армада входила на Копенгагенский рейд. Орудийные салюты с крепости и кораблей встревожили мирный Копенгаген, который встретил нас очень радушно и приветливо. Большие корабли все остались на рейде, но миноносцы вошли в гавань и стали недалеко от Императорской яхты "Полярная звезда". На ней в Копенгаген пришла вдовствующая Императрица Мария Федоровна, имевшая в это время пребывания в Дании у своей сестры, так же как и третья сестра, английская королева Мэри.

На другой день нашего прихода, на "Рюрик" приехала вдовствующая Императрица с Датским Королем. Я первый раз видел жену Императора Александра III. Она медленно обходила фронт офицеров, каждому подавая руку. При ее приближении офицер снимал треугольную шляпу, быстро совал её под мышку левой руки и целовал руку Императрицы. Адмирал находился все время около Государыни и представлял офицеров. Дойдя до нас Государыня немного приостановилась, адмирал сейчас же пояснил ей, что это корабельные гардемарины, которые на днях будут произведены в офицеры. Она ласково протягивала руку каждому из нас, произнося с акцентом: "Здравствуйте". Следуя примеру офицеров мы почтительно целовали ее руку. Потом она прошла по рядам матросов, здороваясь с ними и приветливо кивая головой. Затем Датский Король в свою очередь, здоровается со всеми, он произносит приветствие: "Здорово молодцы!", - с ударением на последнем слове и видимо с большим затруднением для себя, но никто, конечно не подал вида и не улыбнулся при таком искажении русского языка. Визит царственных особ продолжался недолго и они отбыли при громе салюта со всех судов эскадры. После обеда все суда эскадры, особенно "Рюрик" были наводнены посетителями, для сопровождения которых по кораблю, отряжались главным образом мы, корабельные гардемарины. Эти визиты продолжались до вечера и весь следующий день, достаточно нам поднадоев. Конечно не надо упоминать про то, что мы старались во всю перед датчанками, пытаясь им все объяснить и показать. Вечером на третий и последний день нашей стоянки, адмирал устроил на "Рюрике" грандиозный бал, на который была приглашена вся знать и дипломатический корпус. За три часа перед балом крейсер совершенно преобразился, - его нельзя было узнать. Огромный ют корабля походил на курзал, усеянный электрическими лампочками и убранный со вкусом и большим комфортом. К шести часам начался съезд приглашённых, которых было около пятисот. Каждой даме, как только она вступала на палубу корабля, преподносился букет цветов, и левая рука, немного выше локтя, перевязывалась черной лентой с названием крейсера. Таков был обычай на русских кораблях, имевший раннее происхождение. Конечно, как гости, так и хозяева немного стеснялись первый момент по приезде, и дело как бы не клеилось. Чтобы расшевелить холодных датчанок и шведок, сейчас же было предложено шампанское, и, можно сказать, в несколько минут, публика преобразилась. Молодые офицеры и гардемарины наперебой приглашали дам, и бесчисленные

пары вертелись в вихре вальса, танцы шли за танцами, ни одна дама не была не приглашена. Бал был весёлый и очень удачный. Многие из дам, уезжая с крейсера после бала, говорили, что никогда в жизни им не приходилось провести время так весело и мило. Иностранцы, уезжая, утверждали, что им до сих пор не приходилось видеть шведок и датчанок такими весёлыми. Их холодная северная натура не поддавалась беспечной весёлости, но русские умеют веселиться и своим весельем заражать других. Словом, все были довольны, и приглашения со всех сторон сыпались на нас, но, увы, завтра с рассветом мы уходили, и никому из нас не удалось побывать на балу Балтийской столицы.

Быстро промелькнули мимо нас датские берега, место, где по преданию был замок Гамлета и неприступный, холодный остров Борнгольм. Еще несколько дней в Балтийском море, и мы снова на Ревельском рейде. Наше практическое плавание окончено. Оно было бедно впечатлениями и мечты увидеть экзотические страны или покрытые мхом берега Ледовитого океана, освещённые северным сиянием, оказались красивым воображением...

Дни последних экзаменов прошли быстро, и нам осталось пробыть на "Рюрик" несколько дней перед отъездом в Петербург. Как я говорил выше, атака подводных лодок произвела на меня большое впечатление, и когда мы вернулись в Ревель, я отправился на стоявший там дивизион подводных лодок, всё разузнать подробно относительно поступления в подводный класс, намереваясь поступить туда, но мне это не удалось, так как правила службы на флоте не позволяли офицеру по первому году поступать в класс. Так моя первая попытка потерпела неудачу.

За два дня до нашего отъезда, адмирал пригласил нас, корабельных гардемарин к себе на обед. Мы были смущены и в то же время тронуты этим приглашением. За столом мы были посажены вперемешку с офицерами, и обед прошел очень мило, но я бы не сказал, чтобы оживленно, потому что мы чувствовали себя неловко среди начальства. Адмирал, его начальник штаба и командир вспоминали о корпусе и о своем далёком прошлом, мы же с благоговением слушали их воспоминания. В них было всё, и плавания на парусных кораблях, с жизнью так мало похожей на современную, приключения в далёких странах, плавания среди льдов и военные подвиги... Для них все это было в прошлом, а для нас может быть в будущем, и так хотелось видеть весь мир, обойти его кругом, проникнуть в неведомые воды и совершить легендарное...

На следующий день мы тянули жребий, кому в какое море выходить, потому, что только несколько человек оканчивающих первыми имели право выбора. Было пять мест, куда отправлялись вновь произведенные офицеры: это Балтийское, Черное и Каспийское моря, Тихий океан и река Амур в далекой Сибири. Вполне естественно, что большинство стремилось попасть в Балтийское море, которое было так близко от столицы, и где были такие весёлые порты, как Гельсингфорс, Ревель, Либава и Кронштадт, находящийся всего на всего в двух часах от Петербурга. С другой стороны немного было любителей, желающих попасть на Астрабадскую станцию у пышущих зноем Персидских берегов или бродить, может быть по одной из самых красивейших рек мира, какой является Амур, протекающий по границе Небесной Империи. Но я стремился туда, на Восток с его беспредельной морской границей, дикими берегами Камчатки, пустынными Командорскими островами и Великим океаном.

На клочке белой бумаги, который я судорожно сжимал несколько часов спустя, было написано: Черное море...

Через три дня, 5 октября 1912 года, приказом Государя Императора мы были произведены в мичманы и разъехались по местам назначения.

Глава 2

Перед тем, как явиться к месту своего нового служения, нам было дано несколько дней для отпуска. Особенно срок оказался ограниченным для тех, кто ехал в Черное море, потому что обстановка, сложившаяся в это время на этом театре, была не совсем обычной.

Между Болгарией и Турцией была война. Симпатии России по многим причинам были на стороне Болгарии, которая победоносно продвигалась к Константинополю, хотя все шансы на победу казались на стороне последней, тем не менее Русское правительство делало некоторые военные приготовления на юге. Каждый из нас, кто приезжал в ту пору в Севастополь, мало интересовался политикой и больше был озабочен тем, на какой корабль он попадет. Часть стремилась на миноносцы и вообще маленькие корабли, а другая часть, наоборот - на большие. Начальство не обращало внимания на стремления мичманов и назначало туда, куда находило нужным, поэтому совершенно естественно, что все волновались. Конечно те же чувства испытывал и я. Но на не пришлось особенно долго терзаться ожиданиям - так как менее чем через два часа, многие уже представились командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Эбергарду и тут же получили приказания явиться на корабли. Я был назначен на линейный корабль "Евстафий", на который и должен был явиться немедленно. Вернувшись на берег с флагманского корабля, крейсера "Кагул", я быстро сбросил с себя свой новенький мундир, собрал несложный и немногочисленный багаж и отправился на Графскую пристань ждать очередную шлюпку с "Евстафия". Красивый, с уборами паровой катер подскочил к пристани. В него вошло несколько офицеров, за которыми последовал и я. Между ними обращала на себя внимание высокая фигура офицера в чине лейтенанта, с черной бородой, которого я и принял за старшего. Это был лейтенант, князь У., очень скромный и милый человек, первый артиллерийский офицер корабля. Как полагалось, я спросил у него разрешения остаться в катере, а также погрузить свои вещи. Он очень любезно мне ответил и мы разговорились. Вскоре катер наполнился офицерами, возвращающимися с берега и разговор принял общий характер, касаясь военных событий и всяких возможностей на этот счет. Но он сразу прекратился, когда к катеру подошел командир корабля, капитан 1-го ранга Г. Старшина отрывисто сказал: - "Смирно!", все встали, ожидая пока командир войдет внутрь. Он вошел, поздоровался со всеми присутствующими и приказал отваливать и мы понеслись по Северной бухте. Через несколько минут силуэт "Евстафия" вынырнул из темноты и до нас донесся голос часового у кормового флага: - "Кто гребет?". На ответ старшины - "Командир", - огни правого трапа ярко его осветили, катер дал сразу задний ход и остановился. В этот вечер я успел только познакомиться только с частью офицеров корабля и утомленный за день отправился в свою каюту, в каземат восьмидюймового орудия, которая нам была дана вместе с моим товарищем. Я добрался до нее с трудом пробираясь под подвесными койками спящих матросов, в полутьме каземата. Вестовой, молодой матрос Соломко, разбитной и разговорчивый хохол, быстро распотрошил мой чемодан и наскоро устроил койку.

На следующий день, надев, как полагалось мундир и треугольную шляпу, я представился командиру при подъеме флага и перезнакомился с остальными офицерами. Получив необходимые инструкции относительно моих обязанностей и службы от старшего офицера, я с этого дня целиком окунулся в жизнь моего нового корабля. С этого момента для меня потекли дни служебного однообразия, занятий с командой, вахтами. Конечно, как всегда и всюду было принято, меня, как новичка сразу поставили на "собаку", т.е. вахту от 12 дня до 12 часов ночи, самую

нудную и скучную. Сколько отстоял я этих "собак" на "Евстафии", сосчитать трудно. Сколько томительных и длинных ночных часов провел я бродя по палубе, отгоняя от себя одолевающий сон. Но были среди них и часы, которые никогда невозможно забыть. Это было тогда, когда лунная южная ночь спускалась над Севастополем и околдовывала его. Как красивы, как хороши были эти ночи с мириадами звезд на посеребренном лунным светом небе! Как яркие, как отчетливы грезы тогда, убаюканные легким, освежающим ветерком несущимся оттуда, издалека...

Корабль спит. Изредка, нарушая тишину, пронесутся по рейду удары склянок и стихнут медленно замирая в прозрачном воздухе. И снова наступает тишина. Временами порыв ветерка донесет звуки струнного оркестра с Приморского бульвара и как бы взбодрят, встряхнут. Новый рой мыслей, новые мечты нахлынут волной и не видишь, как текут часы. Севастополь особенно красив в такую лунную ночь. Его памятники, форты, редуты невольно заставляют вспомнить поистине героическую эпопею. Образы тех, кто сражался и умирал, отстаивая его, витают над ним. Они не могут исчезнуть, мимо них нельзя пройти мимо, без того, что бы не остановиться и вспомнить прошлое.

Каждый клочок земли полит драгоценной человеческой кровью и здесь на Севастопольских холмах, более чем, где либо, отразился дух и героический образ русского солдата и офицера.

История Севастополя - история Черноморского флота и его вождей. Основателем Черноморского флота надо считать адмирала Лазарева, одного из самых образованных и выдающихся русских моряков начала 19-го столетия. В самом начале его, будучи командиром шлюпа "Мирный", он ходил в экспедицию в Южный Ледовитый океан и достиг таких широт, до которых еще никто не доходил. Труды этой экспедиции были ценным вкладом в научную литературу и создали ему имя. Но кроме своих научных заслуг, адмирал Лазарев был блестящим морским офицером и создателем той школы, из которой вышли впоследствии знаменитые защитники Севастополя в 1854-55 г.г. адмиралы Нахимов, Корнилов, Истомин и целая плеяда других. Нахимов был первым, самым талантливым учеником Лазарева. Он долго плавал с ним и под его начальством, на корабле "Азов" участвовал в знаменитом Наваринском сражении в 1827 году, где и получил орден Святого Георгия 4-той степени. Назначенный за несколько лет до Крымской войны командующим Черноморским флотом, Нахимов воспитывал его по принципам своего учителя и с удивительной способностью понимать психологию матроса. В тот довольно жестокий по своим нравам век, это было ценное качество. Когда Нахимов вел свою эскадру в бой, он вполне сознавал свое сильное влияние и слепую преданность к нему его сослуживцев, от адмирала до матроса и особенно искусно и прозорливо пользуясь ими вел их к победной цели. Он называл матросов своими "детками". Он не только любил их, как отец, но и уважал их, как человек, вполне оценивающий их достоинства. "С юных лет, был я постоянно свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию. Мы сдружились давно, я горжусь вами с детства", писал он в приказе по случаю производства его в адмиралы. Никто лучше Нахимова не умел говорить с матросами. Его простая, но обдуманная и исходившая от сердца речь не только была им понятна, но и неизменно производила свое впечатление. Никто лучше Нахимова не изучил трудной науки обращения с подчиненными, умения согласовать справедливую строгость с заботливостью и кротостью. "Нельзя принять поголовно", - говорил он, - «одинаковую манеру со всеми. подобное однообразие в действиях начальника показывает, что у него нет ничего общего с подчиненными и, что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это

очень важно... Вся беда наша в том, что многие молодые люди получают вредное направление от образования, понимаемого в ложном смысле. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранных языках, я против этого нисколько не возражаю и сам охотно занимался ими в свое время, да зачем же прельщаться всем чужим до такой степени, что бы своим пренебрегать. Некоторые так увлекаются ложным образованием, что никогда не читают русских журналов и хвастают этим, я это наверно знаю-с. Понятно, что господа эти так отвыкают от всего русского, что глубоко презирают сближение со своими соотечественниками - простолюдинами. А вы думаете, что матрос не замечает этого? Замечает лучше чем наш брат. Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее уж их дело. А каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверно знать, что начальники их не любят. Вот настоящая причина, что на многих судах ничего не выходит и, что некоторые молодые начальники одним только страхом хотят действовать. Страх подчас хорошее дело. Да согласитесь, что не натуральная вещь несколько лет работать напропалую ради одного страха. Необходимо поощрение сочувствием, нужна любовь к своему делу-с, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи...".

Адмирал Нахимов ясно понимал, что сила флота основана на матросе и отсутствие нравственной связи между матросом и офицером вредно отражается на нем. "Пора нам перестать себя считать помещиками" - говорил он - "а матросов крепостными людьми. Матрос управляет парусами, он же наводит орудия на неприятеля. Матрос бросится на abordаж, если понадобится. Все делает матрос, если мы начальники не будем эгоистами, ежели мы не будем смотреть на службу, как на средство удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных, как на ступени для собственного возвышения. Вот кого нам нужно возвышать, учит и возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы несебялюбцы, а действительные слуги отечества. Вспомните Трафальгарское сражение. Какой там был маневр? Вздор-с! Весь маневр Нельсона состоял в том, что он знал слабость неприятеля и свою собственную силу, и не терял времени, вступая в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолюдинах, которые были воспитаны им и его предшественниками.»

Вот в чем была основа воспитательного метода адмирала Нахимова и она не замедлила дать блестящий результат. В Синопском сражении турецкий флот, находясь под защитой береговых батарей, был уничтожен шестью русскими кораблями.

Ночь на 18 ноября была бурной, дождливой. Сильный, порывистый ветер ревел над эскадрой. Наступивший, поздний рассвет открыл бухту и вражьи корабли. Около 10 часов, адмирал поднимает сигнал: "Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд". Отслужив молебен, с развевающимися на стенах флагами, корабли двумя колоннами неслись на неприятеля. На русских кораблях все готово к бою, все взоры обращены на флагманский корабль в ожидании сигнала к бою. Наконец он взвизывает, верный морскому обычаю в мирное время, адмирал спокойно показывал... "полдень"!

Вот какова была уверенность адмирала в эскадре и в самом себе. И только лишь после того, как загремели береговые турецкие батареи и он приказал открыть огонь.

Результат Синопского разгрома не замедлил сказаться. Еще задолго до него политическая обстановка на Ближнем Востоке складывалась так, что Россия

должна была встретиться на этом театре с Англией и Францией. Здесь переплетались политические и экономические причины. Кроме того, быстро растущее могущество Русского флота, проявившего себя с начала 19 века в Средиземном море, не могло остаться без внимания со стороны великих морских держав. Победы адмирала Сенявина, находившегося со своей эскадрой в Средиземном море с 1805 по 1810 год и сражавшегося против Наполеона в Адриатическом море и Италии и очистившего от его войск последнюю, имели свои огромные следствия. Влияние России в Западном бассейне Средиземного моря в эту эпоху делалось огромным и она становилась серьезным соперником. Растущий Черноморский флот с его талантливыми и энергичными начальниками, уже достаточно проявившими себя, осложнил положение, следствием чего и была Крымская война. В Черное море вошел огромный союзный флот с броненосными кораблями, против них Черноморский флот сражаться не мог, несмотря на страстное желание всего личного состава и высшее начальство решило затопить флот с целью преградить доступ неприятеля на Северный рейд Севастополя. Яростные протесты Нахимова и Корнилова не привели ни к чему и флот осужден был на самоубийство. Генерал, князь Меншиков требовал затопления флота, так как нуждался в судовой артиллерии, командах на берегу для обороны города. На протест адмирала Корнилова, начальника штаба флота, Главнокомандующий сказал, что если он не хочет исполнить приказание, то пусть передаст командование другому.

- "Это самоубийство", отвечал Корнилов, "но в такую минуту я не оставляю Севастополя. Я повинуюсь..."

И флот оказал последнюю услугу. Славные корабли были потоплены. Многие из них долго не тонули, особенно упорно держался на воде и не хотел тонуть "Три Святителя". Несколько пушечных выстрелов в подводную часть огромного корабля, покончили ним. Матросы со слезами на глазах, крестясь с ужасом смотрели на эту трагическую картину... И началась великая эпопея обороны Севастополя - самая красивая страница военной истории России. Вот и сейчас при лунном свете, видна, на выступающем и скалистом камне, колонна в память трагического потопления флота. Душой обороны был Нахимов. Что это был за начальник и человек, который олицетворял в себе всю оборону, можно судить по рассказам и легендам, которые живут и поныне среди Севастопольцев. Всегда в штуртке с эполетами, всегда в самых опасных местах, он своим личным примером беззаветной храбрости воодушевлял всех. Много раз Главнокомандующий говорил ему снять эполеты, потому, что это была слишком хорошая цель для неприятеля.

- "Если бы Ваше Сиятельство заметили мне об этом при начале обороны, я исполнил бы Ваше желание. Но теперь люди так привыкли меня видеть в эполетах, что приехав без них на бастион, мне будет уже неловко", отвечал адмирал. Один солдат, сраженный пулей около Нахимова, корчился в предсмертных судорогах, когда мимо него пронесся офицер ординарец. Умиравший умолил его остановиться. - "Говори скорее", сказал ему офицер, "спешу по важном делу". "Жив ли Нахимов?", спросил страдалец. "Жив и здоров!". "Ну, Слава Богу! Теперь я умираю спокойно", произнес умирающий и скончался.

В течение всей осады адмирал проводил время на бастионах, среди сражающихся. Только там чувствовал он себя спокойно, в этой атмосфере огня и смерти: - "Как пойдешь на бастион, веселее дышишь", говорил он смеясь. Во время жестокого штурма 5 октября, Севастополь потерял своего храброго защитника, адмирала Корнилова, соперника по славе и друга Нахимова. Ядро

разорвало ему ногу и самого живота. Он умирал: - "Отстаивайте же Севастополь", произнес он едва внятным голосом, "Благослови Господи Россию и Государя и спаси Севастополь и флот». Это были его последние слова и скоро адмирал скончался. Благодарная Россия увековечила его память, поставив на Малаховом кургане его памятник. Он изображен умирающим, с этими словами на устах...

Нахимов горячо оплакивал смерть Корнилова и усилил свою деятельность, что бы заместить невосполнимую потерю для дела обороны. Но вот предопределение судьбы свершилось и несколько месяцев спустя, меткая пуля сразила его в висок. Нахимов, слава отечества, душа Севастопольской обороны, рыцарь без страха и упрёка нашёл свою смерть.

Адмирал совершил свое последнее плавание через Северный рейд Севастополя, покрытый, продырявленным Синопскими ядрами флагом корабля "Императрица Мария". Уцелевшие корабли Черноморского флота отдали ему последний салют и северный ветер спел ему последнюю песнь.

Под сводами Владимирского собора, закрытые черными мраморными плитами, спят наши герои и учителя. Они ушли и унесли с собой надолго славу Черноморского флота. Бронзовая фигура адмирала, с подозрительной трубой, в правой руке, ныне не сводит глаз с Северного рейда. Но, что видит она теперь... Потопление Черноморского флота было его лебединой песнью. С гибелью его вождей, перестала существовать и та школа, которую они создали. Перестала существовать потому, что Парижским трактатом, России было запрещено иметь на Черном море флот, за исключением нескольких кораблей. Это был удар, нанесенный нескольким поколениям, от которого Черноморский флот оправился лишь много лет спустя, с большим трудом и не надолго. На протяжении нескольких десятилетий, было всего лишь несколько морских офицеров, которые старались поддержать угасающий дух, но в силу создавшихся обстоятельств их старания не увенчались большим успехом. На русский флот, как бы легла мгла, среди которой, изредка, сверкали одиночные, яркие звезды. Новые поколения воспитывались в духе, далеко не похожем на тот, каким был одушевлен флот Сенинина и Нахимова. Отстраиваясь материально, он не возрождался духовно, к чему были причины общегосударственного характера. Вот почему дойдя до размеров третьего по величине, он дошел до Цусимы, но не одержал победы. Люди на кораблях были те же, они безропотно и храбро шли на смерть, но не было вождей, какие были когда то, которые могли бы их вести. Как во время пожара, раздуваемого ветром летят удушающие головни, так с остатков погибшего в далеком море флота, полетели искры, превратившиеся в революционный пламя. Оно вспыхнуло со страшной силой в 1905 году и ярче всего загорелось на Черноморском флоте. Едва умолкнувшие на Дальнем Востоке пушки, загремели на Черном море и брат пошел на брата. Оставшиеся верными правительству суда эскадры, затушили пожар, но искры его тлели и готовы были каждую минуту разгореться.

На "Евстафии" нас было, около тридцати офицеров, которые как бы делились на два лагеря: женатых и холостых. В условиях жизни эти два класса отличались друг от друга, особенно в Черноморском флоте, где суда слишком много стояли на бочках и мало плавали. За это балтийцы называли Черноморцев "хуторянами". И надо признать, в этом была доля правды. Занятые днем службой на корабле, после работ, которые кончались обычно в 17 часов, женатики, как мы их называли, поспешно садились на катер и уезжали к своим семьям на берег. Наоборот, холостые большей частью проводили вечера вместе на корабле, изредка съезжая на берег для развлечений, которых, кстати сказать в Севастополе, как типичном военном порте было мало. Два, три кинематографа, иногда заезжая

провинциальная труппа, несколько ресторанов и Морское собрание, вот и все, где могли проводить несколько часов на берегу холостые офицеры. Естественно, при таких условиях, корабль становился домом и семьей. И каждый день, вечерние часы в кают-компанин проходили незаметно или в бесконечной беседе до позднего часа, игре в трик-трак или в музыке и пении. Любители игры в карты, съезжали в Морское собрание, так как на корабле карточная игра запрещалась морским уставом. Изредка в кают-компанию приглашались дамы, присутствие которых, скрашивало нашу довольно однообразную жизнь, но это случалось редко, так как наш строгий и педантичный старший офицер не очень любил их присутствие. Он считал, что присутствие дам на военном корабле, слишком нарушало жизнь корабля и не поощрял их приглашение. Съезжавшие на берег холостые офицеры, должны были возвращаться на корабль с последней очередной шляпкой и если кто либо запаздывал, то получал "фитиль" (выговор) от старшего офицера. Сам он был большой домосед и было целым событием, если он собирался съехать на берег. Помню, за мое пребывание на "Евстафии" в течении 13 месяцев, он съехал всего два или три раза. Про себя мы называли это событие "большой выход Сатаны" и шутили на этот счет на все лады. Сам "старшой" в этот день заметно менялся, как то особенно расправлял свою косматую рыжую бороду и видимо чувствовал себя странно и неловко. Наш командир был большой любитель игры в бридж. Иногда бывало так, что он разрешит съехать на берег старшему офицеру на берег и потом за разговором забудет про это: - "Василий Иванович, прикажите подать катер". - "Есть", отвечал старший офицер, немного недоумевая и его съезд откладывался на весьма далекий промежуток времени. В отсутствие командира, старший офицер по закону не имел право отлучаться с корабля и в этом отношении старшему офицеру на корабле было довольно таки тяжело, т.к. обычно командир съезжал каждый день. Вообще эта должность на военном корабле всегда была трудной и ответственной. Все, буквально до мелочей было в его ведении, ничто не могло произойти, что бы не было ему известно и делалось с его ведома. Вот почему в карьере морского офицера этот период, тянувшийся обычно два с половиной, три года, но без прохождения которого нельзя было быть командиром корабля, был всегда очень трудным.

В монотонной жизни корабля воскресенье вносило некоторое разнообразие. После церковной службы, на которой должны были присутствовать все свободные от службы, офицеры и команда собирались на юте, где командир прочитывал несколько статей морского устава, выслушиваемых всеми с непокрытой головой. После этой церемонии, кок в сопровождении боцмана выносил пробу, которую отвеживал командир, после чего давался обед. По обычаю, в воскресный день командир приглашался кают-компанией на обед. Наш всеми любимый и уважаемый капитан, любил долго оставаться в кают-компанин и обед, обычно начинавшийся в 12 часов, тянулся до ужина. Но это не значило конечно, что все шесть часов ели, нет, просто наш капитан засиживался попивая марсалу и рассказывая много интересного из своей службы и плаваний. Мы молодежь, всегда внимательно прислушивались к этим рассказам, сидя на другом конце стола, который у нас назывался "баком". Но никогда и ни в каких случаях темой разговоров была политика, и если случайно, кто либо из офицеров, особенно молодых, что ни будь выпалит под влиянием лишнего стакана выпитого вина, то грозный взгляд старшего офицера, мгновенно заставлял смельчака наложить печать молчания на уста. Такова была субординация. Но впрочем, это случалось редко и совершенно не шло к царившему обычно во время обеда

настроению. Так мирно и тихо текла наша корабельная жизнь, изредка нарушаемая учебными выходами в море для артиллерийских стрельб и маневрирования.

Но вот в начале ноября произошло одно событие, которое взволновало весь корабль. Раньше я уже писал, что летом этого года в Черноморском флоте готовилось восстание, как результат пропаганды революционеров. Но оно было раскрыто одним матросом, который все и выдал. Как раз, раскрытие заговора было произведено на "Евстафии". Заговорщики обычно собирались в самых скрытных местах корабля, как например в котлах, в трюмах и прочих и там разрабатывали план восстания. Он заключался в том, что в назначенный час, по условному сигналу перебить офицеров на кораблях и захватить их в свои руки. Такие собрания имели место почти на всех больших кораблях. Конечно об этих тайных собраниях получались сведения секретными агентами, заговорщиков выслеживали, но раскрыть их сразу не удавалось. Один из матросов на "Евстафии" проследил и все донес. Заговорщики на всех кораблях были арестованы и началось дело, которое закончилось приговором расстрелять 11 человек. Из них кажется трое было с "Евстафия". Казнь должна была состояться на следующий день, на рассвете в Инкерманской долине. Для совершения казни, с каждого корабля, к которому принадлежали приговоренные был назначен взвод молодых матросов при офицере. Так как из офицеров не было добровольно желающих, то между ними был брошен жребий. С "Евстафия" жребий пал на лейтенанта В. Надо сказать, что тянули жребий только лейтенанты, мичмана же были освобождены от этого. В эту ночь я, как раз стоял вахту. Задолго до рассвета, под кормой "Евстафия" прошла на буксире катера закрытая баржа с приговоренными. Странное и тяжелое чувство испытал я при виде этой медленно ползущей баржи, внутри которой находились те, кому через 2-3 часа надлежало расстаться с земной жизнью. Сейчас же, по проходе ее, были разбужены люди назначенные для расстрела. Катер с баркасом их ждал у трапа. Им было роздано по обойме патрон. На лицах новобранцев, этих добродушных, молодых парней, я не прочел ничего. Они были так же бесстрастны и спокойны, как всегда, как будто бы они шли на погрузку угля или вообще для выполнения обычного наряда по работам. Лейтенант В. был совершенно спокоен, но лицо его казалось несколько более бледным, чем всегда и в его движениях можно было заметить некоторую нервность. Он скомандовал, выстроившемуся взводу: - "Направо, шагом марш!", и последним спустился в шлюпку. Катер отвалил. Первые проблески света осветили Инкерманскую долину. В предрассветной мгле пронесли мимо нас, полным ходом, катера с "Иоанна Златоуста" и "Памяти Меркурия" наполненные вооруженными людьми. Через три часа взвод вернулся на корабль. Поспешно и взволнованные, выходили матросы на палубу. Многие из них видимо были потрясены всем происшедшим. Лейтенант В. рассказал мне о том, как совершена была казнь, но видимо, ему было это неприятно и казнь произвела на него тяжелое впечатление. Когда они прибыли к месту казни, все приговоренные стояли у столбов, около которых были вырыты ямы. Много войск всех родов, оружия, пехота, кавалерия и артиллерия стояли вокруг. Приговоренным прочли приговор, после чего священник каждому говорил напутствие. Затем им на голову каждого были надеты мешки, но некоторые отказывались и остались стоять с открытым лицом. Несколько из них начали, что то кричать, но за грохотом барабанов нельзя было разобрать слов. Раздалась команда, взводы вскинули винтовки на плечо и видно было, как некоторых они дрожали в руках. Раздался нестройный залп и тела казненных упали на землю. Но один из "Евстафьевских", раненый, еще был жив, тогда один матрос, дрожа и со слезами на глазах обратился к В.: - "Ваше благородие, дозвольте дострелить", произнес он прерывающимся и не своим голосом и не дожидаясь ответа,

выстрелил второй раз. Казненный скользнул по столбу и упал. В этот момент солнечные лучи засверкали на ошестинившихся пштыках пехоты. Трупы сложили в ямы и забросали землей. Раздались звуки музыки, треск барабанов... По сровненным с землей свежим могилам прошла пехота, кавалерия, артиллерия...

Этот день на корабле прошел тускло для всех, все себя чувствовали как бы не в своей тарелке. Мне невольно вспомнилось то место из истории английского флота, когда на эскадре адмирала Джервиса произошел бунт. Суровый адмирал потребовал, что бы виновные были повешены на реях командой своего же корабля. Когда командир корабля попытался привести доводы против, адмирал просто сказал ему: - "Вы хотите сказать, что не можете командовать кораблем!". И приговор был исполнен немедленно. На всякий случай, орудия других судов были наведены на провинившийся корабль и не было ни одного, кто бы поколебался исполнить приказание. Дисциплина и слепое повиновение, это есть необходимое условие для настоящего флота, без них он существовать не может. Каждый из нас, да и команда в большинстве понимало это, но дух мятежа в Русском флоте не мог быть уничтоженным только такими мерами и он проявился позднее с большей и всеразрушающей силой.

Прошло несколько дней и первое впечатление происшедшего стерлось. "Евстафий", как я вся эскадра продолжал жить своей жизнью. Между тем, война на Ближнем Востоке продолжалась и принимала такой характер, что все великие Европейские державы послали отряды судов в Константинополь. Из Черноморского флота были посланы туда линейный корабль "Ростислав" и крейсер "Кагул" с отрядом пехоты из двух полков, квартировавших в Севастополе. Стоянка их в Босфоре была интересной и веселой, но для нашего отряда она ознаменовалась одним событием, которое чуть не повлекло за собой серьезных последствий. Однажды, во время практического упражнения с артиллерией, один из солдат, который помогал при подаче, случайно выстрелил из 37-ми миллиметрового орудия. Снаряд попал в решетку дворца Султана. Можно себе представить, какое произошло волнение по этому поводу. Конечно адмирал, командовавший отрядом, немедленно полетел извиняться и после долгих разговоров дело наконец уладилось. Нечего и говорить про то, что всем попало здорово. Помню, на этот счет ходили по Севастополю самые невероятные слухи, как обычно бывает в подобных случаях.

По традиции Черноморского флота, 18 ноября, в годовщину Синопского сражения, в Морском собрании открылся сезон вечеров. Этот первый бал носил название Синопского бала. К этому дню деятельно готовился весь Севастополь и эскадра. День начинался обедом в Морском собрании, в котором участвовали все морские офицеры. То был великий, исторический праздник для черноморцев. Милое, уютное Морское собрание. Сколько беспечных, жизнерадостных часов было проведено в тебе. Уютные гостинные, огромный двухсветный зал и тихие комнаты читальни, наполненные журналами, газетами со всех концов мира и скромный ресторан с его старыми Иванами, Николаями, величаво прислужившими за столами. Для нас, холостой молодежи, оно было семьей, в которую мы приходили провести время, те немногие часы, что уделял нам корабль.

Но вот первый бал. Десятки катеров мчатся к Графской пристани. Еще далеко с рейда доносятся звуки портового, струнного оркестра и яркий свет льется из всех окон собрания. Сотни молодых дам и барышень украшали его в этот день. Оркестр играет красивый вальс, его звуки увлекают и старого и молодого. Сотни пар кружатся в вихре, влекомые чарующими звуками и изящное декольте переплетается в танце с золотым эполетом. Как был красив тот Синопский бал. По роскоши, красоте нарядов женщин и своему веселью, он был единственным в

зимнем сезоне и поэтому немудрено, что после него у всех оставалось богатство впечатлений. Сколько беспечного веселья и жизнерадостности было в нем, трудно передать. Особенно для тех из нас, кто не имел семьи и все время проводил на корабле, в его своеобразной и монотонной обстановке.

Зимой, приблизительно с конца октября и до мая все корабли эскадры становились в резерв, т.е. не выходили в море, за редким исключением и стояли на своих бочках на Северном рейде. Кроме того, резерв еще выражался тем, что весь личный состав получал уменьшенное содержание, что было чувствительным в материальном отношении, особенно для нас, младших офицеров. Но все же, этот резерв был гораздо приятнее здесь в Черном море, чем в Балтийском, где корабли стояли закованные в лед. В Севастополе, южное солнце постоянно дарило нас своей теплой улыбкой и только лишь в течении некоторого времени, ледяной, северный ветер, с гололедицей напоминал нам о зиме. Большую часть времени, погода бывала хорошей и поэтому довольно часто устраивались военные прогулки за город, на стрельбище для ружейной стрельбы или просто для прогулки, как таковой. Весело бывало, с оркестром музыки и залихватскими песнями, двигались черные колонны повзводно, по улицам Севастополя, направляясь туда, к историческим местам города. Любимым местом для прогулок были Исторический бульвар, где возвышалось огромное здание панорамы осады Севастополя, с ее поразительной по красоте и силе картиной художника Рубо и затем Малахов курган. Оттуда был виден, как на ладони, весь город с его бухтами, фортами, обрамленными синим морем. Все укрепления, редуты, бруствера остались почти в том же виде, как они были во время осады, с насыпанными землей мешками, чугунными пушками на деревянных лафетах и аккуратно сложенными бомбами. На Малаховом кургане, важном стратегическом пункте от обороны сохранилось все до мелочей. Полутемный, холодный бастион... Тут, несколько десятков храбрецов до последнего вздоха отстаивали его. Холодные, сырые своды хранят в себе отпечаток яростной борьбы и смерти. Повсюду видны следы пуль и гранат. В темном углу, несколько икон почерневших от порохового дыма, с горящими перед ними свечами. Они горят с тех пор, день и ночь и никогда не затухают... Глубокий старик, матрос с "Императрицы Марии", участник Синопа и защитник Малахова кургана, хранит эти святыни. Он рассказывает нам историю защиты бастиона и его последние дни. Его тускнеющий взор загорается, легкий, едва заметный румянец покрывает морщинистые щеки и тихая старческая речь оживляет вечную типшину сводов бастиона. Все, что говорил этот старик было давно известно каждому из нас, но он рассказывал таким проникновенным и задушевым голосом, что его нельзя было не слушать. Чувствовалось, как в его бесхитростном рассказе, рисовалась самая красивая, самая живая страница его жизни, которую он переживал сам в этот момент. Под впечатлением его тихой, льющей как ручей речи, мы вышли из бастиона. Старик проводил нас и долго, долго не сводил своих острых глаз с удаляющейся стройным шагом, черных колонн. Было видно, как покачивал он головой, что то бормотал сам себе, размахивал руками и может быть, мне показалось, но в его взгляде было, что то вроде сожаления, скорее грусти... Вспоминал ли он, далеко ушедшее, полное красоты и подвигов прошлое, которое заставляло биться сильнее и чаще дряхлеющее сердце или предчувствия, чего то надвигающегося страшного, наполняли его душу. Не знаю, сказать трудно, но мое впечатление было таково...

Дни текли. Южная весна наступала быстро и скоро украсила Севастополь цветами и молодой зеленью. Флот деятельно готовился к кампании. Порт оживил и работа в нем закипела. То и дело в Артиллерийской и Южной бухте бегали катера с кораблей, буксиры таскали баржи с припасами, углем и пр. То на одном, то на

другом корабле принимали уголь. Последнее было средством соревнования на эскадре. Обычно в угольной погрузке принимали участие все, за исключением нескольких офицеров. Мы мичмана и молодые лейтенанты, на этот случай надевали все белое, вплоть до перчаток, конечно из старого и отправлялись в угольные баржи и ямы. Музыка непрерывно играла и придавала всем какую то особую бодрость и энергию. Угольная пыль тучами неслась по рейду покрывая корабль. Это был какой то своеобразный спорт. В конце каждого часа, грузящие корабли сигналом показывали сколько тонн, он принял и если оказывалось, что на несколько тонн больше, то яростный рев проносился по кораблю и корзины с углем с удвоенной быстротой летали по воздуху. Никто не хотел быть последним, так сказать осрамиться и поэтому по всей эскадре угольные погрузки производились быстро. Наиболее отличившемуся кораблю объявлялась, командующим флотом благодарность в приказе и выдавался приз. Обыкновенно начинавшаяся ранним утром погрузка, кончалась к вечеру, после чего немедленно корабль мылся весь целиком и особенно тщательно. Тем не менее, прием угля был нарушением корабельной жизни и событием, которое все недолюбливали. Слишком оно выводило всех из колеи и разводило грязь повсюду. Помню, после погрузки угля мы все несколько дней ходили, как бы с подведенными глазами, так как невозможно было за один раз вывести забившуюся всюду угольную пыль. Особенно тяжело это развлечение было в жару или в дождь. Это было, что то кошмарное и отвратительное. Все прочие авральные, общие работы на корабле были во много раз приятней и не чуть не были ни для кого трудными.

Конечно нечего и говорить про то, что жизнь корабля текла по точному расписанию, и только что-либо исключительное нарушало его. Утром обыкновенно в 5 с половиной часов летом, и в 6 1/2 зимой, вахтенный начальник, по книге приказаний старшего офицера, которая писалась им всегда с вечера, будил команду. Затем давалось по четверти часа на вставание, вязание коек, умывание, после чего, в течение получаса продолжался утренний завтрак. Нельзя не упомянуть про то, что в русском флоте команда ела очень хорошо и сытно. Так например утром давался чай с полфунтом хлеба и чудным, топленным сибирским маслом. Последнее считалось, без преувеличения лучшим в мире по своим качествам и отличалось большой питательностью. После завтрака, следовала по сигналу общая приборка корабля, продолжавшаяся около часа. Она заключалась в том, что команда разводилась по внутренним помещениям, верхней палубе, надстройкам и все скреблось, мылось и чистилось. Все это должно было закончено к без четверти восемь. Незадолго до последнего момента, вахтенный начальник отдает приказание горнисту: - "восемь палок", но это совсем не значило, что кому-либо следовало дать восемь палок, а просто так назывался сигнал, представляющий из себя восемь коротких звуков. По нему снимались чехлы с орудий, компасов и вообще со всех медных вещей, которые надраивались (чистились), как говорили матросы "до блеску". К этому времени, старший офицер, в сопровождении боцмана успел обойти весь корабль и осмотреть все ли в порядке. Затем вахтенный начальник снова вызывал к себе горниста и приказывал - "Повестку". По всему кораблю несутся звуки, предупреждающие о том, что через четверть часа подъем флага. Срочно заканчиваются последние работы по приборке. Старший офицер бросает взгляд на мачты, трубы и что-то говорит боцману, большей частью это выражение неудовольствия по какому-либо поводу, или что-нибудь не дотянуто или наоборот перетянута. Сигнальщики и вахтенный начальник наблюдают за флагманским кораблем, на котором в зависимости о погоды, без пяти минут восемь поднимается сигнал: "подъем флага с церемонией" или без оной. Если поднимается только одно "Щ", вахтенный

начальник громко отдает приказание горнисту - "Большой сбор. Караул наверх!". И все мгновенно приходит в движение. Со всех сторон несутся люди и строятся на верхней палубе. Затем начинается церемония, о которой я уже имел случай говорить. После нее было полчаса отдыха, в течение которого команда собиралась на баке "покурить", а офицеры спускались в кают-компанию и доканчивали свой прерванный завтрак, потому, что редко кто успевал сделать это до подъема флага. Кстати сказать, этот утренний завтрак бывал очень обильным и заключался в кофе или чае по желанию и большого количества всякой снеди. Особенно мы все любили вместо хлеба есть с кофе турецкие бублики. Они были действительно вкусны и мы все искренне пожалели об них, когда началась война и изготовлявшие их турки должны были покинуть пределы России. Секрет этих бубликов они увезли с собой, и он остался неизвестным. По правилам морского устава, для ведения делами кают-компаний и заведования столом, избирался один из офицеров сроком на три месяца минимум. Редко можно было встретить любителя заниматься хозяйством, но если таковой оказывался, то стол в кают-компании был великолепным. Не знаю почему, но вольнонаемные рестораторы редко уживались на военном корабле и кроме того, они брали за стол слишком дорого. У нас на "Евстафий" кают-компаньоном был инженер-механик, поручик М. Хотя он и не отличался особыми способностями на счет хозяйства, но все же мы были довольны им. В действительности же ворочал всеми хозяйственными делами артельщик, матрос П., расторопный и себе на уме парень. Но, как бы то ни было, за 30 рублей, которые платил каждый из нас в месяц, мы ели очень хорошо. Конечно вино не входило в этот счет, но водка по воскресеньям была обязательна. Разумеется, любители проводить время на корабле и не съезжать на берег много брали вина и сладостей у буфетчика, который здорово обогатился на этом, и когда приходил конец месяца, то бедняга мичман получал немного, и заботливо раскладывал небольшой остаток денег на столе своей каюты, по кучкам, мысленно говоря себе: - "Вот это портному, это прачке, это уплатить за лакированные туфли". Но последняя кучка оказалась далеко не полной. Мичман хмурил брови, озабоченность отражалась на его лице. Он колебался и потом собрав все кучки со стола, сунул их в карман и весело произносил: - "Эх и провернем сегодня". На этом обычно и кончался не очень сложный счет мичманских долгов. Но надо сказать правду, кредиторы никогда не приставали к мичманам и терпеливо ожидали. Каждый из них прекрасно знал, что долг никогда не пропадет за морским офицером и поэтому продолжали оказывать кредит. Но никогда эти границы кредита не переходили дозволенного и ими не злоупотребляли офицеры, особенно после истории, которая имела место во Владивостоке несколько лет тому назад. На этой далекой окраине России много было авантюристов всяких сортов. Оказался один тип, который очень охотно давал займы морским офицерам, по преимуществу командирам миноносцев или малых судов и ловко подсовывал счета, конечно преувеличенные, за поставку сахара на эти суда. Легкомысленная молодежь, постоянно нуждавшаяся в деньгах, неосторожно подписывала счета. По предъявлении счетов к оплате, эта афера раскрылась, началось дело, которое кончилось тем, что несколько офицеров поплатились своей карьерой и были присуждены к различным наказаниям. Получившая широкую огласку в печати "сахарная история" была лишним поводом к нападкам на флот и его порядки. Конечно все оказалось сильно раздуто и показывало совершенно непонятную неприязнь со стороны общества к военным вообще. Это печальное явление было чрезвычайно характерно для русского общества в промежуток времени, от первой революции 1905 года и такая неприязнь, даже больше - злоба, по отношению к военному классу, тянулась до последней войны. Шла она от интеллигенции и шла

в народные слои, и, конечно, не могла не оставить глубокого следа во взаимоотношениях между народом и армией. Причину подобного явления нужно искать в том, что армия и флот являлись единственной опорой правительства, терявшего все больше и больше доверия со стороны народа. Не хотели понимать и считаться с тем, что армия должна быть вне политики. Не понимало того и правительство, пользуясь армией, как средством защиты от народа и злоупотребляло ее услугами. Результаты столь печального непонимания, не могли конечно не сказаться в последствии и роковым образом. Сколько раз приходилось мне самому наблюдать и чувствовать эту неприязнь, казавшейся мне совершенно непонятной и глубоко задевающей мое самолюбие. Конечно все это было следствие совершенно неправильно поставленного воспитания и недостаточного уяснения его сущности. Следствием всего этого, офицеры делались какой-то замкнутой кастой, в которой народ видел что-то враждебное для себя, пользующееся особым покровительством правительства, и имеющее какие-то особые привилегии. На самом деле всё это было далеко не так. Действительно офицерство, особенно морское, было по преимуществу дворянство, в большинстве своём без всяких сословных предрассудков, но объединённое определёнными и твердыми понятиями о воинской чести и во многих случаях рыцарства, в лучшем смысле этого слова. Политикой никто не интересовался, за редким исключением и она была совершенно чужда понятию офицера. Интересовались офицеры своим прямым делом, науками, искусством, музыкой, но отнюдь не политикой. В доброй половине офицеры выходили из семей, где далеко не все делались военными. Поэтому в этой касте не было ничего специфического и якобы враждебного народу. Все это придумывалось и раздувалось с определенной целью революционными кругами, не брезговавшими никакими средствами, чтобы мутить народ и натравливать одних на других. Я ничуть не хочу скрывать известные недостатки воспитания офицерства, но в своей массе это был стойкий, честный и достойный доверия класс, который в сущности говоря был единственный по своей сплоченности в России. Что же касается привилегий офицерскому сословию, то они заключались только в том, что дети могли воспитываться в кадетских корпусах и в институтах на казенный счет, да еще в том, что офицер с билетом третьего класса, мог ездить во втором - вот это и было единственными привилегиями. Последующие события, т.е. война, революция и гражданская война воочию показали насколько офицеры были сплочены и порядочны. Но об этом я скажу несколько позднее.

Итак морской день на корабле начинался после утреннего отдыха и шел по раз заведенному порядку, без изменений. С половины девятого и до 11 ч. шли занятия и учения. В 11 часов давался сигнал "отбой", т.е. кончались работы и занятия и наступало время обеда и отдыха.. За четверть часа до обеда, вахтенный начальник вызывал сигналом всех наверх и ротные командиры осматривали чисто ли вымыты руки перед обедом, после чего следовал последний. Половина второго давался чай и ровно в 2 часа, снова начинались работы и занятия, продолжавшиеся до 5 ч. вечера. Затем ужин, после которого каждый мог располагать своим временем, как хотел и развлекаться по способности. Между прочим вечером обычно давалось распоряжение, передаваемое унтер-офицерскими дудками с особым удовольствием, по всем кубрикам и палубам: "Играть, петь и веселиться". И вот на баке собирались любители пения. По рейду неслись музыкальные, красивые, то безудержно веселые, то глубоко печальные малороссийские песни. В промежутках песен, в тихие вечера, можно было слышать щелканье костей о палубу, с каким то особым вкусом - это играли в бланжи любители этой игры. Мы же офицеры играли в кают-компаниях в трик-трак, очень распространенную на

флоте игру, поклонники музыки - играли на пианино, скрипке и виолончели. Временами устраивались музыкальные вечера с пением, которые доставляли всем большое удовольствие. При спуске флага, который производился с заходом солнца, все развлечения приостанавливались на несколько минут. И когда Андреевский флаг медленно полз по флагштоку вниз, наступала такая тишина по всему кораблю, что можно было услышать полет мухи. После чего, снова развлечения продолжались и, сидя внизу можно было слышать отдельные команды вахтенного начальника: "Новому караулу вступить!". Потом, немного спустя: "Из палубы всем выйти, палубы проветрить, переборки отдраить". Все открывалось и чистый воздух проветривал нижние помещения, где его всегда не хватало, а особенно летом, когда весь корабль нагревался от солнечных лучей. Перед тем, как наступал вечер и сырость из Инкермана спускалась на рейд, сверху доносились звуки последнего вечернего сигнала: - "Орудия, штурвалы, компасы чехлами накрыть!". И корабль был готов ко сну. Но нескоро еще объятия Морфея охватывали нас и долго, долго можно было видеть освещёнными кормовые иллюминаторы и слышать веселый говор и звуки музыки на затихшем корабле. Так проходил морской день на "Евстафии", в зимнее время, в так называемом резерве.

В феврале 1913 года флот праздновал трехсотлетие императорского дома Романовых, также, как и вся Россия. Весь день прошел в парадах, торжественном богослужении на всех судах эскадры. В Морском собрании состоялся спектакль, в конце которого была поставлена живая картина, изображавшая Великую Россию с народностями ее населяющую, в национальных костюмах, а вечером грандиозный бал. Было получено много наград, производств, и, кроме того, Государь пожаловал всем бронзовую медаль, изображающую первого царя из дома Романовых, Михаила Федоровича и царствующего императора Николая II Александровича, на черно-оранжево-белой ленте. Кто мог бы подумать тогда, что это был последний царь! Кто мог представить себе, что мы будем свидетелями и участниками величайшей исторической драмы, наступившей всего четыре года спустя. Поистине пути Господни неисповедимы.

Дни текли. Пришла весна и забросала Севастополь цветами и молодой зеленью. Флот начал деятельно готовиться к кампании. Корабли принимали уголь, снаряды и красились. Вскоре начались частые выходы в море для совместных маневрирования и артиллерийских стрельб, сначала практических, а потом и боевых. Все это производилось недалеко от Севастополя и поэтому выходили только на несколько часов или на 2-3 дня. Для испытания боевых снарядов и брони, уходили в Тендровский залив, где стояли около трех недель, производя различные учения и стрельбу по старому кораблю "Чесма", бронированному современной броней. Это была одна из самых интересных картин, потому, что можно было наблюдать и изучать действительную стрельбу и эффекты разрыва снарядов. Несколько животных сажались на "Чесму" с целью изучения действия газов на живые существа. Помню, нам, мичманам, здорово доставалось, когда приходилось самим управлять огнем корабля. Перед этим нас, что называется, натаскивали, на знаменитом приборе Длусского, где нас приучали брать "вилку". Тут уже нужно было не зевать, так как каждая секунда времени значила много. Наш старший артиллерист лейтенант князь У., очень милый и выдержанный человек, часто выходил из терпения, хотя и старательно скрывал это. Мы не хотели его расстраивать и старались во всю, но далеко не всегда удавалось нам хорошо и быстро пристреляться. Славный У., сердился, краснел, нервно щёлкал артиллерийским секундомером и не знал, что делать с нами мичманами. Ему тоже не весело было получать фитиль от флагманского артиллериста в случае плохой стрельбы. Каждый из нас знал это, и мы старались его не подводить. Как-то во

время одной стрельбы, в самый разгар её по движущемуся щиту, на горизонте показалось судно. Вскоре в бинокль можно было разобрать, что это была германская военная яхта-стационар "Лорелей", шедшая из Константинополя в Севастополь. Эскадра по сигналу мгновенно прекратила стрельбу, не желая показывать наши попадания и их разрывы. Немцы, видимо нарочно, проходили близко, с целью посмотреть на результаты, но это им не удалось, и яхта прошла мимо при полном молчании, обменявшись с адмиралом обычным приветствием.

По окончании курса стрельб, для развлечения и как бы в награду за успехи, эскадра в июне пошла в поход по Крымским и Кавказским берегам. Этот поход был для всех большим развлечением и отдыхом от однообразных учений. В то время нас не баловали продолжительными плаваниями из экономических соображений, почему всем было особенно приятно подышать свежим морским воздухом. Десять дней плавания прошли быстро и незаметно. Редкие по красоте берега Кавказа и его высокие горы со снежными вершинами очаровывали своей дикой прелестью. Огромная конусообразная вершина Эльбруса, покрытого вечным снегом, открывалась далеко в море и производила впечатление нечто величавого. В ясную, тихую погоду, когда воздух в море прозрачен, её можно было видеть за сотню миль. Нужно быть художником, что бы описать красоту этой картины. Настолько она красочна. Крым и Кавказ, это действительно сады России и их берега гораздо красивее Анатолийских, т.е. Турецких берегов. Последние производили на меня в то время впечатление иного характера и я смотрел на них под другим углом зрения, так сказать исторического. Помню раз как то, под осень, с целью военной демонстрации перед Турцией, мы прошлись всем своим флотом по её Черноморским берегам. Погода была совсем осенняя. Свистел ветер. Облака низко неслись над морем и шквалы с дождем часто проносились над кораблями. Эскадра близко к берегу обогнула Синопскую бухту... Вспомнили ли турки 18 ноября 1853 года? Кажется да, потому что по возвращении в Севастополь мы узнали, что все политические осложнения были улажены. В тот год и предыдущий они повторялись неоднократно и политический горизонт был далеко неясен. О войне не думали, но чувствовалось, что-то беспокойное и тревожное. Но мы, молодежь, не озабочивались ничем и развлекались по способности. Увы, не всегда эти развлечения проходили бесследно. В одно из воскресений, несколько человек мичманов отправились, что называется «провернуть», на Исторический бульвар и взяли с собой одного своего приятеля, корабельного гардемарина. Последние же, как и нижние чины, не имели право входа в рестораны и увеселительные сады и пр. Кроме того, еще только накануне по этому поводу был приказ командующего флотом. В расчёте на то, что мы сядем подальше от всех и в более укромное место ресторана, я настаивал взять гардемарина с собой. Мы удобно расположились и начали проворот. Когда уже было достаточно выпито нами, компания офицеров с крейсера "М.", вошла в ресторан. Среди них был один, лейтенант, который был известен своим неприятным характером и свойством услужить начальству. В момент, когда мы особенно бурно и непринужденно смеялись, он подошел к нам и потребовал удаления гардемарина, ссылаясь на приказ командующего. Будучи слегка на кураже, кровь бросилась мне в голову и я, что-то ответил ему довольно несдержанно. На следующий день рапорт и целая история. Старший офицер крейсера приехал к нашему, т.к. ему было передано, что я вчера чем-то оскорбил их крейсер и требовал извинения. Я совершенно не помнил, что я говорил, меня поддержали товарищи, бывшие со мной, и это дело уладилось. Но рапорт пошел по начальству, и я ждал не особенно приятных результатов. Покамест рапорт шёл по инстанциям, время шло, и мы вышли на стрельбу. Во время последней, полузаряд воспламенился в кормовом восьмидюймовом орудии, и в каземате

начался пожар. Было несколько раненных и обожённых. Мы быстро вернулись на рейд. Начальство всполошилось и примчалось на корабль. При отъезде, начальник бригады контр-адмирал Но-ий, который хорошо относился ко мне, сказал мне, что ему удалось командующего уговорить и посадить меня только на 2 недели на гауптвахту крепости, без занесения в послужной список. Вот уже действительно не было бы счастья, да несчастье помогло. Не будь пожара, так не знаю, чем для меня кончилось бы это дело. Дня через два, мой приятель, мичман Г., с которым мы были вместе в ресторане, повез меня на гауптвахту. Согласно правил, я отдал ему свой кортик и мы отправились. Такая несправедливость судьбы долго вызывала смех и шутки со стороны кают-компаний: вот, говорили, веселились вместе, а сидеть приходится одному. И признаюсь сидеть было достаточно скучно, особенно тяжело для меня было то, что перед тем как мне отправиться на гауптвахту, пронёсся слух, что эскадра пойдёт за границу в Варну или Констанцу. Я прямо таки был готов себе рвать волосы, так мне было досадно. И сидя в своей комнате на гауптвахте, я не отрывал от моря и бухты, ожидая выхода эскадры. Но дни шли, а она не выходила. Это меня немного утешило. Однообразны и скучны были дни сидения и я старался их занять чтением и изучением английского языка. Утром, около 10 ч., происходила смена караула, который несли пехотные полки. Благодаря тому, что караул менялся каждый день, я имел возможность познакомиться со многими пехотными офицерами. Большею частью это была симпатичная молодежь и редко попадались караульными начальниками старые офицеры, по преимуществу вечные капитаны из юнкерских училищ. Попадались среди них и довольно интересные типы. Однажды я разговорился с одним из них, поляком по происхождению. Из разговора с ним, я понял, как Россия не умела искусно обходиться с другими нациями, своими подданными и сколько она сама себе этим напортила. Хотя, может быть это было только по отношению к Польше и может быть мой собеседник просто сетовал по причине своих жизненных неудач. Потому, что позднее, я несколько раз имел случай убедиться, что полякам во флоте и армии жилось совсем неплохо и то, что они были поляки, нисколько не отражалось на их карьере. С самого начала, после раздела Польши, были какие-то ограничения, но потом все было уничтожено. Особенно у нас во флоте никто не мог жаловаться на какое-либо различие или тем более ограничения. Никто из нас русских, никогда и не помышлял чем-либо обидеть поляка и что-либо сказать или задеть его национальность. Это было совсем не в русском характере. Иногда, шутя скажешь, своему товарищу поляку, хлопнув дружески его по плечу, "Ну что, пан поляк, еще Польша не сгинела". Вот и все. При чем оба весело хохотали. Но этот капитан Литовского пока прямо-таки кипел злобой, когда он говорил, видно, что жизнь и служба были ему нелегки. Я старался, как мог его утешить и развлечь. Что с ним теперь? Счастлив ли он в своей Польше или где-нибудь сложил свою голову, сражаясь в русской армии, за... Польшу?

Однажды утром, из своей комнаты я увидел странное зрелище: что-то вроде подводной лодки маневрировало на поверхности и потом пыталось погружаться. Впоследствии это оказался подводный минный заградитель "Краб", только что пришедший с завода из Николаева и продельвавший свои опыты, кстати сказать неудачные. Не думал я тогда, что на нём мне придется провести половину войны и на себе целиком испытать первый опыт постройки такого судна, со всеми его недостатками, да еще под бомбами германских гидропланов. Это удовольствие, как говорится, было из средних, а по-моему даже еще ниже. Но тогда, когда я смотрел на него из окна с решеткой и думал очутиться поскорее снова на корабле и

покаялся испытать все муки ада, но не торчать тут. Наконец день освобождения наступил. Счастливый и радостный я вернулся на "Евстафий".

На эскадре и в Севастополе наступило некоторое волнение - все готовились к приезду Государя в скором времени. Через несколько дней из Балтийского моря пришла императорская яхта "Штандарт" и встала против Графской пристани в Южной бухте. На ней Государь предполагал жить во время своего пребывания в Севастополе. В назначенный день прибытия императора, корабли встали по диспозиции на Северном рейде, по линии железной дороги в ожидании прохода царского поезда. Прошло несколько времени и вот он показался у Инкерманских гор, быстро приближаясь. Поравнявшись с первым кораблем, стоявшим в глубине бухты, поезд уменьшил ход, медленно двигаясь по линии кораблей. В этот момент эскадра начала императорский салют. Государь стоял на площадке вагона и держал руку у козырька фуражки. Как всегда этот момент встречи был торжественен и вызывал целую волну каких то особых необъяснимых, окрыляющих переживаний. Пребывание Государя императора в Севастополе ознаменовалось целым рядом смотров, празднований и развлечений. Как всегда полагалось, со всех судов назначались катера в охрану императорской яхты по очереди, с офицером и определенным числом команды. За это выдавались особо, добавочные деньги всем и в особых случаях царские подарки. Несколько раз мне пришлось быть в охране Южной бухты у самой яхты и я мог наблюдать о известной степени жизнь царя. Он вставал рано, тут же купался у трапа яхты, потом вдвоем с наследником катался под веслами на маленькой шлюпке. Но это продолжалось, очень короткое время и Государь уходил к себе. Наследник, ему было тогда всего около 10 лет, бегал по палубе, играл со всеми и видимо был очень рад пребыванию на корабле. Царица и великие княжны, особенно последние запросто катались по рейду и гуляли по городу.

Через несколько дней император ушел на "Штандарте" в Ялту и переехал жить в свой дворец в Ливадии. Вскоре туда же пошла эскадра. Плававшие в Черноморском флоте корабельные гардемарины должны были быть произведены в офицеры. По приходе эскадры, они были представлены Государю в Ливадии, который поздравил их с производством в мичмана. Конечно по этому поводу во всех кают-компаниях был "надир" в самом широком масштабе. Вообще время стоянки в Ялте было весело и разнообразно. Мы собрались целой компанией и поехали на автомобиле посмотреть верхушку Ай-Петри. Конечно до неё не добрались на автомобиле и нам пришлось идти по узким тропинкам, карабкаясь кое-где и цепляясь за кусты, что бы не сорваться. Но какая красота с вершины Ай-Петри смотреть на море и весь южный берег с его садами, вилами и характерными очертаниями Медведь-горы. С большим сожалением, каждый из нас оторвался от этого вида и начал спускаться вниз когда уже сумерки закрыли прелестную панораму моря и Ялты. Мы покинули Ялту с тем, что бы несколько дней провести в море, зайти кое в какие порты еще и вернуться в Севастополь. Вскоре мы снова пошли в плавание, но уже последнее, так как приближалась осень и с ней конец кампании.

В октябре из Морского министерства пришла телеграмма предложить желающим офицерам в подводный класс. Я ни минуты не раздумывал, подал рапорт о поступлении в класс. Командир сначала упорствовал, но потом согласился и вот через 2 дня вечерний курьерский поезд понес меня на Север. Прощай теплый, веселый и жизнерадостный Юг...

Глава 3

Приезд в Либаву. Подводный класс. Признаки войны.

В конце октября 1913 года я приехал в Либаву. Как велика была разница в природе этого сырого и пасмурного прибалтийского края в сравнении с ясным и теплым югом! Подъезжая к порту Императора Александра Третьего открылось Балтийское море. Сквозь снежную пургу увидел я зеленовато-мутную воду этого угрюмого и неприветливого моря. Сильный северный ветер срывал верхушки волн, которые с шумом разбивались о плоский берег. Низкие бурые облака быстро неслись над морем скрывая горизонт. Совсем недалеко, выныривая из под хлопьев снега, мчался огромный, трехмачтовый парусник, накренившись на правый борт. Он видимо штормовал и нёс только одни нижние паруса. Вот сильный шквал закрыл его совсем, казалось он исчез под водой на несколько минут и потом вновь показался. Скоро мгла покрыла его и он исчез совершенно. Внезапно появилась передо мной железная ферма моста, перекинутого через канал, отделявший порт от города. Отсюда начиналась территория порта, построенного всего несколько лет назад, и долженствовавшего представлять из себя важный стратегический пункт России на Балтийском море. Но, не будучи еще окончен постройкой, он уже был покинут наполовину. На его оборудование были затрачены колоссальные деньги, но обстоятельства вскоре доказали бесполезность этих затрат и бесцельность этого порта, как опорного военного пункта. Слишком Либава была близка от границы Германии и в случае войны ее удержать представлялось едва ли возможным. К счастью исключительно неблагоприятное положение этого района было понятно и всякая дальнейшая постройка была приостановлена. Построенные наполовину форты, окружавшие порт уже были оставлены, орудия сняты и постройки для войск заброшены. Недоумевающе зияли пустые амбразурные фортов, медленно зарастающих бурьяном и травой. Но в военном порту жизнь была ключом. В нем стояла первая минная дивизия Балтийского моря в количестве около 40 миноносцев, отряд авиации и учебный подводный отряд со школой. Огромное количество зданий для морских команд, офицерские флигеля, подводный класс, Морское собрание, мастерские порта занимали большую территорию в несколько квадратных верст. Для сообщения с отдельными районами в порту была построена специальная железнодорожная ветка с регулярно курсирующими поездами. Словом задумана была эта база широко, но, что называется, отпела, не успевши расцвести. Коммерческий порт находился ближе к городу и был вторым по величине русским торговым портом на Балтийском море. Главной причиной постройки военного порта было то, что Либава почти не замерзала, что считалось в эпоху его возникновения крайне важным. Действительно вся торговля в течении зимних месяцев, когда в Петербург пройти было нельзя, все пароходы шли в Либаву и там разгружались. Но разумеется такого повода было недостаточно, что бы строить военную базу в местности, населенной по огромному преимуществу прибалтийскими немцами, латышами, эстонцами и в незначительном количестве русскими и по своим природным качествам совершенно непригодной для обороны в случае войны. Но как бы то ни было Порт Императора Александра Третьего существовал, и мне пришлось провести в нем почти год, видеть его благоустройство и быть свидетелем его разрушения.

Сначала я остановился в здании старого Морского собрания, где были комнаты для приезжающих офицеров. Оно находилось против большого и комфортабельного нового собрания, которое украшало своим видом весь порт.

Надо сказать правду, Морское ведомство прекрасно обставляло своих морских офицеров, заботилось об них в отношении жизненных условий, причём приходилось платить за это гроши. Мы поместились вдвоем с Р. и платили в сутки за две больших комнаты, хорошо обставленных, всего на всего 75 копеек в сутки. Но нам не пришлось долго прожить в этой уютной обстановке. Через несколько дней мы перебрались в помещении подводного класса, где для офицеров слушателей были отведены комнаты. Тут в смысле обстановки и удобств было хуже, но во всяком случае хорошо и жаловаться на что либо не приходилось.

Занятия в классе уже начались. Нам, прибывшим последними, пришлось готовиться к вступительным экзаменам и одновременно догонять пройденное нашими товарищами. Это было довольно трудно, но мы оба принялись с жаром за занятия и преодолели все затруднения, сидя за книгами до поздних часов. Весь день уходил на слушания лекций, которые начинались в 9 утра и шли с перерывом на час для завтрака, до 6 часов вечера. Да кроме того часто по вечерам были добавочные занятия, так, что время хватало с трудом, что бы успеть пополнить наш пробел.

Число слушателей офицеров было немногочисленно, всего 22 человека, из которых 17 черноморских офицеров. Мы все знали друг друга и раньше, почему сразу же вошли в колею и зажили дружной семьей. Почти все за малым исключением были холостые, поэтому наша береговая кают-компания была беззаботна и весела и резко отличалась от преподавательского персонала по своему характеру. Несмотря, что среди нас было несколько уже старых лейтенантов, на нас смотрели как на школьников, держа в очень строгой субординации. Особенно строг и непреклонен был наш заведующий обучением лейтенант Б., который держал нас, что называется в ежовых рукавицах. Нас немилосердно "фитиляли" за опоздание на лекции или какие-либо упущения в занятиях и не стеснялись в случае чего и посадить под домашний арест. Словом подводный офицерский класс, была школа в полном смысле этого слова. Большую роль в занятиях с нами по практической части по всем специальностям играли кондукторы флота, которые были подобраны особенно знающими и опытными. Среди них два выделялись своим апломбом и каким-то покровительственным к нам отношениям. Одного мы шутя называли профессор и обращались к нему не иначе, как: профессор Жуков. Хотя он был по отношению к нам нижним чином и при других обстоятельствах, особенно служебных должно относиться как к таковому, но в этой школьной обстановке многое упрощалось. Он вел с нами практические работы по электротехнике и аккумуляторам, но любил часто писать на доске различные формулы и делать математические выкладки, стараясь блеснуть своими познаниями. Мы делали серьезный вид при чтении этих формул, хотя сами хорошо видели его ошибки, происходящие от недостатка его образования, деликатно иногда указывая ему на неточности, в его довольно слабой математике. И если во время занятий, класс зажужжит, как пчелиный рой и шутки посыпятся со всех сторон, он становился в важную позу, сначала укоризненно смотрел и потом, видя, что эффекта от этого нет, произносил с оттенком строгости: "Господа офицеры, попрошу вас тише". Кто ни будь ответит: "виноват, г. профессор" и все успокоится. Все это конечно делалось шутливым тоном и без какого либо оттенка обиды, да и сам "профессор" прекрасно понимал шутки и не обижался. Другим был кондуктор Коновалов, который занимался с нами по практической части двигателей внутреннего сгорания и устройства подводных лодок. Он тоже любил из себя подыграть "профессора", но был менее симпатичнее Ж. Преподавателем по этим двум предметам был капитан 1 ранга инж. мех. С. Его основным и выдающимся качеством был апломб с оттенком

большого мнения о себе. Он имел Георгиевский крест за Японскую войну, полученный им на крейсере "Варяг" в Чифу. В то время на эти кресты смотрели на флоте особыми глазами, т.к. считали, что они были получены не по заслугам и не соответствовали духу Георгиевского статута. Просто Государь под первым впечатлением боя, почти всего японского флота против одного нашего крейсера, награждал всех офицеров и матросов без исключения. На флоте это произвело неприятное впечатление и даже много времени спустя говорили о том, что эти кресты нужно выделить и не смешивать с настоящими Георгиевскими крестами, хотя бы тем, что рядом с крестом носилась обязательно особая медаль. Но поговорили и на том дело и кончилось. Но всё-таки на всё время осталось выражение : "у него Варяжский крест" и этим все объяснялось. Когда С. появлялся читать лекции, он обыкновенно удобно располагался в глубоком кресле у преподавательского стола и, поигрывая бриллиантом на своем мизинце, не торопясь произносил несколько фраз по поводу преподаваемого им предмета, которые неизменно оканчивались: - "Ну господа, остальное вам всё расскажет кондуктор Коновалов". И быстро выходил из комнаты. Его место занимал К., который конечно не разваливался в кресле, но важно водил палочкой по чертежам и объяснял устройство моторов. Как среди преподавателей, так и особенно среди слушателей было достаточно интересных типов, которые очень разнообразили нашу школьную обстановку и придавали характер развлечения. Между ними выделялся лейтенант Х., это был несомненно оригинал, очень остроумный и веселый человек, но к сожалению я ничего не могу воспроизвести из его выражений и афоризмов, потому, что они были всегда для интимного круга. Но все эти шутки и развлечения были хороши и главным образом потому, что слишком мало времени оставалось на них. После Рождества начались полугодовые экзамены, после которых трех лейтенантов отчислили за неудовлетворительную сдачу экзаменов. Два из них потому, что ничем не занимались, а третий мало того, что он был вообще неспособен к наукам, но кроме того был еще прямо-таки жертва своей строгой жены. Она была какая-то полунормальная и до безумия обожала свою собачку. Как раз во время экзаменов собачка сдохла. Какая это была трагедия! Бедный муж, терзаемый женой, совсем потерял голову. Собачку ни за что не хотели закапывать, и она долго лежала в ящике, что-то вроде гроба в квартире и, конечно, распространяла душераздирающее зловоние. Мы все с сожалением смотрели на З., но ничем не могли помочь ему в его трагедии. Впрочем и еще раньше про его супругу ходили анекдоты, это был какой-то деспот, и все искренне жалели бедного, забитого З. Собачка его совсем доконала и он провалился на экзаменах.

Пришла зима, холодная, с бесконечными метелями, и покрыла снегом Либаву. Порт покрылся легким слоем льда, и леса, окружающие город, заиндевели. Миноносцы и подводные лодки прижались друг к другу и жизнь замерла на них. Каждый день рано утром мы просыпались под звуки песен и топот ног новобранцев, которых обучали строю. Они проходили бодрым маршем под окнами наших комнат. -"Левой, левой... грудь вперед, поправь винтовку!", раздавались то там, то здесь окрики унтер-офицеров. Мы не завидовали нашим товарищам, назначенным в отряд новобранцев для их обучения. Это было скучно и нудно и особенно неприятно подниматься в ранний час и маршировать с ними под хлопьями снега, морозным утром. Поэтому не раз благословляли судьбу и еще усерднее принимались за книги. Наступили месяцы самой упорной и трудной работы и дни проходили незаметно. Не было времени скучать, оно было всё поглощено занятиями. В начале апреля, когда снег начал заметно таять и теплый южный ветер все чаще и чаще стал задувать с моря, мы перестали слышать утреннее пение новобранцев - их отправили на царский смотр в Царское Село, где

имел пребывание Государь. То был традиционный весенний смотр новобранцев флота, который проводился ежегодно. После него их назначали на суда или в специальные школы. Для нас же началось самое страдное время подготовки к экзаменам по сдаче теоретического курса подводного класса. В начале мая они были закончены и мы приступили к практике. Дивизия миноносцев покинула Порт Императора Александра Третьего и ушла в море для практического плавания. Порт опустел и в нем кроме нас, учебного подводного отряда, никого не осталось. В это время он состоял из четырех маленьких подводных лодок, на которых мы должны были обучаться. Целые дни приходилось нам быть на них, сначала изучая их устройство, разбирать и собирать их механизмы. Когда это было основательно пройдено, начались практические погружения сначала на месте, а потом и выходы в море, вернее в аванпорт. Попутно нам преподавалось и водолазное дело с работами под водой. Помню, с не особенно приятным чувством надевал я скафандр первый раз и погружался в воду. Тяжелые свинцовые краги быстро тянули меня на дно, и я судорожно схватился за веревку, как бы стараясь удержаться на поверхности. В стекло скафандра было видно, как вода быстро становилась темной и дневной свет, казалось, куда-то исчезал. Наконец, я коснулся дна и на четвереньках пополз по нему, но это было так трудно, потому что какая-то невидимая сила крутила меня, и я с трудом передвигал ноги, стараясь удержаться в нужном мне положении. Всякое препятствие на дне моря, внушало какое-то неприятное чувство, не то что страха, а скорее гадливости. Так и казалось, что тебя схватит осьминог или какое-либо другое чудовище, хотя и хорошо было известно, что их здесь нет. Особенно трудно было производить заданную работу на дне, она казалась невероятно трудной, прежде всего потому, что можно было с большим трудом держаться на месте. В несколько минут иссякали силы и наступало такое утомление, что хотелось скорее выпрыгнуть на поверхность и увидеть божий свет. Совсем не то было погружение на подводной лодке. Для нас, новичков в этом деле, было много таинственного и захватывающего, но переживаемое чувство было совсем не похоже на то, когда идешь камнем на дно в тесном и неудобном скафандре водолаза.

Первое самостоятельное погружение на маленькой лодке... Конечно нервничаешь, хотя знаешь, что около тебя опытный командир и команда исключительно опытных и старых матросов-специалистов. Они привыкли к занятиям с обучающимися офицерами и невозмутимо спокойно делают свое дело. "Приготовиться к погружению", - командуешь слегка взволнованным голосом. - "Люки задраить. Заполнить среднюю цистерну. Заполнять балластные". Слышно, как вода заполняет цистерны, и воздух со свистом вырывается из вентиляционных кранов. В иллюминаторы видно, как вода начинает подходить к надстройке лодки. От неопытности и непривычки принимаешь воды больше чем нужно, лодка носом начинает быстро тонуть. Командир спокойно стоит у глубомера, заложив руки в карманы, и ничего не говорит. Быстро соображаешь, что нужно дать воды в кормовую дифференциальную цистерну, отдаешь приказание и лодка скоро выпрямляется, но стремительно тонет. Чувствуешь, что её не удержать на желаемой глубине, не имея хода. Растерянно смотришь на командира, но он ничего не говорит - должен сам догадаться, что нужно сделать, приказываешь продувать среднюю цистерну сжатым воздухом, что бы выбросить из неё воду и тем дать ей плавучесть, но уже поздно: легкий толчок и мы на дне. "Да... все это так", - говорит, улыбаясь, командир, - "Но будьте осторожны на большой глубине. Здесь это пустяки, неглубоко, а вот в море, эдак можно очутиться и на 200-300 футах, а то и хуже. Самое важное, не теряйте самообладания и быстро принимайте решения. Повторите еще раз погружение с самого начала". - "Есть...". И снова проделываешь

погружение, но уже более удачно. Так в течение нескольких дней заучались мы искусству погружаться на месте, прежде чем выйти в море. Нечего и говорить про то, что перед погружением нужно внимательно осмотреться и проверить всё закрыто, что полагается. У всех на памяти был случай с "Миной", которая затонула в аванпорте, потому что внимательно не осмотрелись и ручка семафорного флажка попала в клапан вентиляции. Лодка погружалась, и никому не могло прийти в голову, что флажок попал в клапан, который, конечно, не закрылся плотно, и через него вода поступала внутрь лодки, и она затонула, к счастью на маленькой глубине. Ее вытащили после того, как она пробыла около суток под водой и все испытали самое неприятное чувство, готовясь ко всяким возможностям, и делая все попытки всплыть. Но вода поступала беспрерывно внутрь и не было никакой возможности очистить клапан, так как палка флажка попала снаружи, по опрометчивости рулевого, оставившего семафорные флажки перед погружением снаружи рубки. Весь экипаж сгруппировался в носу, куда сжавшийся воздух не позволял проникнуть воде, удерживая ее напор. Так и просидели там, пока не пришла помощь. Всегда и во всем возможен недосмотр, ведь и на старуху бывает проруха. И вот, чтобы аналогичные случаи не повторялись, нас систематически приучали к тому, чтобы прежде всего осмотреться и автоматически делать всякие проверки, тем более, что все это занимает минуту времени и не может отразиться на скорости. Разумеется, когда проделываешь всё это каждый день, то образуется уже привычка, что в нашем деле было очень полезно и предохраняло от многих роковых случайностей. К концу мая, мы по очереди выходили на разных лодках для минных стрельб по идущему кораблю, со всеми нужными манипуляциями, т.е. погружением, выходом на удобный курс и пр. Чтобы несколько расширить наш кругозор и поупражняться на других типах лодок, в июне 1914 года в Либаву пришли дивизионы лодок действующего флота. Это было много интереснее, и мы с особенным удовольствием ходили на них погружаться и стрелять минами. Время шло, и не интересуясь политикой, мы без особенного внимания отнеслись к убийству в Сараеве, не думая, что от этого может произойти, что-либо серьезное. Нас гораздо больше взволновал и оскорбил факт ареста одного из наших морских офицеров, находящихся в Германии на постройке двух наших легких крейсеров, заказанных там, так как наши заводы были заняты постройкой военных кораблей и не могли выполнить всего. Арест этого офицера произошел якобы под предлогом, что он похитил часы, на самом деле все это было симулировано и подделано с целью создать общественное мнение против русских. Характерно, что эти случаи все имели место почти одновременно с убийством в Сараеве. Но кто мог бы подумать тогда, что это были первые искры, раздуваемого пожара. Полетели телеграммы и арестованный офицер был выпущен. Конечно были извинения со стороны германского правительства, ссылки на недоразумение, но факт оскорбления остался и мы все были глубоко возмущены. Некоторое время спустя, когда все немножко поуспокоилось, в Кронштадт пришла английская эскадра с адмиралом Битти. Она простояла там несколько дней и мы по газетам следили, какие приемы делались офицерам и адмиралу в Петербурге и Москве. Вслед за английской, пришла в Кронштадт французская эскадра с президентом, которому отдавались царские почести и встречи. Долго недоумевал я и не мог понять, почему всё было так тихо-тихо и вдруг сразу всё свалилось: визиты французской и английской эскадры, необычные события в политике, убийство австрийского эрцгерцога, готовящиеся в Петербурге и Москве забастовки рабочих заводов, по преимуществу изготовляющих военные материалы и строящих суда. Но недолго пришлось недоумевать мне. Французская эскадра, срочно покинула воды Балтийского моря.

Австрия предъявила ультиматум Сербии, за которую заступилась Россия, настроенная миролюбиво. Да и правда, можно ли нам было думать о войне, когда прошло всего на всего 9 лет после неудачной войны с Японией и в момент переорганизации армии и флота и революционно настроенной стране, в которой в течение этих 9 лет беспрестанно происходили вспышки. Революция 1905 года провалилась, но это был лишь первый неудачный опыт, за которым должен был последовать второй, при более благоприятных обстоятельствах. Но в воздухе повеяло войной. Пришедшая было на отдых первая минная дивизия, быстро ушла из Либавы, стоявший здесь пехотный полк куда-то тоже ушел. Начальник нашего отряда беспрерывно получал телеграммы, но сам не отдавал никаких приказаний. Газеты были тревожны и полны всяких предположений, то говорили о неизбежной войне, то о том, что все улаживается. Никто из нас ничего толком не знал, да и конечно не мог знать. Скажу только, что мы сами желали войны и готовы были сражаться с кем угодно. Таково свойство молодости. В эту пору больше не рассуждают, а чувствуют и воспаляются. Вскоре обстановка для нас начала разъясняться. В порт пришел огромный, военный транспорт "Анадырь" и встал против наших береговых помещений. Занятия было приказано прекратить и все имущество подводного класса, особенно мины, моторы грузить на транспорт. В два дня класс опустел, все имущество было погружено, за исключением того, что нельзя было увезти и что приготавливалось быть взорванным в случае эвакуации Либавы. После получения такого приказания, дело казалось уже принимало серьезный оборот. Из четырех лодок, бывших в отряде, должны были идти с транспортом три, четвертая, старый "Сиг", предназначался к затоплению в канале. Из этих приготовлений, мы могли бы увидеть, что отношения с Германией обострились и что можно ожидать всего. В это время сама Либава продолжала жить своей жизнью, тогда как порт представлял из себя встревоженный муравейник. Всё готовилось к исходу, но еще оставалось на месте. Так и "Анадырь", на котором уже жили все офицеры и команда, стоял, готовый к выходу. Семьи офицеров начали покидать порт - хотя многие еще оставались, не веря в возможность войны. Наконец транспорту "Анадырь" и подводным лодкам было приказано уходить 16 июля в Ревель. Сначала вышли первые, как бы на обычные занятия, но в действительности с целью скрыть наш уход. Несколькими часами позднее снялся "Анадырь". В порту остался небольшой отряд морской команды, который должен был в последний момент взорвать доки и портовые сооружения и топить старые суда в канале. При проходе транспорта, около моста собралось много народа, из портовых обывателей, которые провожали нас. Весь порт был как на ладони перед нами. При виде его сердце сжималось от жалости, что такое богатство будет легкой добычей неприятеля. Уже наступила темнота, когда наш небольшой отряд соединился и пошел на север, меняя хода и курсы, что бы ввести в заблуждение каждую минуту могущего появиться противника. В ночь на 17 июля погода несколько засвежела и пришлось убавить ход до 2 узлов, так как шедшие на буксире лодки зарывались в воду и в них было очень плохо экипажу. Остаток ночи и день прошли совершенно спокойно и встретили несколько пароходов, идущих на юг. Целый день получали все шифрованные телеграммы, одна из которых сообщала, что наши заградители ставят мины. После этого мы все решили, что дело действительно серьезно, и нужно ждать войны с Германией. Почти вся ночь прошла у нас в разговорах и разных предположениях, пока утомленные мы не уснули. Но спать пришлось недолго. На рассвете я проснулся от шума на палубе и криков "Ура!". Оказывается, была получена только что телеграмма: "Огонь, огонь, огонь...", что означало: приготовления к военным действиям. У нас её приняли как за объявление войны и поэтому поводу кричали "ура". С часа на час можно было

ожидать встречи с противником, который надо полагать, был осведомлен о нашем выходе из Либавы, почему, что бы не быть отрезанными, мы прибавили ход, насколько позволяла погода. 19 июля, ранним утром мы обогнули остров Оденсхольм, находящийся при входе в Финский залив и вскоре встретили наши крейсера, несшие охрану. Пройдя еще немного, увидели миноносцы, гонявшиеся за пароходами и возвращающие их в порта, и подводные лодки, стоявшие на позиции. Проходя мимо одной "Миноги", нам командир её крикнул в рупор: - "Война еще не объявлена, но ждем с минуты на минуту. Хорошо, что вы своевременно прошли Балтийское море... До свидания... Счастливого плавания...". При подходе к острову Наргену отряд был встречен сторожевыми судами для проводки через минное заграждение, поставленное накануне заградителями в количестве 2200 мин, почти поперек всего залива. Спустя несколько часов мы благополучно встали на якорь на Ревельском рейде. Нам сообщили, что один из постов связи видел на горизонте утром военные суда, которые быстро скрылись. Не было никакого сомнения, что это была погоня за нами.

Вечером война была объявлена. Стоявшая эти дни погода была совершенно осенней, с накрапывающим дождем и холодная. Мимо нас вплотную проходил крейсер "Аврора", посланный в море. Наступили вечерние сумерки. На крейсере была гробовая тишина и ни одного проблеска света в иллюминаторы. Его масса быстро скрылась из нашего вида... Мы молча проводили его и на душе была какая-то жуть. Невольно в голове пронеслась мысль: "вернется ли". Каждый из нас твердо решил остаться здесь и не ехать в Черное море. Но утром категорическая телеграмма приказывала всем черноморцам явиться в Петербург в Главное Адмиралтейство. Пришлось наскоро собраться и ехать с утра вечерним поездом. Ревельский вокзал представлял из себя, что-то невероятное. Все перемешалось. Поезд был переполнен и мы с трудом, сами таща свои чемоданы, втиснулись в третий класс. С нами было несколько жен офицеров-подводников, которые ехали в Петербург. Конечно, как всегда бывает, уже по городу стали носиться разные слухи, что германская эскадра появилась перед Финским заливом, что произошло сражение и передавались всякие ужасы. После того, как мы уже уехали из Ревеля, в дороге до нас дошли слухи, что одна из лодок погибла. Можно себе представить какое впечатление это произвело на жен, мы с трудом их успокоили. Конечно всё это оказалось вымыслом, и наши дамы напрасно простирали всю ночь. Ранним утром нам на встречу шли поезда с воинскими эшелонами, направляющимися на запад. С одним из них мы простояли некоторое время на станции. Это был лейб-казачий полк. Казаки были все молодцы, как на подбор и весело, с песнями и с музыкой шли на фронт. Потом мимо нас промелькнули гусары, армейский полк и еще, еще... Все шло с каким то восторженным подъемом навстречу смерти. Петербург весь переменялся. Он был полон патриотических манифестаций с портретами царя,двигающихся по улицам. Забастовка на заводах прекратилась сама собой. Все горело желанием сразиться и защитить Родину. Только накануне была огромная манифестация, в несколько десятков тысяч народа, которая полная энтузиазма и порыва подошла к Зимнему дворцу. Государь вышел на балкон и эта огромная многотысячная толпа, как один человек встала на колени. Многие плакали от умиления. Но такие сцены описать невозможно - их нужно видеть самому и тогда будет понятно то чувство, которое испытывали люди в этот торжественный момент. Русский народ в такие моменты мог совершать чудеса храбрости и показать свой исключительный гений великого славянского народа. Иностранец не может понять и оценить тех изломов славянской души, способной то подняться на недостижимую высоту, то пасть в глубину пропасти. Для того, что бы это понять, нужно жить с этим народом, знать его историю и его искусство.

Мы всей своей компанией стремительно понеслись в Главный Морской штаб за получением инструкций. Проезжая мимо германского посольства, мы были поражены его видом. Огромное здание было все исковеркано, стекла в окнах перебиты и каменные украшения валялись на улице. Впрочем мы уже слышали раньше, что посольство было разгромлено озверевшей толпой и полиции с большим трудом в конце концов удалось разогнать расходившуюся публику. Пример был заразителен и волна разгромов немецких учреждений прокатилась в больших городах, но характер их уже был просто безобразия и грабежи имущества немцев, кстати сказать в большинстве случаев русских подданных. Особенно этот немецкий погром был значителен в Москве. Поэтому поводу, не помню кем, было написано стихотворение, очень талантливое и меткое, которое дает картину всего происшедшего. Это стихотворение имело огромный успех и ходило по рукам в обществе. Вот оно:

Хоть я командовал бригадой
И мог бы взять Берлин давно,
Но не гонюсь я за наградой,
Я так богат, мне все равно.

При том тошнит меня от трупов,
Гниющих горами во рву,
Сказал брезгливо князь Юсупов,
Нет лучше, дайте мне Москву.

Там уважают Зинаиду,
Ни мне, ни другу, ни врагу,
Она не даст Москву в обиду,
А я ей в этом помогу.

И что же, сон наивно детский,
Сбылся по манию царя,
Ушел сконфуженный Сандецкий,
Взошла татарская заря.

Тень устроителя Ходынки,
Прошла по комнатам дворца,
Князь посещал мясные рынки,
И разглагольствовал с крыльца.

Пренебрегая графаретом,
От власти к черни строя мост,
Ходил по площади с портретом,
Ходил величествен и прост.

И мнил: "Мне памятник поставить,
И надпись сделает Москва: "Се,
Тот, кто мною мудро правит,
Един в трех лицах Божества".

Такой энергии затраты,
Великих мыслей, громких слов,
Сказались быстро результаты:

Однажды в светлые палаты,
Вбегает черный Муравьев,
Кричит: "Спаси нас от потоков,
Кровавых. Слышишь черни стон,
Кто бы ты ни бы, Сумароков,
Юсупов князь, иль граф Эльстон.
Москва горит, Москва бушует,
Патриотически слепа,
Добро немецкое ворует,
У русских подданных толпа.
Но князь тревожиться не падох,
Спокойно молвил он: "Мерси,
Я знаю мелкий беспорядок,
На руку всем врагам Руси".
Совету умной вняв супруги,
Вопрос поставил он ребром,
Решил спасти Елизавету, И медлил потушить погром.
Промедлив сутки съездил в Думу,
Где заседали господа,
Где было очень много шума,
И мало толку, как всегда.
Глотнув упреков Челнокова,
Сказал тут князь: "Пойду,
Скажу народу два, три слова,
С ним нужно мягкую узду...
Пока у Мандля стекла били,
Князь разодет, как на парад,
Стоял в своем автомобиле,
И делал жесты наугад.
И до сих пор еще не ясно,
Что значит тот красивый жест,
Когда начальник гарнизона,
Привел войска и гаркнул: "Пли".
И в силу этого резона,
Все поклонились и ушли.
Ни на Петровке нет буйанов,
Ни на Кузнецком нет мосту,
Слетел конечно Андреянов,
А князь остался на посту.
И над убытками шпионов,
Смеясь, сей новый Деларю,
Сказал: «Четыреста миллионов,
Au fond c'est moins que j'en ai cru».

Итак меньше через час, явились мы в штаб. Нас встретил там адъютант начальника штаба, кап. 2 ранга *, который начальническим тоном передал нам приказание ехать в Севастополь, потому что от командующего флотом оттуда есть телеграмма по этому поводу. Негодование нашему не было предела: "Как, ехать в Черное море, когда здесь война. Ни за что". Встретив такой отпор и атаку, адъютант куда то убежал. Через несколько минут к нам вышел сам начальник, контр-адмирал С. Он был очень маленького роста, за что был прозван Пипином

Коротким. По нашим возбужденным лицам он увидел, что мы серьезно хотим настаивать, что бы нас назначили на суда Балтийского флота, и не желаем ехать в Севастополь.

-"Господа вы должны ехать в Черное море. Вас требует командующий. Не волнуйтесь, скоро и там будет война. Там нужны тоже офицеры, а в Балтике все переполнено. Поезжайте сегодня же". Вне себя от негодования, вышли мы из Адмиралтейства. -"Проклятый шпиц", думал я про себя, -"черт возьми... Но делать нечего. Тянул-то жребий ведь я сам, значит кismet... Надо ехать".

Вечерний курьерский поезд помчал меня снова на юг. Вечернее солнце заходило. Город, как-то весь, как-будто утомившись, утих. Сквозь прозрачный, чистый воздух из своего вагона до меня донеслись благовест Исаакия... Перевернулась еще одна страница из книги моей морской карьеры.

Глава 4

Возвращение в Черное море. Бомбардировка. Война. Первые походы. На "Жарком". Батум. Война в горах. Назначение на "Краб". Плавание на нем и постановка мин. Характер военных действий на Черном море. Ее странный конец и нравственные испытания офицеров. Перед революцией.

Менее чем через сорок часов, я снова очутился в Севастополе. По дороге я мог наблюдать, как всколыхнулась вся Россия. Поезда были набиты битком и вагоны брались с боя. Нечего было и думать о каком-либо порядке на железных дорогах - это было невозможно. К счастью несколько дней тому назад, перед объявлением мобилизации по всей России была запрещена продажа спиртных напитков и поэтому мобилизация проходила спокойно и без всяких инцидентов. Мобилизованные стекались отовсюду, и воинские эшелоны двигались беспрерывно на запад. Вся страна в этот момент походила на встревоженный муравейник - все пришло в необычайное движение и жизнь забила ключом. Так было в Средней России и в Малороссии, но Крымский полуостров и Севастополь в сравнении с тем, что я видел по дороге, представлял из себя контраст - там было много спокойнее и эта южная окраина страны была, как бы в ожидании чего-то. Явившись в штаб командующего флотом, мы все прибывшие черноморцы были сразу назначены на суда. Только четверо из нас, старших по чинам, окончивших подводный класс были назначены на дивизион подводных лодок, а все остальные, и я в том числе, были расписаны по кораблям, и я попал на мобилизованный пароход Русского Общества "Великий князь Алексей", который состоял в дивизионе таких же, превращенных в заградители. Для меня это было большим разочарованием, так как я мало верил, что в случае объявления войны, эти суда будут принимать активное участие в военных действиях. Но делать было нечего, и я без особого восторга перебрался на пароход, только, что пришедший из Одессы. Весь состав парохода остался, будучи мобилизован, но к нему была добавлена военная команда, почти все запасные и поэтому командиру, лейтенанту С. и мне пришлось все налаживать на военный лад. Это было очень трудно, тем более, что в судовом начальстве была двойственность: мы офицеры военного флота и судовая администрация, люди очень почтенные по возрасту и совершенно незнакомые с военными принципами. В начале приходилось улаживать недоразумения, так как военная команда совершенно не хотела подчиняться гражданским лицам, и это тяжело отзывалось на создании правильной военной

организации. Прошло известное время пока все наладилось, и корабль стал походить на военный. Вскоре нам было приказано принять четыреста мин заграждения на палубу, предварительно подготовив корабль к их приему и постановке. С ужасом наши коммерческие моряки смотрели, как палуба их судна покрылась правильными рядами мин, начинённых без малого 2000 пудов тола. Но понемногу они все смирились с мыслью, что им придется плавать с этим неприятным грузом и постепенно привыкли к нему.

Между тем было получено известие, что два германских крейсера "Гебен" и "Бреслау", под флагом адмирала Сушона, прорвались и вошли в Дарданеллы. Этим фактом, нерешительная и дотоле колеблющаяся Турция, получила поощрительный толчок и следовательно нужно было ожидать той или иной развязки. Факт прорыва этих крейсеров показывал ясно, как немцы энергично действовали и в дипломатии и в военном деле, тогда, как мы и наши союзники были нерешительны. Чем, как не этим можно объяснить то, что "Гебен" и "Бреслау" больше недели бродили по Средиземному морю, когда война была уже объявлена Франции и Англии Германией и ее два крейсера вошли в проливы 10 августа по новому стилю. Французская эскадра вышла из Тулона, только после того, как германские крейсера бомбардировали берега Алжира и пошли на запад, тогда, как неприятель шел на восток. Английская и германская эскадры, за несколько часов до объявления войны Англии Германией, встретились и отсалютовав друг другу мирно разошлись. Английский адмирал пошел на Мальту и только спустя несколько дней погнался за немцами и пришел со своей эскадрой на несколько часов позднее, как германские крейсера вошли в проливы, подняв турецкий флаг. Словом, попросту говоря их прозевали. Между тем появление "Гебена" и "Бреслау" в Константинополе имело огромное значение и германофильствующая турецкая партия, находившаяся под влиянием немецкого посла, человека очень энергичного перестала колебаться, и имея с этого момента такой козырь решала действовать без ведома султана и правительства. "Больной человек" Европы, ведомый на поводу немцами, решился на войну, которая несколько времени спустя и началась довольно внезапно для нас, но позднее я скажу, как именно. Теперь нужно сказать, как видоизменилась обстановка на Черном море с появлением германских крейсеров в Константинополе и какое это имело значение для России. В этот момент Черноморский флот состоял из 5 устаревших линейных кораблей, с ходом максимум 14 узлов, 2 старых крейсеров, четырех новейших, больших миноносцев с ходом в 33 узла и многочисленных вспомогательных судов. Подводных лодок фактически не было, так как имеющиеся в это время были стары и малы и могли с трудом нести позиционную службу у берегов. С турецким флотом, наш мог состязаться с успехом, так как был сильнее его материально и гораздо выше с точки зрения личного состава. Но с приходом "Гебена" такое выгодное для нас положение изменилось к худшему, так как "Гебен" имел скорость 28 узлов и сильную артиллерию, в следствии чего весь наш флот с этого времени должен был ходить соединено, так как всякое разделение сил было выгодно для противника и совершенно невыгодно и даже опасно для нас. Таким образом, наше командующее дотоле положение на Черном море перестало существовать. Это с точки зрения тактической, но гораздо хуже обстояло дело с точки зрения стратегической. С появлением Турции, как нашего врага Россия была отрезана от своих союзников, от кратчайшего морского пути и должна была сама, своей мало развитой промышленностью, обслуживать огромную мобилизационную армию. Оставалась связь через Мурманск на Ледовитом океане и через Владивосток на Тихом. Достаточно взглянуть на карту и смерить расстояние, что бы получить представление, что подобная связь крайне

трудна и ненадежна. В самом деле, сколько нужно времени, что бы нужный груз из Европы дошел во Владивосток и оттуда через всю Россию, это без малого 20000 морских миль. С Мурманском дело было не лучше, так как железная дорога, связывающая его с Петербургом была еще не закончена. Архангельск на Белом море был недоступен в зимние, долгие месяцы. Следовательно военно-техническая помощь, в которой так нуждалась страна от своих союзников и о необходимости которой всегда упоминалось в прежних договорах, была едва осуществимой. То есть, иначе говоря, Россия лишалась того в чем она больше всего нуждалась и в то же время сама не могла дать свой людской излишек, по той же причине, в котором нуждались наши союзники. Вот результат пропуска этих германских крейсеров в Дарданеллы, который был чреват для России следствиями, так как вновь создавшаяся обстановка в корне меняла стратегическое положение России, оказавшейся изолированной с ее огромными территориальными пространствами и ее сырым материалом, требующим обработки. К несчастью, по свойству нашего характера, мы забыли, в этот критический момент для нашей страны, слова Петра Великого: "Промедление смерти подобно" и вместо того, что бы прежде всего самим организовать и готовиться к продолжительной войне, здравому рассудку вопреки, бросились на спасение Парижа, жертвуя своими лучшими войсками и ограниченными запасами, которых у нас было так мало, а ждать их пока было не откуда. Наступление в восточную Пруссию помогло французской армии, которая в бою на Марне разбила немцев и заставила их отступить. Наше же молниеносное наступление, с помощью корпусов, снятых немцами в этот момент с французского фронта, было остановлено и закончилось августовским поражением. Слово чести было сдержано, но слишком дорогой ценой.

Пока на сухопутном фронте происходили большие сражения, на Балтийском море были только незначительные встречи наших судов с германскими. По их характеру можно было сказать, что враги нащупывали друг друга и ничего серьезного не предпринимали. При входе в Финский залив немцы поставили минное заграждение, которое сейчас же было открыто нашей службой связи и о его существовании было немедленно донесено в штаб и на другой день оно было вытралено, при чем на минах взорвались два маленьких тральщика. В день объявления войны, как и нужно было ожидать, была обстреляна неприятельскими крейсерами Либава и у входа в нее поставлено заграждение, о котором тоже стало тот час же известно, почему оно и оказалось бесполезным. Первое активное выступление со стороны нашего врага, оказалось неудачным - его хороший, новый крейсер "Магдебург" при попытке ночью пробраться к нам, опасаясь мин придержался близко к берегу и выскочил в тумане на камни острова Оденсхольм. Крейсер был взорван своей командой, но не окончательно и по его подъему нами были сейчас предприняты работы, но они не увенчались успехом, так как постоянно, почти свежая погода разбила его о камни совершенно и Балтийский флот лишился трофея. "Магдебург" погиб 13 августа, но через некоторое время, а именно 27 сентября наш крейсер "Паллада" находившийся в дозоре был атакован в Финском заливе неприятельской подводной лодкой и взорван. Весь его состав в количестве 800 человек погиб и не один человек спасен не был, несмотря на то, что сейчас же подошли миноносцы - настолько его гибель была мгновенной. Перед этим только, за несколько дней германская лодка U-9 потопила сразу три английских крейсера: "Абукир", "Хог" и "Кресси" в Северном море. Такое действие немецких лодок произвело огромное и впечатляющее впечатление на всех и открыло глаза на опасность этого рода судов, и против них стали вырабатываться способы защиты. Имея основания предполагать, что сильный германский флот находится в Балтийском море, адмирал Эссен не

решался на большие операции своими слабыми силами, так как новые дредноуты еще не вошли в строй и ограничился постановкой мин у берегов Германии с помощью миноносцев. На одной из таких минных банок 4 ноября взорвался и погиб германский броненосный крейсер "Фридрих Карл" и несколько вспомогательных судов и миноносцев. Это было известным вознаграждением за потерю "Паллады" и предостережением для врага. Последующие события показали, что наши мины производили на него должное впечатление и он не мог быть одним хозяином в Балтийском море. С большим интересом и вниманием следил я по газетам за встречами английских и немецких эскадр и не мог не восторгаться действиями германского крейсера "Эмден", командир которого мне казался настоящим моряком, достойным уважения, за его лихие действия в океане. С объявлением войны, два наших крейсера: "Аскольд" и "Жемчуг", находившиеся во Владивостоке, получили приказание присоединиться к союзным эскадрам для действия против эскадры германского адмирала графа Шпее. Один из них, "Жемчуг", так счастливо прорвавшийся во Владивосток в Цусимском бою, вскоре нашел бесславный конец в бухте Пуло-Пенанг, в Малаккском проливе. "Эмден", поставил себе фальшивую четвертую трубу и подделавшись под английский крейсер, ночью прошел через французскую охрану и потопил миной "Жемчуг", который идя ко дну открыл огонь. Но увы, было поздно. Бедный крейсер, такая бесславная и некрасивая смерть. Его гибель кольнула меня в сердце, да и не меня одного. Какая нерадивость и оплошность со стороны командира. Но пока я увлекался происходящими далеко сражениями и старательно вычерчивал на карте курсы противников, обучал минам и учился сам события на Черном море шли своим чередом. Пока, что наша эскадра несколько раз выходила в море и демонстрировала себя перед глазами турок, проходя по Анатолийским берегам. Сведения доходящие из Константинополя гласили, что германские крейсера совместно с турецким флотом делают выходы и маневрируют у своих берегов. Но ни одного раза встречи не происходило. Обе стороны готовились к войне, но никто не мог сказать наверное, что она будет. Такое напряженное и неопределенное состояние длилось более чем два месяца. Наконец развязка наступила...

Утро 16 октября было на редкость ясным и море совершенно спокойным. Вся эскадра стояла на Северном рейде, только что вернувшись с моря и готовясь снова выйти в случае нужды. Отряд заградителей с минами на палубах стоял там же, но в глубине бухты, за исключением нашего "В.К. Алексея", который накануне вошел в док, так же полный минами. Ранним утром я проснулся в своей комфортабельной каюте от гула выстрелов, потрясавших воздух. Не понимая в чем дело, я быстро оделся и вышел на верхнюю палубу и тут моим глазам представилась странная, необычная картина: группы портовых рабочих, шедшие на работу испуганно и недоумевающе металась по набережной, женщины истерически взвизгивали и с ужасом в глазах бежали в разные стороны. Со стороны Северного рейда доносились взрывы снарядов и потом залпы орудий. Сначала я подумал, что стреляет эскадра, но потом по дальности и характеру стрельбы догадался, что это стреляют крепостные батареи. Не успел я отойти несколько от дока, как в нескольких шагах от меня и совсем близко от дока хлопнулся снаряд, который разбросал камни и землю далеко вокруг. Над моей головой со свистом пронесся осколок и ударился о ботопорт дока. Я подождал несколько мгновений и потом подбежал к упавшему снаряду - это оказался огромный осколок, при виде которого я сразу понял, что это стреляет "Гебен". Я поднял его, еще горячий и с трудом понес на корабль и торжественно положил его на стол в кают-компани: - "Вот вам "Гебенский" подарок, господа, принимайте и

распишитесь...". Наш капитан и его помощники, дотоле не выдавшие осколков большого снаряда, а к тому же полученного столь неожиданно, больше чем с недоверием и издали его рассматривали, а лакей Иван, парень видимо не из храброго десятка, бледный с трясущимися челюстями от страха, испуганно, временами высовывал голову далеко из-за двери, не решаясь войти в кают-компанию. -"Иван, черт возьми, давайте же кофе. Давно пора", сказал я ему. - "Ваше высочородие, ради Бога, уберите его", произнес он умоляюще, "а вдруг взорвется...". И не смотря на этот, довольно трагический момент, я не мог не расхохотаться при виде его физиономии с трясущимися челюстями и испугано мигающими глазами. Но видя, что осколок спокойно лежит на столе и не думает взрываться, он успокоился и стал сервировать стол для утреннего кофе. В этот момент стрельба прекратилась. В кают-компанию поспешно вбежал телеграфист с пачкой телеграмм, которые начал быстро расшифровывать. Одну из них давал минный транспорт "Прут", который вскоре замолк и не сообщал ничего. Между тем в море произошло следующее. Находившийся в дозоре 4-й дивизион малых миноносцев, под командой капитана 1 ранга князя Трубецкого, к рассвету подошел к Севастополю и встретил "Гебен". Последний заметив приближающиеся миноносцы, прекратил стрельбу по крепости и пошел на них. В свою очередь начальник дивизиона видя, что ему в порт не прорваться, решил его атаковать и пошел на сближение с крейсером, который открыл огонь из противоминной артиллерии по дивизиону миноносцев. Развив самый большой ход и меняя курсы, миноносцы сближались с врагом. Но вот один снаряд попал в головной "Лейтенант Пуцци". Он сразу сбавил ход и начал садиться носом, так как снаряд попал в носовое помещение и вода хлынула внутрь. Миноносец сразу сбавил ход, но продолжал вести дивизион, стреляя из своих пушек. Положение миноносцев было трагическим и надежды на спасение было мало, но вдруг в этот момент на горизонте со стороны Балаклавы, появился силуэт корабля. Это был "Прут", который ранним утром вышел из Ялты и шел в Севастополь. "Гебен" сразу прекратил стрельбу по миноносцам и полным ходом пошел на него, очевидно считая, что это боевой корабль. Огонь "Гебена" обрушился всей силой на беззащитный транспорт, благодаря которому миноносцы, имея убитых и раненых на "Пуццине" получили возможность прорваться, но тихоходный транспорт был осужден на гибель. Видя, что положение отчаянное, командир решил потопить "Прут", но не сдать и приказал открыть кингстоны, а команде спастись на шлюпках. И здесь произошел эпизод достойный быть занесенным в анналы. "Прут" медленно тонул, тогда оставшийся на нем старший офицер, лейтенант Рагузский взорвал дно и погиб вместе с кораблем. Глубокий старик священник, иеромонах Антоний, плававший на транспорте много лет не пожелал его покинуть и в полном облачении, благословляя крестом отходящие шлюпки, стоя на палубе погружающегося корабля, охваченного пламенем пожара. Часть команды и офицеров с командиром попали в плен, будучи захваченными "Гебеном", но большей части все же удалось спастись.

Появление неприятельского крейсера и обстрел порта, конечно вызвали много всяких толков и сплетен в роде того, что мины не были включены нарочно и пр. На самом же деле, крепостные мины не были включены, потому, что командующий флотом ожидал прихода миноносцев и "Прута", что бы не подвергать их опасности. Хотя это неожиданное нападение и имело положительный результат для немцев в том смысле, что они потопили транспорт, но и "Гебен" получил несколько снарядов и ушел имея несколько убитых и раненых. Конечно нужно приписать счастью, что его стрельба оказалась совершенно безрезультатной, так как ни один снаряд не попал в стоящие корабли

и особенно в заградители, наполненные минами, что могло иметь страшные последствия. Несколько часов спустя, когда были разведены пары в котлах, эскадра в полном составе снялась с якоря и вышла в море, направляясь к турецким берегам, где обстреляла угольный центр Турции - Зунгулдак и побережье Анатолии, не встретив ни одного неприятельского корабля. В то время, как "Гебен" обстреливал Севастополь, "Бреслау" в сопровождении минного заградителя поставил мины в Керченском проливе, соединявшем Черное и Азовское море, на котором в то утро взорвался пароход. Турецкий крейсер "Гамидие", обстрелял город Феодосию и "Берки-Шефкет" - Новороссийск, где зажег несколько нефтяных баков. Два турецких миноносца под командой немецких офицеров, как впрочем и все остальные суда, подошли ночью на 16 октября к Одессе. Как раз в это момент в порт входил буксир, который вел две баржи. Для миноносцев это оказалось счастливым случаем и они за ним вошли в гавань, не вызывая ничего подозрения. По чем нужно отметить, что на миноносцах ясно была слышна русская речь. Войдя в порт первый миноносец выпустил мину по канонерской лодке "Донец", которая стояла у волнореза и потопил ее. Другой атаковал вторую канонерскую лодку "Кубанец", но неудачно и мина взорвалась о мол. На канонерках открыли огонь и миноносцы выпустив несколько снарядов по порту, быстро удалились. Через два месяца, "Донец" снова вступил в строй и до конца войны благополучно плавал, причинив много потерь в последствии германским войскам, действуя своей артиллерией на Дунае. Как бы там ни было, но план внезапной атаки со стороны немцев, был приведен в исполнение прекрасно и им только, что называется не повезло, потому, что результаты его оказались более чем скромными. Позднее нам стало известно, как Турция объявила войну России и я считаю не лишним об этом рассказать. Раньше я указал, что послом Германии в Константинополе был В., человек энергичный и решительный, который работал на совесть для Германии, стараясь склонить Турцию к войне на ее стороне. Он и немецкие комиссары обрабатывали задолго еще турецкое мнение, которое находилось под англо-французским влиянием. Кстати нужно напомнить о том, что английская морская миссия под начальством адмирала Лимпуса, в течении довольно долгого промежутка времени руководила турецким флотом и обучала его. Накануне войны, она покинула Константинополь, уступив таким образом место немцам, которые оказались много деятельнее и быстро переделали турецкий флот на свой лад. Но разумеется почва для этого была заранее подготовлена В., выигравшим блестяще дипломатическую победу, которая увенчалась приходом германских крейсеров в Босфор. Немецкий адмирал Сушон, тотчас же был произведен в турецкие адмиралы и поднял свой флаг с тремя звездами на "Гебене", получив чрезвычайные полномочия, как главнокомандующий. Для вящего впечатления на турок, офицеры и матросы германских крейсеров надели фески. Конечно турки в своей массе и не знали, что происходит и кроме того германофильствующая турецкая партия во главе с Энвер пашой терроризировало всех. В то время, как Сушон вышел в море и собрал совет на "Гебене", после которого судам было приказано идти обстреливать русские берега, турецкое правительство ничего и не подозревало, в том числе и морской министр. Говорят он мирно играл себе в карты, когда было получено известие о нападении на Россию. Но, дело было сделано и отступить назад было поздно. Турция была в руках Германии и война началась.

С началом военных действий, я не мог усидеть на заградителях и всеми силами старался попасть на миноносец, что мне наконец и удалось и я был назначен на "Жаркий". Этот миноносец был в составе тех, которые атаковали "Гебен" утром 16 октября. Командир его был смнен и был назначен новый,

лейтенант С., также как и я за несколько часов до ухода в море эскадры. Это было 1 ноября. Помню отчетливо, тот ненастный, осенний вечер. Миноносцы идут в хвосте колонны. Погода свежеет. Шквалистый нордовый ветер завывает в снастях и срывает верхушки волн, которые ливнем обрушиваются на мостик и палубу. Линейные корабли далеко впереди и в вечерней мгле их корпуса едва различимы. Порой, за морозящим дождем, кораблей не видно и только вспышки ратьеров, сигнальных фонарей указывают их место. Миноносцы прибавляют ход и вытягиваются в одну линию. Ночь темна так, что в одном кабельтове ничего не разобрать, да к тому же ветер и соленые брызги мешают смотреть вперед и заливают глаза. Только светящийся бурун впереди идущего, помогает ориентироваться с трудом. Порой кажется, что то слишком близко подходишь к нему, то слишком удаляешься. Судорожно сжимаешь кнопку электрического звонка в машину, то сбавляя, то прибавляя обороты, что бы равняться по впереди идущему миноносцу. Но вот замигали огоньки Ратьера, сигнал их докладывает: адмирал передает курс 110, ход 10 узлов. Эскадра обогнула Херсонесский маяк и вышла в открытое море. Даешь последние звонки в машину и скоро вся колонна миноносцев сразу выравнивается. Теперь можно спокойнее стоять на вахте, но зато качка становится больше. Маленький миноносец так швыряет, что нужно цепко держаться за поручни, что бы не полететь на палубу или не быть смытым волной. На теле нет ни одной сухой нитки, а еще три часа впереди беспрестанного, холодного душа. Невольно завидуешь большим кораблям, где можно стоять вахту сухим и не дрожать от холода. Одна надежда встретить за мысом Сарыч, более тихую погоду и обсохнуть. Тьма кромешная... Над головой несутся черные, низкие тучи, белые гребни с грохотом разбиваются о корпус и каскадом разливаются по палубе. Из темноты, то вынырнет, то снова скроется во мгле бесформенный силуэт "Жуткого" или яркий, огненный факел вырвется из его труб и пронизет ночную тьму. Скоро полночь и смогу прокарабкаться по палубе до своей каюты, выпить стакан горячего чая, переодеться в сухое и заснуть. Заснуть, о какое счастье заснуть в сухой койке. Еще пять минут, Боже мой, как долго тянуться эти пять минут... Наконец по рапу поднимается темная фигура лейтенанта В., я наскоро сдаю ему вахту и кубарем слетаю вниз. Волшебный, незабываемый миг, я в койке под теплым одеялом. Ночной бой, минная атака, может быть, но сейчас протянуться и заснуть... Мысли путаются, усталость охватывает тело и бархатные лапки сна обнимают тебя...

Как и нужно было ожидать, за ночь погода стихла и мы вошли в тихую зону моря. Как будто какая то волшебная рука успокоила бушующее море и подарила нас чудным, солнечным днем. Эскадра перестроилась в дневной порядок и продолжала идти на юго-восток в надежде встретиться с врагом. Но прошел день и ночь и море было пустынно. Нигде ни дымка... На следующий день после полудня, все суда застопорили машины, миноносцы подошли к большим кораблям для приемки угля. Но не успели закончить ее, как все дали полный ход, свернув к югу. Оказывается, что адмирал получил сведения о присутствии неприятеля в Трапезунде. Ранним утром открылись берега Анатолии и постройки Трапезунда.

"Приготовиться к бою"..., взвился сигнал и все отрететовали сигнал и дали самый полный ход. Но скоро обнаружилось, что ни одного неприятельского судна на рейде нет. Тогда адмирал приказывает "Ростиславу" и нам, миноносцам идти на рейд, обстреливать казармы и батареи. Влетаем на рейд и своим огнем разрушаем все портовые сооружения. Турки молчат. Уничтожив все, что было можно, присоединяемся к эскадре, которая идет вдоль берега. Кроме маленьких парусников, которые пропускаются без внимания, никого не встречаем. Очевидно

турки, испуганные потоплением накануне целого отряда больших военных транспортов с артиллерией и амуницией для турецкой армии, прекратили всякое движение. Это было под самым Босфором и произвело большое впечатление и по видимому было большим ударом для германского командования, так как больших транспортов у них было мало. Обойдя большую часть Анатолийского берега и не встретив неприятеля, адмирал Эбергард решил повернуть на Севастополь, что бы приять уголь и запасы. 5 ноября, утром эскадры в довольно густом тумане приближалась к Крымским берегам. Впереди, приблизительно в тридцати кабельтовых от главных сил шли крейсера разведчики. Море было спокойно и временами легкий ветер разгонял туман, который к тому же становился меньше. Шедший впереди вспомогательный крейсер "Алмаз" заметил в тумане стоявшими с застопоренными машинами крейсера "Гебен" и "Бреслау", круто повернул и полным ходом пошел к эскадре, сообщая о присутствии неприятеля. Был полдень и мы мирно сели за стол в кают-компании обедать, когда до нашего слуха донеслась артиллерийская стрельба и звуки тревоги. Мы все бросились наверх по своим местам. Первое, что я увидел был "Евстафий", который шел полным ходом, изменив курс на 90 градусов влево, за ним виднелись "Иоанн Златоуст" и "Пантелеймон", остальные корабли еще поворачивали и едва виднелись в тумане, отстав от головного. Наш дивизион миноносцев, дав самый полный ход шел параллельно "Евстафию". Его башни были повернуты на правый борт и из дула орудий вырывалось пламя с буро-желтым дымом. Он залпами стрелял по неприятелю. По вспышкам, в тумане я мог заметить "Гебен", который отвечал ему. Его снаряды ложились совсем близко от нас, перетая через "Евстафий" и рвались в воде, обдавая нас брызгами. Одна из вспышек на "Гебене", приблизительно по середине его, мне показалась слишком большой и я подумал, что "Евстафий" попал в него, тем более, что через несколько минут стрельба прекратилась и неприятеля не стало видно совсем. К этому времени туман стал совсем расходиться и вскоре открылся чистый горизонт. На нем никого не было видно и эскадра пройдя немного повернула на Севастополь. Наш дивизион перешел на левую сторону линии и тут я только увидал, что в носовой части "Евстафия", в борту зияли дыры, но он продолжал идти, как ни в чем не бывало. По возвращении в порт, мы все узнали в подробности. После того, как "Алмаз" дал знать, адмирал сразу повернул на параллельный курс с неприятелем и хотя старший артиллерист медлил с открытием огня, ожидая его, как полагалось по правилам со "Златоуста", но адмирал приказал открыть огонь немедленно. "Гебен", еще не стрелял, расстояние было, около 40 кабельтовых при плохой видимости и своем дыме из труб, который застилал цель. Первый залп пушек "Евстафия" сразу же попал в "Гебен" и угодил ему в самую середину. Он ответил, но его первый залп лег на недолет, второй перелетел и это был тот, который лег около нас. И лишь третьим, он попал в "Евстафий". Его снаряд разорвался в шестидюймовых казематах и лазарете, убив 4 офицеров, 39 матросов и ранив тяжело 1 офицера и 24 матроса. Раненый был мой хороший товарищ мичман Гнилосыров, с которым я плавал на том же корабле. Осколок попал ему в живот и он промучившись недолго, умер в госпитале. Через день эскадра и город хоронили убитых. Под сводами Николаевского Морского собора, стены которого усеяны черными, траурными досками с именами убитых во время осады Севастополя в Крымскую войну, стояли гробы покрытые Андреевскими флагами. Торжественно и тихо шла зауспокойная литургия в храме, нарушаемая изредка заглушенными рыданиями матерей. Служба кончена... Один за другим, длинной вереницей, на плечах боевых товарищей выносят гробы. Оркестр играет "Коль славен". Проникновенные и торжественные звуки которого, провожают ушедших в лучший мир... Севастополь замер, как когда то, скрывая в

недрах своих окровавленных холмов, первые жертвы войны на Черном море. Секретные сведения вскоре достигшие Севастополь, сообщали о том, что после боя 5 ноября, "Гебен" вернулся поврежденным и хоронил несколько десятков убитых. Но очевидно его повреждения были не очень серьезны, так как менее чем через месяц, он появился перед Батумом и обстрелял его. В это время в Батуме, представлявшем из себя небольшую крепость с устаревшими пушками, находился незначительный отряд судов, не военного типа, вооруженных орудиями. Вся защита Батума с моря заключалась в минном заграждении, поставленном в первый момент войны. "Гебен" не дойдя до расположения мин, с большой дистанции открыл огонь. Его снаряды обили угол у одного дома, что и было единственным его результатом, не причинив никакого вреда ни порту, ни крепости. Между тем, как он имел полную возможность нанести много ущерба, так как в порту находилось много нефтяных баков, где хранилось топливо для флота. Следует напомнить, что из Баку на Каспийском море, через весь Кавказ шел нефтяной трубопровод и таким образом Батум являлся нефтяным центром и представлял из себя очень уязвимое место. Чем объяснить такую оплошность с его стороны, я не знаю, но во всяком случае не ответным огнем наших батарей, снаряды которых не могли долететь до него. Словом со стороны "Гебена" это была неудачная демонстрация, которая нам послужила хорошим уроком.

В конце ноября, эскадра снова вышла в море, закончив необходимый ремонт в надежде встретить неприятеля. При подходе к Кавказским берегам, недалеко от Батума, эскадра застопорила машины с тем, что бы дать уголь для миноносцев, а большим нефтяникам зайти в порт для приемки нефти. В это время у нас на "Жарком", что то случилось в холодильнике и командир попросил два часа времени на исправление, ответ адмирала был идти в Батум и там исправить повреждение. Тут с нами произошел курьез, от которого нам было всем стыдно долгое время. Пока мы шли эскадрой, то по халатности не особенно внимательно вели прокладку курса, так как все время шли в кильватер. Перед тем как отделиться от эскадры и идти по назначению, на всякий случай командир приказал спросить точно место на карте у корабля с которого мы принимали уголь. Так как в этот момент мы уже отваливали и за шумом вырывающегося из свистка пара, я не расслышал хорошо ответ и проложил курс, не сверившись со старым. "Жаркий" дал хороший ход и понесся к берегу. Прошло часа два. Эскадра уже скрылась за горизонтом и только лишь в другом направлении я заметил дивизион больших миноносцев, который по видимому шел в Батум на присоединение к эскадре. Мне показалось странным, что наши курсы слишком расходятся и что мы кажется ошиблись, но до берега оставалось не так много и командир решил к нему приблизиться и кстати осмотреть. Между тем приближался вечер. В это время к югу от нас показался силуэт крейсера, по видимому нашего. Он заметил миноносец и не зная, что мы отделились пошел на нас. Мы обменялись позывными. Крейсер спросил куда мы идем и на наш ответ, что в Батум, передал сигналом, что мы на юго-западе от Батумского маяка в 18 милях. Было очень неудобно и командир остался очень недоволен, особенно потому, что ночью придется проходить минными заграждениями. Кроме того, мы сообщили по радио командующему отрядом в Батуме, что бы нас вышел встретить катер перед минными заграждениями. Очевидно, что он нас ждал понапрасну. Но делать нечего, мы дали полный ход и в темноте стали подходить к порту, благополучно пройдя заграждение, место нахождения которого нам конечно было известно. Но вполне понятно, что проходить ночью в полной темноте было не особенно приятно и что бы ориентироваться попросили открыть на "Березани" прожектор, так как никаких маяков конечно не горело. Нечего и говорить про то, что

командиру здорово попало от адмирала за этот случай. В результате вышло так, что вместо 2 часов ремонта мы застряли в Батуме на несколько месяцев, не по причине неисправности, которая была пустяшной и уже исправленной в море, а по причине общего положения в этом районе. К моменту нашего прихода, т.е. в последних числах ноября, Батум оказался обложенным со всех сторон турками и оставалась сравнительно не большая прибрежная полоса, с железнодорожным путем, которая находилась в наших руках. В начале войны, на Кавказе было очень немного войск, по преимуществу из запасных, и армия нуждалась в подкреплениях, долженствующих прийти с севера. Армия только еще разворачивалась и турки воспользовавшись удобным моментом начали наступление. Они подходили вплотную к Батуму и находились по ту сторону реки Чорох. При первом натиске небольшие части отступили к крепости, потом с помощью морского отряда продвинулись вперед и задержались также по ту сторону реки, удерживая турок. Последние же стали сосредотачиваться в направлении на Тифлис и приближались к Саракмышу и располагались также по линии гор, заходя в тыл Батуму. Словом неприятель был совсем близко и я мог убедиться в этом на следующий же день по приходе, слыша орудийную и ружейную стрельбу в горах. Мы, так сказать, оказались в осажденной крепости, для меня это было ново и первое, что я хотел, это посмотреть город и ознакомиться с положением вообще, но это пришло само собой и очень быстро. Несколько дней мы ожидали, что нас вызовут к эскадре, но скоро получили приказание о том, что миноносец присоединяется к Батумскому отряду судов для действий у берегов Кавказа. Сначала для нас это было аленьким разочарованием, но "а ля гер, ком а ля гер", как говорят выразился один генерал и мы смирились с этой мыслью. Отряд, в котром мы теперь состояли был не лишен интереса. Им командовал капитан 2 ранга Ш., человек независимый и с некоторыми особенностями в характере. Его флагманским кораблем было посыльное судно "Березань", вооруженное 75 мм пушками и два, три парохода, с полевыми пушками старого образца, которые при стрельбе перекачивались с одного борта на другой. Надо сказать, что подобная стрельба на нас производила веселое впечатление и эти корабли получили прозвище китайских броненосцев. Особенно один, который назывался "Дых-Тау", так и просился, что бы его окрестили китайским броненосцем "Дых-Тау". Так он и плавал под этим прозвищем до конца войны, всегда возбуждая в нас веселое расположение духа, когда нам приходилось действовать вместе с ним. Начальник отряда в свою очередь находился в подчинении у коменданта Батумской крепости и командующего войсками Батумского округа генерал-майора А. и как всегда бывает сухопутный и морской начальники не были в особенных ладах между собою. Особенно кавалерийский, вернее казачий генерал А., имел своеобразный взгляд на флот и не очень ясно представлял себе задачи флота и тактику действий военных кораблей, почему между ним и нашим непосредственным начальником не все было гладко. Особенно ярко это выразилось в одном случае, о котором расскажу позднее. Итак в Батумском отряде судов, единственным военным и быстроходным был наш "Жаркий" и отсюда следовало, что ему придется нести почти одному боевую службу, что и началось 3-4 дня спустя после нашего появления. За эти три дня я смог основательно познакомиться с положением в городе. Я бывал в нем несколько раз раньше, еще до войны и он производил на меня впечатление довольно веселого и во всяком случае своеобразного приморского города, населенного грузинами, армянами, аджарцами и прочими кавказскими народностями. Теперь он был пустынен. Большинство всех казенных учреждений, школы, частные предприятия эвакуировалось внутрь страны. На улицах никакого оживления ни днем, ни конечно вечером, когда во всем городе не горело ни

одного огня. Иногда, когда мы засиживались в ресторане и поздно брели к себе на миноносец, весело болтая, наши шаги и голоса звонким эхом разносились по пустынным улицам, погруженным в тишину и мрак. К нашему удовольствию, погода стояла хорошая и мы могли полностью наслаждаться природой Кавказа и красотой его гор. Вечером на третий день, миноносцу приказано было идти в обход по турецкому берегу с целью разведать, подвозят ли по ночам фелюги, большие турецкие шлюпки, снабжение к своим войскам. Кроме того в штабе крепости имелись сведения, что по временам к расположению неприятеля подходят военные суда и пароходы. Насколько это было верно я не знаю, но во всяком случае наши передовые посты, 2-го морского батальона, который был в первой линии и располагался на берегу моря по горам, доносили, что они видели ночью силуэт какого то судна, военного типа. Вполне понятно, что с большим нетерпением и чувством охотника, идущего на охоту вышел "Жаркий" в море. Темнота была кромешная. Подходя к расположению неприятеля, на миноносце была пробита боевая тревога: орудия заряжены, люди по своим местам и минные аппараты повернуты на борт. Миноносец идет настолько близко к берегу, насколько позволяет темнота. У всех настроение приподнятое, каждый стремится разглядеть в темноте, что ни будь и первому открыть врага. "Жаркий" идет на юг, слева едва различимая линия черных от темноты гор, а справа море и усеянное звездами море. Я стою у кормового орудия, недалеко от группы прислуги, которая тихо болтает. Иногда сдержанный смех донесется откуда то и сейчас же замрет. Кто ни будь сбегает закурить в машину и от него закуривают все, старательно скрывая огонь папиросы под бушлатом или ладони руки. Разговор команды, большей частью полны юмора и не относятся к войне. никто не думает о том, что может быть таинственный силуэт замеченный накануне, был неприятельский заградитель, ставивший мины. Может быть еще одно мгновение и ни от кого из нас не останется и следа. Иногда мне приходит эта мысль, но я сейчас же думал, но ведь это одно мгновение, не успеешь и заметить, как очутишься в другом мире, стоит ли терзаться, стоит ли думать об этом. Одно мгновение, никаких страданий... Прекрасно, думал я, служишь во флоте, воюешь и то с комфортом. Вдруг все насторожились... У самого берега мелькнуло несколько огоньков. "Жаркий" круто повернул и пошел прямо в берег, но напрасная тревога, это оказалось несколько огоньков из хижин, расположенных у берега. Идем дальше, на горах то там, то сям, загораются костры - это неприятельские войска. Мы не стреляем, хотя страшно хочется всем, но командир не разрешает, что бы не распутать тех, кто может быть находится в море и кого мы можем встретить. Со мной рядом у пушки стоит машинный кондуктор, он был в Порт-артурской эскадре во время японской войны и рассказывает мне об первой ночной атаке японских миноносцев в Порт-Артуре. С нее он перешел на историю войны и рассказал мне много фактов, которые обычно не пишутся. Историю японской войны я знал хорошо, но тем не менее с удовольствием слушал безыскусные рассказы простого человека, прошедшего всю осаду и перед глазами которого прошла вся эта грустная эпопея. Он рассказал мне ряд боевых эпизодов, которые в лишний раз показывают насколько воинственный и предприимчивый дух в русском солдате, но нужно его уметь разбудить, уметь использовать эти качества и тогда русская армия была бы непобедимой. Но тех вождей, кто умел это делать, кто знал как зажечь огонь было слишком мало в русской армии. То были редкие, яркие звезды на безотрадном поле безталантности и посредственности. На самом же деле в офицерской массе было много талантливых и способных офицеров, но слишком им трудно было пробиться через толщу невежества и непонимания, которая как туманом окутала Россию. И ужас ее был в том, что тупое невежество царило среди тех кто правил. Так в

частности и в Порт-Артурской эскадре не было ни одного, даже посредственного адмирала, который умел командовать и вести в бой... Приезжа из России адмирала Макарова, энергичного, талантливого и любимого вождя, поднял упавший дух во всех. Эскадра оживила. Но к несчастью России и неизъяснимой радости японцев, флагманский корабль "Петропавловск" взорвался на mine и с ним погиб адмирал. Да японцам было чему радоваться, с Макаровым им не удалось заблокировать Порт-Артур и Япония не была бы, как теперь могучей морской державой. Но впрочем, кто им помог в то время, еще пожать плоды посеянного и поймут, что враг то был совсем не тот, кого они считали, а тот кому они помогали. Что говорить, со стороны России, японская война была бессмысленной и совершенно ненужной авантюрой, результат невежественного, неумелого управления страной.. Инстинкт подсказывал это простому солдату и поэтому порыва не было. И правда, зачем было идти куда то, к желтым, когда сзади была огромная, богатая хлебом, золотом и неисчислимыми естественными ценностями русская земля. Да есть ли в мире еще такая страна, как Россия, которая может жить имея все в своих недрах, только работай и богатей. Все страны нуждаются в колониях, без которых они жить не могут. Великой же Руси не нужно ничего, кроме умения. Так думал я, перебирая свои мысли, под аккомпанимент монотонного рассказа моего собеседника.

Несколько десятков миль прошли мы по вражьему побережью. Уже давно скрылись костры турецких костров, а "Жаркий" шел еще на юг в надежде встретить кого либо. Но берег был безмолвен и море пустынно. Время было далеко за полночь, нужно повернуть обратно и к рассвету, пока еще темно, войти в Батум. Зачем показывать туркам, что мы совершаем ночные экскурсии с целью топить и разрушать Пусть увидят это на деле. Возвращаясь, уже недалеко от порта, миноносец вплотную подошел к турецким окопам, с целью, что либо увидеть, хотя было темно и едва ли, что можно было разглядеть. Но нас заметили и по палубе, надстройкам и мостику "Жаркого" защелкали пули. Следы их были всюду, но к счастью никто не был ранен. -"Открыть огонь!" - донеслось с мостика и оба наших орудия своим раскатистым гулом, заполнили побережье ущелья. Так совершенно неожиданно для нас, мы получили боевое первое крещение. Не знаю насколько действителен был наш ответный огонь, но во всяком случае после первых наших выстрелов турки прекратили стрельбу и "Жаркий" вернулся в Батум.

Утром следующего дня, командир получил приказание ознакомиться с береговым фронтом для поддержки артиллерийским огнем наших войск, предполагающих начать наступление через несколько дней. Для этой цели отправился командир, артиллерийский офицер дивизиона плававший на "Жарком" и я. Нам подали казачьих лошадей и в сопровождении дали одного кубанского казака. И вот наша кавалькада ранним утром отправилась на фронт. Воображаю, как смешно было со стороны наблюдать наездников судорожно цепляющихся то за луку, то за гриву лошади, что бы не свалиться с седла. Следовавший впереди нас казак искренне хохотал видя, что лошади нас совершенно не слушают, чувствуя на себе неумелых наездников. Все было бы ничего, если бы не нужно было переезжать в брод быстро несущийся Чорох. Это было для нас целой трагедией. Лошади, очевидно чувствуя брод, шли сами, но нам казалось, что их нужно направлять и поэтому я без толку дергал поводьями. Лошадь горячилась и не слушалась. Наконец дело кончилось тем, что она споткнулась и я очутился в воде по пояс, вшившись в ее гриву. К моей искренней радости было неглубоко и я с большими усилиями мог взобраться в седло и отпустить поводья и следовать дальше, предоставив моему коню идти, как он хочет Это было много лучше и через несколько минут я вылез на берег. Прекрасный,

первый урок верховой езды. Хорошо, что нам дали спокойных, горных лошадей, которые сами знают куда нужно идти, а то вероятно бы мы и не добрались до фронта. За Чорохом, несколько верст пройдя начиналась турецкая территория, на которой конечно не было и никаких следов дороги, особенно в горах, где были только едва протоптанные пешеходные тропинки. Это было место по которому только, что продвинулись вперед наши войска с боем и поэтому нам попадались трупы убитых, наших и турок. Зрелище для нас, никогда не видевших подобных картин было не особенно приятным, тем более, что нас предупредили в штабе в штабе перед отправлением, что зачастую турки и в тылу стреляют из-за деревьев и что нужно быть осмотрительнее. То там, то сям раздавались одиночные выстрелы и перспектива обратиться в подобную мумию не была особенно приятна и хлестанув лошадей мы понеслись в горы. Тут я получил первое впечатление горной войны. Каждый момент можно было ожидать получить пулю и подвергнуться нападению из-за куста, камня, дерева или густых лиан, которые в изобилии росли кругом. Наконец мы добрались до расположения 2-го морского батальона. По дороге мы обогнали целый караван мулов и вьючных лошадей, доставляющих провиант, снаряды и патроны. Вот показались палатки, затем линии окопов. Здесь располагался командир батальона и его штаб. С вершины горы хорошо была видна долина, на другой стороне которой, в горах располагались неприятельские окопы. Всякая стрельба утихла и обстановка казалась совершенно мирной. Я пошел бродить по окопам и обозревать окрестность, что бы получить представление о местности и заметить приметные пункты для стрельбы. Впереди меня, в нескольких шагах из окопа вылезла коренастая фигура, во флотской фуражке, надетой на затылок. При виде меня ее физиономия расплылась в широкую улыбку и рука потянулась отдавая честь. -"Здравия желаю, Ваше благородие. Вы меня не узнали, я кочегар с "Евстафия"". Я напряг свою память и сейчас же вспомнил его. -"А, здорово. Как ты здесь?". Матрос был действительно на "Евстафии" и незадолго до войны был уволен в запас флота. Тут он поведал мне, как его мобилизовали и потом отправили на сухопутный фронт сражаться с турком. Как он упрасивал меня устроить его снова на корабль и жаловался на трудности службы на сухопутном фронте и слезно умолял взять его на миноносец. Конечно я сказал ему, что постараюсь это сделать, но что бы он не рассчитывал, так как флот не нуждается в людях. Бедняга совсем повесил нос и мрачно смотрел в землю, чувствуя, что ему на корабль попасть не удастся. Я сказал ему еще несколько взбадривающих и утешительных слов и продолжал свои обследования. Когда я возвращался несколько времени спустя через то же место, я видел, мой недавний собеседник, очевидно забыв свои горести, лихо отплясывал трепака, не заметив как я наблюдал за ним и в душе искренне радовался за него. Целый день мы провели на фронте, получив яркое впечатление о горной войне. Не раз за это время, я вспоминал свой миноносец и сравнивал условия жизни на нем с фронтовыми и искренне сочувствовал своим товарищам, флотским офицерам, которым пришлось сражаться здесь в горах. Зв время нашего пребывания, редкие ружейные залпы раздавались то там, то здесь, да совсем изредка бухали по очереди две наши горные пушки, представляющие из себя всю артиллерию прибрежного фронта. К вечеру, попрощавшись со всеми и пожелав им успеха в предстоящем наступлении, мы покинули непривычную для нас обстановку и к темноте вернулись на миноносец. Милый, уютный "Жаркий", как много лучше на тебе, даже тогда, когда в свежую погоду, нельзя ни сесть, ни спать, ни есть по человечески.

Следующий день по возвращении мы употребили на приемку снарядов с "Березани", для предстоящей нам назавтра стрельбе. Ранним утром, когда еще

солнце не успело показаться из-за гор, "Жаркий" вышел к расположению наших войск, прибыв на место к назначенному часу. Мы стали совсем близко к нашим окопам и получив последние приказания направились ближе к неприятелю, выбрав удобную для стрельбы позицию. По условному сигналу миноносец открыл огонь, сначала шрапнелью, а потом и фугасами, ради экономии шрапнели. В это время взопевшее солнце осветило долину и неприятельские склоны гор., тогда как наши были в тени. По ним, скрытые кустарником и лианами, спускались наши наступающие цепи. Одна, растянувшись длинной лентой, с офицером впереди, двигалась по берегу. Наша шрапнель рвалась над окопами неприятеля. Прошло с полчаса, когда до нашего слуха донеслись ружейные залпы и крики "ура". Горный орудия, по условию, своими разрывами показывали нам место куда нужно особенно усиленно посыпать шрапнелью. Наша стрельба была прекрасной и войска бодро продвигались вперед. Турки, видимо испуганные такой стрельбой, отвечали редко и по видимому покидали свои окопы. В бинокль и дальномер следили мы за своими, которые поднимались по горе. Ружейные залпы то усиливались, то стихали. Временами в долине и на горах наступала какая то зловещая тишина, после которой, как во время грозы раскатисто и гулко гремели наши пушки. Через три часа наши войска уже были на вершинах неприятельских гор и отдыхали. Турки отступали. Мы продвинулись вперед, продолжая посыпать шрапнелью отступающих турок, пока наступление не закончилось и наши войска не закрепились на ночь. Мои барабанные перепонки, как впрочем и всех, страдали сильно и мы спасались тем, что запихивали в уши невероятное количество ваты, так тяжело было стоять целый день у стреляющей пушки. Так несколько дней подряд продолжалось продвижение русских войск и в промежуток времени, довольно короткий, насколько мне помнится с 9 по 19 декабря были заняты все прибрежные селения турок от Гонии до Лимана. За это время "Жаркий" забегал в Батум принять провизию, снаряды и немного отдохнуть. Помню, что как то раз, идя по берегу с целью разведки, с мостика миноносца заметили мы маленькую турецкую деревушку, по видимому покинутую. Командир приказал спустить шлюпку и несколько человек отправились на берег. Признаться откровенно, нас больше интересовали, замеченные еще издали мандариновые деревья, чем сама деревушка в которой конечно никого не могло быть. Тем не менее, с необходимыми предосторожностями мы стали продвигаться к ней, имея наготове ружья и револьверы. Покинутые хижины произвели на меня гнетущее впечатление. Видно было, что это насиженное гнездо простых, живущих своим трудом людей, вынужденных покинуть его. Все свидетельствовало о поспешном уходе: несколько растерянных, кудахтающих кур, жалобно воющая по отсутствующим хозяевам собака, разбросанный повсюду примитивный хозяйственный инструмент и разорванные рыболовные сети. Роскошные, усеянные золотистыми мандаринами, деревья окружали эти бедные хижины. Наскоро осмотрев все, мы бросились в сад и стали с остервенением рвать мандарины и заполнять ими все, что было можно. Скоро шлюпка почти была доверху нагружена ими. Когда мы все занимались срыванием мандаринов, с миноносца послышались тревожные гудки. Очевидно с него, что ни будь заметили и нужно было торопиться, но несколько матросов слишком увлеклись и их нельзя было оторвать. Мне пришлось самому пойти и приказать им бросить и бегом бежать в шлюпку. "Жаркий" непрерывно давал гудки На горизонте ясно был виден дым, который приближался. Я знал, что наших судов в этом районе быть не могло., следовательно это неприятель. -"Навались", отдал я приказание гребцам и вельбот понесся. И попало же мне от командира за то, что я не отвалил от берега сразу же и заставил его беспокоиться. -"Должны же Вы понимать, что я не могу ждать, ведь это может быть "Бреслау". Поднимайте

скорее вельбот". - "Есть, виноват, Владимир Иванович, так вышло, уж очень был хорош мандариновый сад...". Уже на ходу был поднят вельбот и миноносец понесся вперед, разведать, что это за дым. Но по мере того, как он шел, дым становился меньше и наконец скрылся за горизонтом. Не могло быть сомнения, что это был кто либо из германских крейсеров, потому, что мы дали свои 27 узлов и не могли сблизиться, значит ходок был лучше нас.

Вернувшись в Батум, мы получили маленький отдых, но в эту же ночь произошло малопонятное и неожиданное событие. Около полуночи, когда мы все мирно спали, со стороны моря слышались орудийные выстрелы. Темень была страшная и в море, недалеко от берега, немного южнее крепости, вспыхивало яркое пламя огня от выстрелов. В крепости и городе ни одного огня и полная тишина. Напрасно в течении 15 минут неприятельский корабль обстреливал город - он ошибся и его снаряды ложились много в стороне, в пустынной долине реки Чорох. Наутро мы нашли их там не разорвавшимися, разбросанными на огромном пространстве. Хорошо, что крепость не отвечала и не обнаружила этим свое место, а то могло быть хуже. Пока "Жаркий" снимался с якоря и выходил из гавани, стрельба прекратилась. Бесполезно было в такой кромешной темноте, кого либо разыскать в море и миноносец вернулся на место. Неудача врага долго была шуткой среди всех. - "Не потрафил", говорили матросы, - "малость ошибся, стрелял в божий свет, как в копеечку...".

Но видимо германо-турецкое командование было недовольно действиями миноносца на турецком побережье, которые его раздражали. И действительно, один маленький миноносец целыми днями, как назойливая муха вертелся у их окопов, стреляя по ним с утра до вечера, топил парусные суда, разрушал мосты и военные постройки и против него никаких мер. Возмутительно, и вот в одно прекрасное утро, так в середине декабря, когда "Жаркий" готовился снова выйти на поддержку своих войск и тихо покачивался у пристани, из крепости карьером несся казак и с места осадил свою лошадь у миноносца и передал бумагу. В ней сообщалось, что на горизонте показалось судно и что миноносцу приказано сняться с якоря. Не спел казак отъехать далеко, как солдат мотоциклист, как сумасшедший подлетел к миноносцу и передал вторую бумагу, в которой говорилось, что это двухтрубный миноносец. "Жаркий" уже отдал концы, когда второй мотоциклист привез сообщение, что это четырех трубный крейсер и что он находится совсем близко от берега совсем близко от берега против наших окопов.

Загудели ветрогонки в котлах и мы полным, что могли ходом вышли в море. Утро было прелестно, солнце взошло и море спокойно. Быстро пронесся "Жаркий" мимо устья реки Чорох, где берег круто поворачивал и образовывал залив. Легкий утренний туман закрывал берег и те места, где находились наши окопы и поэтому мы не могли увидеть сразу корабль о котором получили извещение. Но вот медленно, медленно туман пополз вверх по горам и начал заметно редеть. Перед нашими глазами, внезапно вынырнул силуэт четырех трубного крейсера, который разворачивался бортом к нам. В то время, как мы неслись вперед, "Бреслау", это был он, видел нас отлично на ясном горизонте моря. Расстояние до него было, около 70 кабельтовых. "Жаркий", как испуганная лошадь сразу осадил, застопорив машины. Что было делать. Идти в атаку безумие и нелепость. Яркий, тихий, солнечный день, он утопил бы нас прежде, чем мы дойдем не только на наш минный, но и пушечный выстрел. Его ход лучше нашего, артиллерия превосходна. Что мог сделать маленький и слабый "Жаркий". На мостике командир и все офицеры. Мы обмениваемся мнениями и получается, как бы экспромтный военный совет. Первый раз я так отчетливо и близко вижу

неприятельский крейсер. Вот он дал медленный ход вперед и направляется не спеша к нам. В бинокль ясно видно, как его пушки поворачиваются в нашу сторону. Командир колеблется и не хочет идти ему навстречу. Дивизионный артиллерист и механик молчат. Я волнуясь и умоляю командира идти вперед и обменяться хотя бы выстрелами. - "Владимир Иванович, пойдите на него. Ведь это такой редкий случай. На нечего бояться, мы у своей крепости. Хоть обменяемся только выстрелами. Такой редкий и интересный случай", не перестаю поскуливать я. - "Он сейчас откроет огонь" мрачно произносит механик. - "Э батенька, еще дистанция велика для него", нерешительно и не отрывая глаз от бинокля, отвечает артиллерист. - "Дистанцию!", бросил он дальномерщику. - "Семьдесят кабельтовых Ваше благородие...". "Странно, что он не стреляет", говорит недоумевающе командир. Минуты проходят одна за другой. Я с нетерпением ожидаю вспышки огня из орудий "Бреслау". "В чем дело", думаю я, "почему он действительно не стреляет". Ведь расстояние так хорошо для его пушек. Не то, что нам, с нашими пушченками, которые бьют на сорок кабельтовых. Но видимо командир крейсера хочет стрелять наверняка и на близкой дистанции. Вот "Бреслау" прибавил ход, потом вдруг сразу круто повернул и пошел к берегу. "Что за странность", - проносится у всех в головах. "Чего он ждет". Наш командир решает остаться на месте и ждать, наблюдая за противником. Мои уговоры приблизиться немного и открыть по нему огонь, не приводят ни к чему. - "Вл. Ив., подумайте, бой миноносца с крейсером. Ведь это исключительно. Разве можно упустить такой счастливый случай".

- "Ну бросьте, что мы будем бросать зря снаряды".

- "Ну хоть несколько выстрелов", - не отстаю я, - "хоть немножко вперед...".

Командир не хочет рисковать миноносцем и остается на месте. "Бреслау" и "Жаркий" еще долго рассматривали друг друга, как бы обдумывая, что же предпринять. Наконец командир решает вернуться в Батум и донести. Но он все таки сначала решил пройти немного вперед к крейсеру. Тот снова повернулся всем бортом, но продолжал молчать. Прошли еще несколько молчаливых минут. "Право на борт", - скомандовал командир. Миноносец, вздрагивая от быстрого хода помчался назад. Подходя к крепости, до нашего слуха донеслись орудийные залпы, которые раскатистым и громким эхом неслись по горам и долинам, докатываясь до Батума, каким то неясным и отдаленным громом. "Бреслау" стрелял по наши окопам. Но пока мы неопределенно и продолжительно осматривали друг друга, наши войска покинули на время свои окопы и отошли. Турки конечно заняли их и вот снаряды германского крейсера посыпались на союзные им войска. Продолжалось это добрых 2 часа.

Как только мы опшвартовались (закрепились) у пристани, командир немедленно отправился с начальником отряда к коменданту крепости и командующему войсками доложить о виденном.

- "Почему Вы не атаковали крейсера", - спросил лихой генерал, с негодованием в голосе, командира.

- "Но, Ваше Превосходительство, это совершенно невозможно в солнечный, ясный день. Он утопил бы нас прежде чем мы могли бы приблизиться".

- "Как? Почему мои казаки могут атаковать всегда, а Вы нет...".

Как ни пытался начальник отряда и командир доказать невозможность и безрассудность минной атаки при таких обстоятельствах, храбрый генерал не понимал и рассерженный устал, совершенно недовольный действиями командира.

С этого момента наш морской отряд вообще и в частности "Жаркий" попали в опалу у командующего войсками. Но это продолжалось недолго и скоро

ему пришлось сменить гнев на милость, так как без участия миноносца, войска едва бы продвигались вперед так быстро и сравнительно легко. "Жаркий" непрерывно топил, разрушал и обстреливал. Его последняя стрельба при взятии одного укрепленного пункта, была так удачна, что случай с "Бреслау" был совершенно предан забвению. Мы же в кают-компании долго не могли забыть этого разговора командира с генералом и искренне смеялись каждый раз, вспоминая, как генерал сравнивал атаку миноносца с атакой казаков. Уж очень это были не похожие вещи. Между тем нужно сказать, что подобные случаи с сухопутным начальством были не редки. Конечно, нельзя было требовать, что бы офицеры армии разбирались в морских вопросах, но иногда можно было потерять пределы терпения, стараясь объяснить некоторые вопросы морского характера.

Между тем, мы продвигались по прибрежному фронту в глубине Кавказа произошло следующее. Турки, ободренные первыми удачами и встречая слабое сопротивление, незначительных наших отрядов, двигались на Тифлис, столицу Кавказа. Они находились, в середине декабря у Саракамышпа, расположенного недалеко от Тифлиса, очевидно рассчитывая его скоро занять. В это время кавказская армия развернулась и нанесла у Саракамышпа и Киракалисса такой удар туркам, что они были разбиты наголову и бросая оружие, артиллерию и обозы, бросились бежать назад. С этого момента, кавказская армия неуклонно и почти безостановочно двигалась вперед, совершая поистине чудеса, в этих диких, покрытых снегом горах с жестокими морозами и метелями, без всяких признаков дорог, разливаясь широким фронтом, от Черного моря до берегов Евфрата. Только лишь грянувшая революция, остановила кавказских богатырей, которые непобежденные, а всегда победоносные, сами пошли назад.

С отступлением главной турецкой армии, наше наступление по всему фронту пошло быстрее, да к тому же из Севастополя в подкрепление был прислан "Живой", такой же миноносец, как и мы и наша служба была значительно облегчена, так как мы получили возможность чередоваться. Деятельность морского отряда оживилась и изредка вся эта армада с "Березанью", "китайскими" броненосцами и нами выходила делать большой выход сатаны. Вспоминаю один, когда мы все, с самыми разнокалиберными пушками в строе фронта обстреливали Хопу, маленький городок на берегу моря, который по сведениям шпионов служил базой для турецких войск. Уж и досталось бедной Хопе, половина домов была снесена, все турецкие фелюги находившиеся на берегу были разбиты, пощажена была кажется только лишь одна мечеть, несмотря на то, что шпионы доносили, что именно там хранились запасы. Но, щадя религиозное чувство, мы не стреляли по ней. Испуганные жители бросились конечно, бежать, после того, как мы выстрелили первый раз и по видимому город был пуст заранее. В то время, как "Жаркий" обстреливал мост, который был перекинут через реку, одна женщина бросилась бежать по нему, держа за руку ребенка. Мы прекратили стрельбу, пока она не отошла на далекое расстояние и только лишь после этого разрушили мост. Во время бомбардировки, у берега, между нами и остальным отрядом всплыла мина. Нужно было ее распознать, чья она и потом утопить. По приказанию командира, я с двумя матросами отправился на тузике выполнить это поручение. Мина плавала совсем близко от берега. Как только я стал приближаться к ней, буквально град пуль посыпался на нас с берега и тузик был продырявлен пулями в нескольких местах. Эта мина была нашей и я не теряя времени утопил ее выстрелами из винтовки и стал отходить. "Жаркий" видя, что по нам стреляют, дал ход вперед и пошел к нам на помощь, открыв огонь по кустарникам и деревьям, откуда виднелись дымки выстрелов. Обозленные турки стали обсыпать пулями миноносец, пока его жестокий огонь не заставил их покинуть свои

убежища и прекратить стрельбу. Но далеко не всегда дело обходилось счастливо. Иногда из Севастополя посылались отряды миноносцев, для обстрела турецкого побережья, несколько южнее того места, где обычно действовали мы. Так, один раз миноносцы высадили десант, для осмотра находившихся на берегу фелюг. Как только десант, состоявший из нескольких человек стал приближаться к фелюгам, со всех сторон полетели пули и бедный мичман А., пал сраженный свинцовой пулей в висок. С трудом, оставшиеся в живых матросы вытащили его труп из под огня и отвезли на миноносец. Турки, видя постоянно наш непрерывный и бесцеремонный обстрел их берегов, пользовались всяким случаем нам отомстить и позволяя подойти на близкую дистанцию, открывали убийственный огонь из ружей и пулеметов. Пример с миноносцами сделал нас осторожными, так как не было никакого смысла терять людей и поэтому, если приходилось идти осматривать турецкие парусники, то предварительно убеждались в том, что кругом никого нет, а если при приближении шлюпки турки начинали стрелять, то огнем миноносца разбивались все парусники беспощадно. Раз как-то, в местечке Архане, в котором мы остановились для обычного осмотра и спустили вельбот, нас встретили на редкость сильным огнем и посланный вельбот не прошел и половины пути, как был прострелен в нескольких местах. Но турки видимо неважные стрелки и никто даже не был задет, хотя и цель для турок была такой, что лучше не придумаешь. Пришедший к нам в отряд "Живой" много облегчил нам, как я говорил тяготы боевой службы, но в тоже время и характер наших выходов в море несколько изменился. Начальство не ограничивалось тем, что посылало нас для совместных действий с армией, но посылало нас и в дальние выходы с целью нападения и разведок. Для нас это уже было много веселее, особенно ходить вдвоем. Первый наш выход вдвоем был ночью к мысу Иерос, западнее Трапезунда, с целью захватить пароходы или парусники Мы провели у мыса несколько часов, но несмотря на самый тщательный осмотр никого не обнаружили. Потом для вящего устрашения турок, нам было приказано обстрелять их большие города. Для этого "Живой" пошел в Трапезунд, а "Жаркий" в Ризе, и там, и здесь все было разгромлено, что имело военное значение. Эффект был огромный и всего через несколько дней Батумский отряд обогатился, еще двумя миноносцами, присланными из Севастополя, что ясно обозначало, что вскоре на этом фронте начнутся усиленные операции. Командир одного из вновь пришедших миноносцев, уверял, что по дороге, около маяка Пицунда их атаковала германская подводная лодка и что он в свою очередь бросился на нее и всем своим корпусом прошелся по перископу и рубке. Действительно, когда миноносец приподнялся, то его днище и винты были повреждены. Никто из нас не мог ни отрицать, ни утверждать, но в эту пору, еще ни одна немецкая лодка не появилась в Черном море, это был декабрь 1914 года, и все остальные командиры здорово "обкладывали" своего товарища, утверждая, что он просто перескочил через каменную гряду, а ссылаясь на подводную лодку. Поди-ка там проверь, что это было. Но весьма возможно, что это была подводная лодка и особенно на эту тему не спорили, предоставив будущему разъяснить это темное место в боевой деятельности миноносца "С-й".

С приходом миноносцев, нам дали немножко отдохнуть, почистить свои котлы и перебрать машины. Это время, я использовал на то, что бы познакомиться с окрестностями Батума и побывать на его укреплениях. Природа этого угла Кавказа очень красива и оригинальна и напоминает больше Африку, чем юг России. Пальмы, олеандры, апельсиновые и лимонные деревья, чайные плантации, быстротечные горные реки и реющие над вершинами гор орлы и кондоры, делали этот край экзотическим для русского человека, привыкшего видеть

необъятные поля и леса России. Как природа, так и население Батумской области, как впрочем и всего Кавказа отличалось большим разнообразием и разнохарактерностью. Особенно ярко эти свойства вылились во время войны и заставляли быть начеку русское командование. В Батумской области было много мусульман, среди которых турки, вернее немцы вели агитацию против России и нужно было быть очень осторожным и внимательным, что бы в таких трудных обстоятельствах, среди грузин, армян, аджарцев, постоянно враждующих между собою, правильно вести русскую линию. Но, надо сказать, что многообразное население Кавказа было совершенно верно и предано России, за исключением некоторой части аджарцев, которых поэтому крепко держали в руках и было только несколько незначительных случаев измены, не имевших серьезного значения. Что касается коренного и наиболее многочисленного населения Кавказа, которое состояло из грузин, армян и татар и даже диких горных племен, каковыми были черкесы, ингуши и др., то они были истинные сыны необъятной России, служившие ей честно и безропотно. Однажды я видел проходящими через Батум на фронт кавалерийские и пехотные части армян, грузин, татар и черкесов. Это была эффектная картина, которая навсегда останется у меня в памяти. Впереди рысью проходил грузинский полк. Маленькие, с высоко задранными мордами, горные лошадки несли на себе статных, в папахах с белыми башлыками всадников. На них были черные черкески, перетянутые узким с серебром поясом, уложенные серебром сабли и винтовки за плечами. За ними шли армяне, одетые также, но с красными башлыками и потом черкесы и татары в своих национальных формах. Все это как-то особенно красиво гармонировало с окружающей обстановкой: снежными вершинами, окружавшими нас узенькими улочками и звуками восточной музыки, топотом лошадей и лязгом оружия. Это напомнило мне читаемые в далеком детстве, сказки "Тысяча и одной ночи", где загадочный Восток, влек к себе своей своеобразной красотой и какой то тайной. И для меня, русского, видевшего перед собой этот иноплеменный поток людей, шедших сажаться под русскими знаменами, казалось в одно и то же время чем-то странным и чем-то таким, что вселяло гордость и уверенность.

Мое посещение крепостных укреплений вокруг Батума убедило меня в том, что с такими пушками крепость могла только лишь сопротивляться туркам, настолько все было старым и отжившим. Впрочем и хорошо, что на перевооружение не тратили денег, так как это не стоило. Но было очень хорошо, что одна батарея состоявшая из двух 10-дюймовых пушек современного типа, была поставлена для обстрела моря. В полезности ее, мы все очень скоро убедились. Как-то раз, уже в конце января в Батум зашли за углем 4-й и 5-й дивизионы миноносцев или как мы их называли между собой 45-й. Закончив погрузку, миноносцы вышли в море для обстрела побережья. Мы получили приказание присоединиться к ним и вот вся флотилия, в составе 10 миноносцев начала громить небольшой городок, где предполагались войсковые части и запасы. Разгромив все то, на чем было подозрение, мы все победоносно пошли обратно, но... вот на горизонте показался дымок, который быстро приближался. С ясно выраженным видом "Иду на Вы", все повернули на него и большим ходом пошли на встречу приближающемуся дыму. Но вот задорный и ретивый вид головного миноносца вдруг как-то сразу изменился. Он испуганно и круто повернул вправо от дыма и на его мачте взвился хорошо знакомый треугольный белый флажок с красным шаром в середине: "Б", - полный ход. Мы не успели оглянуться, как перед нами посыпались снаряды "Бреслау". Нечего и говорить, что для него мы все были легкая добыча. Он мог бы нас перетопить, как бы отел, если бы только мы били подальше в море и не успели добежать до своей береговой батареи. Пройди мы

всего только, на полчаса больше в море, как от нас полетели бы пух и перья. Но германскому крейсеру, что называется не повезло и хотя он нас нагонял, но стрелял неудачно и его снаряды только брызгами заметно отстающего "Сметливого". К счастью наша батарея своевременно открыла огонь из своих 10 дюймовых пушек и, как только первые снаряды хлопнулись в воду недалеко от крейсера, он сразу повернул в море, явно испугавшись и бросил уже достигнутого "Сметливого". Итак, мы счастливо и без всяких повреждений, к несомненному разочарованию неприятеля, вернулись восвояси. Воображаю, как командир "Бреслау" рвал на себе, от досады волосы. Ха, ха, ха... Действительно не подперло и который раз...

1-го февраля в Батум прибыл экзарх Грузии Питирим. "Жаркому" приказано было его отвезти на позиции. Его сопровождали командующий войсками и военный губернатор. Подойдя к местечку Макриалы, мы спустили вельбот и я получил приказание высадить высоких гостей на берег. В Макриалах, отделенных от вражеских позиций, только снежной вершиной величавого Селима, экзарх отслужил молебен и затем обратился с речью к войскам. На следующий день, к экзарху явилась депутация от аджарского мусульманского населения, тяжело провинившегося перед русской государственной властью. Депутация просила владыку о заступничестве и о разрешении аджарцам самим выдать виновных властям. Впервые в истории Кавказа, мусульмане прибегали с ходатайством к христианскому архипастырю. Приняв их, экзарх отправился на передовые позиции и благословлял сражающиеся войска.

По возвращении миноносца в Батум, я получил известие о назначении меня на подводную бригаду и срочном отъезде в Севастополь. Правда, я стремился на подводные лодки и был доволен своим назначением... Но мне было до боли грустно покидать "Жаркий", командира, офицеров, команду, с которыми я, как бы сроднился, пережив не одну только опасную минуту. Завтра, ранним утром я уезжаю. Последний ужин в маленькой, тесной, но уютной кают-компани. Мне преподносят серебряную чарочку с надписью "Гония-Лиман", места, где мы сражались и фамилиями моих боевых сотоварищей. Растроганный, я пью из нее за боевой успех миноносца, под звуки стариной русской чарочки... Славный и хороший русский обычай! Пережил ли ты проклятую человеческую ненависть революции... Впрочем, вскоре и "Жаркий" покинул Батумский отряд и вернулся в Севастополь для ремонта, после своей трудной и беспокойной службы в Батумском отряде, в котором на него пала вся тяжесть первых дней войны, в этом районе Черного моря. Пришедший позднее "Живой" уходил вместе с ним. Главкомандующий войсками искренне сожалел об уходе миноносцев и отдал следующий приказ:

"Секретно"

Приказ

по Михайловской крепости, войскам Батумской области и временному генерал-губернаторству Михайловской крепости и Батумской области.

№ 78

11 марта 1915 года, гор. Батум.

1

Миноносцы "Живой" и "Жаркий" сегодня выходят из состава Батумского отряда судов.

С большим огорчением узнал я об этой утрате в моих боевых силах и очень скорблю, что лишился лихого "Живого" и меткого "Жаркого".

Ваша работа "Живой" и "Жаркий" во время службы в Батуме носила характер порыва и производилась с редким увлечением. С уверенностью говорю, что я не помню ни одного случая, который воспрепятствовал бы вам выйти по назначению по первому моему зову, а это свидетельствует о постоянной вашей готовности к бою, являющейся результатом непрестанной работы, исключительного честного и добросовестного отношения к долгу службы и своим обязанностям.

От лица службы и от себя благодарю Вас всех: доблестных командиров, капитана 2 ранга Л...а и лейтенанта С...о, лихих господ офицеров, молодцов нижних чинов.

Всегда буду вспоминать о Вас с удовольствием и давать должное заключение о вашей работе, о которой, уверен будут помнить также Трапезунд, Ризе, Антинэ, Вице, Сумли и Хопа, хотя быть может и без особого удовольствия, как оставивших в них, так и на всем побережье этого района, очень яркие и прочные воспоминания.

Спасибо Вам всем. Желаю полного благополучия.

Подписал: Комендант Михайловской крепости, начальник войск Батумской области и временный генерал-губернатор района Михайловской крепости и Батумской области.

Генерал-майор Ляхов.

Вторая часть этого приказа была о награждении Георгиевскими крестами и медалями отличившихся матросов обоих миноносцев.

Итак, я покинул "Жаркий". Из вагона медленно ползущего поезда, в полумраке я в последний раз различил его четыре трубы. Они дымили, видимо он выходил в море. Мое сердце невольно забилось скорее и махнув ему платком, я мысленно пожелал удачи. Красивая, тропическая растительность Зеленого мыса, сразу скрыла от меня порт, город и море. Поезд шел пересекая Кавказский хребет. Первый раз в жизни перед моими глазами проходила кавказская панорама: ущелья, леса, богатейшие сады и виноградники, усеянные скотом склоны гор и пастбища. Красиво расположенный Тифлис, столица Кавказа, бесчисленные нефтяные вышки Баку, нефтяной столицы мира... Все проносилось быстро... Как велика и богата Россия, думал я про себя, стоя у открытого окна. Есть все, но в то же время и чего-то не хватает. но чего, я сознавал смутно и неясно.

Со скудным мичманским багажом, но с обилием ружей, всех образцов и всякого рода доспехами неприятеля, вылез я из вагона поезда на севастопольском вокзале. Через день, я явился своему новому начальству, начальнику подводной бригады, капитану 2 ранга К. - "Вы назначаетесь на подводный минный заградитель "Краб", минным офицером Явитесь командиру сегодня же". - "Есть", ответил я и откланявшись вышел от бригадира, стора от нетерпения увидеть новый корабль. Оказалось, что командир и офицеры на работах, на лодке и я по непролазной грязи севастопольского порта торопился добраться до "Краба", стоявшего на мортонном эллинге. Скоро я увидел перед собой странного вида подводную лодку, покрытую лесами, грязную, с ржавыми пятнами, полу развороченной надстройкой и с какими-то полуцилиндрами на борту, явно пристроенными потом. - "Ммм", пронеслось у меня в голове, - "это, что-то полупотченное". Но когда я добрался по шатающейся деревянной лестнице на палубу и затем в темноте спустился вниз, мое первое впечатление еще более усилилось. Внутри все было разворочено. Ни аккумуляторов, ни обстановки, ни некоторых частей машин еще не было на месте. Словом капитальный ремонт,

который будет тянуться Бог знает сколько времени. Уныло поплелся я разыскивать командира, который был где-то в надстройке. - "Ваше благородие, лучше подождите здесь, я доложу командиру", сказал мне матрос, "а как Вы будете лазать в новом кителе. Ведь тут тесно, грязно. Вот тут кают-компания". Я оглянулся. Никаких признаков не только кают-компании, но даже вообще жилого помещения не было. Голые железные борты и внизу пустая аккумуляторная яма. Я уселся на засаленную разножку и стал ждать и размышлять: - "да поменял кукушку на ястреба. На "Жарком" то было много лучше. И плавали и воевали и по крайней мере приличный корабль, а тут совсем неприветливо, а главное грязь то, ведь тут чистить, чистить нужно сколько времени. Вот уж влопался". Передо мной то и дело шмыгали матросы, грязные перемазанные... У них был совершенно невоенный вид и скорее напоминал простых мастеровых, чем команду военного корабля.

Прошло много времени, пока вниз спустился командир в сопровождении офицеров и инженера. Я представился командиру, который очень приветливо меня встретил. - "Очень рад Вас видеть. Вы приехали ко времени, так как скоро мы заканчиваем ремонт. Вы назначаетесь минным офицером. Познакомьтесь с заведываемой Вами частью и изучите особенности корабля". Офицеры были мне хорошо знакомы, так как мы вместе окончили подводный класс и от них я узнал все подробности о "Крабе". Оказалось, что он начал строиться еще в 1908 г., но как первый опыт корабля такого типа, не только в России, но и во всем мире, страдал многими недостатками и поэтому все время перестраивался. По тому времени это был "монстр". "Краб" был 550 тонн водоизмещения, нес на себе 66 мин заграждения и 4 мины Уайтхеда и его скорость достигала 14 узлов. Но завод "Наваль", в Николаеве, который его строил в течении долгих лет, отчаявшись его закончить из-за постоянных не удач в его конструкции и большого расхода денег, отказался от мысли его докончить. Тогда инженер, который его строил решил сам на собственный риск и средства окончить постройку "Краба". Результатом этого было то, что постройка заградителя велась медленно, крайне экономично и материал употреблялся не первосортный. Специалистов мастеровых было 3-4 человека, остальными рабочими была команда лодки, которой инженер платил от себя деньги. Мы же офицеры оказались, как бы наблюдающими за работами. Такая организация оставляла желать много лучшего. Но обстоятельства военного времени требовали появления на сцену подводного минного заградителя, поэтому мы все старались изо всех сил, что бы "Краб" заплывал и работали сами не за страх, а за совесть, налегая на инженера Л. Бедняга вертелся, как белка в колесе и проявлял колоссальную энергию. Каждая не удача по какой либо части, как бы подхлестывала его еще больше и он с удвоенной энергией преодолевал препятствия, работая и днем и ночью. Мы офицеры желая самим видеть "Краб" готовым, помогали ему во всем, хотя часто спорили и не соглашались с ним выставляя свои требования по переделке частей в своей специальности. Боже мой, сколько было крику и споров на заседаниях по поводу постройки. Л. прямо таки изворачивался, как мог, так тратил свои последние деньги. Мы настаивали только лишь на самом необходимом, приводя, как аргумент, что нам именно придется быть на "Крабе" в боевой обстановке, а не ему. Со своей стороны Л. видел, что без нас ему работы не окончить и сдавался. Мы искренне сочувствовали ему в его действительно тяжелом во всех отношениях положении, и старались его облегчить, работая самим не покладая рук.

Перестройка заградителя велась еще с 1913 года, после того, как опыты с ним оказались совершенно неудовлетворительными и "Краб" был признан небезопасным для погружения. Тогда то и решено было видоизменить его корпус

и для остойчивости на корпус наклепать добавочные цистерны и переделать многое. Не лишним будет упомянуть, что "Крабом" интересовались и за границей, так как он был единственным в своем роде и в то время ни одно государство не имело в составе своего флота подводного минного заградителя. Они появились уже позднее во время войны и первые из них были гораздо меньше, чем был "Краб". Исключительная особенность нашего корабля и страстное желание поскорее выйти в море были стимулом в нашей работе. Наконец в апреле "Краб" был спущен на воду и через несколько дней мы делали первое погружение. Его можно было признать удовлетворительным, но многие механизмы работали плохо. Каждое наше погружение и подводные хода обнаруживали те или иные недочеты, без устранения которых нельзя было выполнять боевые поручения. Погруженный в свою работу и не думая ни о чем другом, как бы скорее выйти в море, я однажды был приятно поражен, получив приказ командующего Черноморским флотом о награждении меня за плавание на "Жарком" боевым орденом. Некоторое время спустя, я получил об этом императорскую грамоту. С каким-то особым, непередаваемым чувством развернул я лист пергаментной бумаги и прочел его:

"Божией милостью

Мы, Николай второй,

Император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, прочая, прочая.

Нашему мичману Н... М...

Утверждая определенную подлежащую начальством, по дарованной ему от нас власти, награду за отличия выказанные Вами в делах против неприятеля, всемилостивейше пожаловали мы Вас, указом, в 18 день апреля 1915 года капитулу данным, кавалером императорского ордена нашей Святой Анны третьей степени с мечами и бантом.

Грамоту сию во свидетельство подписать, орденой печатью укрепить и знаки орденой препроводить к Вам, повелели мы капитулу Российских императорских и царских орденой.

Дана в Петрограде в 28 день декабря 1915 г.

Управляющий делами капитула орденой,
Гофмейстер Высочайшего двора (подпись).

5453.

Нечего и говорить про то, что мой орден был торжественно отпразднован и в этот день я не в состоянии был продолжать работы.

Между тем, пока мы возились с нашим "Крабом", с заводов Николаева прибывали новые большие подводные лодки. Еще в декабре прошлого года пришла "Нерпа", которая своей величиной произвела впечатление. За ней в феврале пришел "Тюлень" и в марте "Морж". Когда мы сравнивали их с нашим "Крабом", то сравнение было не в пользу его. Эти лодки были почти в 700 тонн, с 12 минами, роскошными жилыми помещениями и главное с надежными механизмами. Они выходили по очереди в море, по преимуществу к Босфору и

оставались в крейсерстве по 14-17 дней, топя неприятельские суда и выслеживая "Гебена" и "Бреслау". Желание некоторых командиров проникнуть в самый пролив и атаковать врага там, категорически запрещалось командующим флотом. Отчасти это было понятно, так как фактически подводных лодок способных плавать было всего на всего три, а остальные восемь, все маленькие по 125 тонн, четыре только, что прибыли из Владивостока по железной дороге, не могли приниматься в счет. "Краб" же считался не надежным и уже получил название на бригаде "коробки с сюрпризами". Как мы злились на это, сказать трудно, но это давало лишь повод к разыгрыванию нас нашими товарищами с других подводных лодок. Особенно приходил в ярость наш механик, мичман М., на которого розыгрыш действовал, как кумач на быка. Он вспыхивал моментально и нужно было много времени, что бы его успокоить. - "Скажи, дорогой Миша, зачем ты накопил дымом из своих машин всю бригаду. Я прямо таки весь черный от копоти", пристаёт бывало шутливо, маленький, шарообразный А. Ш. Как ракета вспыхивает И., и меча искры, с раздражением отвечает: - "Послушай, пооди ты к черту с твоим приставанием. Ты лучше расскажи, как тебя разыграли на "Нерпе". Здесь наступила очередь вскипать и А.Ш. Оказывается во время похода с А.Ш. сыграли шутку. Несколько дней в море была плохая погода с дождем. В этих случаях вахтенный начальник, вступающий на вахту одевался во все дождевое, так как в свежую погоду волна покрывала и палубу и мостик рубки. Нужно было одеваться особенно хорошо, что бы не промокнуть до нитки. Всегда жизнерадостный и веселый К., приказал сигнальщику разбудить лейтенанта А.Ш. и доложить ему, что погода наверху очень плохая и что нужно одеться во все дождевое. На самом деле, за ночь погода утихла и несколько дней не показывающееся солнце, наконец выглянуло и море было совершенно спокойно. На мостике уже собралась целая компания лейтенантов и мичманов для розыгрыша А.Ш. Через десять минут шарообразная фигура А.Ш. сделавшаяся совсем круглой от бесчисленного количества всякой дождевой одежды, с трудом поднималась по трапу боевой рубки. Что бы совсем сбить с толку А.Ш. и убедить, что погода отвратительная, с мостика его поливали из ведра водой, как будто бы это была зыбь, которая захлестывала мостик. Не понимая в чем дело, спросонья, ругая скверную погоду и предстоящую вахту, А.Ш. отплевываясь и фыркая от соленой воды, грузно выползал наверх. Гром хохота и всяких шуток на его счет, разразился на мостике, когда его голова показалась из люка и он увидел совершенно спокойное море и чудный, солнечный день. - "Ну погодите же, я вам тоже устрою розыгрыш", произносил смущенный А. и потом сам хохотал со всеми по поводу такой удачной и безобидной шутки.

Так во все время крейсерства лодки, иногда достигавшим 21-23 дней, дни проходили незаметно, наполненные шутками, бесконечными рассказами и играми. Маленькая кают-компания этих лодок была всегда уютной, приветливой и светлой. Неприятельские военные корабли и пароходы показывались так редко, что поймать их было очень трудно и в большинстве случаев приходилось по преимуществу топить и уничтожать турецкие парусники, служившие для перевозки провианта своей армии.

В это время, т.е. в самом начале войны, приблизительно до половины 1915 года, плавание у неприятельских берегов было почти безопасно и скорее напоминало прогулки, чем боевые походы. Так например запросто в виду Босфора, в предобеденный час вся команда купалась в море, мало думая о неприятеле. Летом 1915 г. появились гидропланы и подводные лодки и нашим военно-морским прогулкам наступил конец. Надо сказать, что организация и жизнь подводной черноморской бригады отличалась от таковой надводного

флота. Нашей базой был старый блокшив "Днепр", на котором жили офицеры и команда, имея свои отдельные помещения по лодкам. Таким образом на одном корабле оказывались собранными небольшие по числу, команды маленьких кораблей со своими старшими офицерами и командирами. В свою очередь на блокшиве был свой командир и свой старший офицер. Такая организация оставляла желать много лучшего. Отдельные интересы каждого корабля сталкивались и поэтому зачастую выходили недоразумения между старшими офицерами. Но, никогда ничего не происходило серьезного и поэтому жизнь текла мирно, дружно и весело. Любители музыки организовали на бригаде два оркестра, один духовой, а другой струнный. Первый служил для отрицательных целей, второй же состоявший из 6-7 человек играл обычно за обедом в кают-компании. Самым веселым был конечно "бак" (конец стола). Но разница была в том, что на больших кораблях, за "баком" сидели младшие по чинам офицеры, у нас же на подводной бригаде, за ним сидели старшие офицеры подводных лодок, обычно лейтенанты и остальные офицеры лодок. В эту эпоху за "баком" собиралась веселая компания офицеров, близко стоявших по выпуску из корпуса, очень жизнерадостных, веселых, но и хороших работников и прекрасных офицеров.

Наш начальник бригады, всеми уважаемый В.Е.К., обычно очень сдержанный, искренне хохотал слыша наши шутки и рассказы. Каждый удачный поход подводной лодки, атака неприятельского корабля, потопление парохода или парусников, не удачная атака врага, все было поводом к тому, что бы за обедом это было отмечено тем или иным способом. Для оркестра подбирались вещи самого безудержного, веселого характера, да и сами музыканты зная вкусы и характер "бака", подбирали соответствующий репертуар. - "А, ну-ка "одесскую", - скажет бывало лейтенант Ш., водолазный офицер, "геркулес", очень остроумный, веселый и талантливый человек. И звуки "одесской", исполняемой оркестром с каким-то особенным оживлением, приводили в раж всех. Ш. был большой любитель борьбы и цирка и он организовал из любителей матросов, на бригаде настоящий цирк, в котором все номера были с юмористическим оттенком. Особенно вызывал много хохота и веселья парад "алле", которым начиналось представление. Кроме того он был талантливым художником маринистом, но писал только тогда, когда на него находило вдохновение. Помню, уже в начале революции, я попросил его нарисовать мне на память небольшую картину. - "Дорогой мой, ты знаешь, что искусство цветет во время империи...", - сказал он мне полуплутя полусерьезно, - "и оно умирает с революцией...". - "Да, ты пожалуй прав, Ваня. Империя - это красота, которой республика не знает". Так я остался без картины. Наконец, после почти четырех месяцев упорной работы, мы закончили свои работы с "Крабом". Оставалось сделать практическую постановку мин заграждения и испытать лодку на большой глубине. Первое было бенефисом для меня и я готовился и я готовился к нему приводя в порядок и проверяя мины. На них были особые практические буйки, которые должны были показать, как становятся мины на глубине. Опыт установки удался и я торжествовал. Элеватор работал хорошо и мины стали совершенно правильно и на заданной глубине. Через день спустя, последний опыт: подводный ход на большой глубине. На этот опыт, ни инженер строитель заградителя, ни рабочие не пошли, за исключением одного или двух. Это было известной характеристикой для лодки и ее качеств. Мы благополучно, но конечно не без маленьких сюрпризов, походили часа 2 на глубине 220 футов. "Краб" слушал рули вполне удовлетворительно, хотя горизонтальному рулевому стоило это больших усилий, так как управление рулями было расположено между минными аппаратами, и для человека очень неудобно. Но это был еще

сравнительно небольшой недочет в конструкции, было много и других похуже, с которыми приходилось нам считаться и устранить, которые было невозможно.

В апреле 1915 года, государь император, посетив Севастополь, пожелал увидеть "Краб", этот своеобразный корабль и познакомиться с его устройством. Нам приказано было уйти в глубину Южной бухты и стать у Царской пристани, против императорского поезда. Когда мы подошли к назначенному месту, государя не было. Он уехал на южный берег, для осмотра лазаретов и частей войск, собранных для предполагаемых десантных операций. К заходу солнца, государь император прибыл в автомобиле. Команда и офицеры выстроились на палубе. Я и мичман И., стояли фалрепными у сходни для встречи Его величества. Государь был одет в форму кубанских пластунов. Меня поразил его больной вид. Он видимо был утомлен. Лицо было бледно, под грустными глазами, в которых отражалась печаль, выделялись большие мешки, придающие выражению его лица оттенок страдания и заботы. Он быстро прошел мимо нас по сходне, вошел на палубу, поздоровался с командой и офицерами, задал несколько вопросов командиру и вышел на пристань. Вниз государь не спустился и лишь с берега наблюдал, как выходят из надстройки и падают в воду мины. Затем, простившись со всеми, ушел в свой вагон. Смотр был окончен и мы вернулись на свое место.

Теперь, когда прошло уже столько лет и целый вихрь событий перевернул совершенно жизнь тех из нас, кто остался в живых и после ужасов революции и гражданской войны, заставил забыть те красивые моменты, которые когда-то вдохновляли каждого из нас, пробуждали энергию и желание идти на героизм, теперь я вспоминаю этот день... Я переживаю снова то чувство чего-то приближающегося страшного, неотвратимого, которое охватило меня, когда я увидел государя в последний раз. Его глубокий, добрый, печальный взгляд скользнул по мне и мягкая улыбка осветила лицо. Мне показалось, что его взгляд говорил, что ему слишком тяжело бремя правления, что он несет бармы Мономаха с трудом, ища опоры и не видя ее...

Потом я вспоминаю характерный разговор между офицерами, после смотра: - "Я очень рад", говорил лейтенант К., "что государь не спустился вниз и не остался на корабле". - "Почему?". - "Друзья мои, посещение государя ни разу не принесло счастья ни одному кораблю, который он посетил". Как ни странно, но К. был прав - это было так. С каждым из этих кораблей, что ни будь да происходило и он был искренне доволен, что на переборке "Краба" не было написано собственной рукой царя "Николай", как он обычно делал во время своих посещений.

Между тем, начальство торопило нас с окончанием опытов. Военная обстановка требовала появления на сцену "Краба", поэтому командир решил, произведя только главные испытания, донести о готовности подводного заградителя. Правда за это время, т.е. начало и весну 15-го года не произошло никаких особенных военных событий. Германские крейсера показывались сравнительно редко. О том, что бы поймать их с нашими тихоходами говорить не приходилось. При всякой встрече, они пользуясь своим ходом ускользали, явно избегая боя. Попытка противника совершить нападение на Одессу в Пасхальную ночь, оказалась для него неудачной. Для этой цели 2 турецких крейсера и миноносцы, под командой германских офицеров приблизились ночью к Одессе. "Меджидие" в сопровождении двух миноносцев проник за заграждения, тогда как "Гамидие" оставался в прикрытии. Уже немного оставалось "Меджидие" дойти, что бы открыть огонь по Одессе, как в этот момент он наскочил на мину. Что бы привести крейсер в негодность, миноносцы выпустили по нему мины, предварительно сняв оставшийся в живых экипаж. Он затонул в нескольких милях

от города, на неглубоком месте так, что его пушки торчали над водой. Немедленно начались работы по его подъему, которые закончились через два месяца и "Меджидие" был введен в одесский док для ремонта. Через несколько месяцев он уже вступил в строй Черноморского флота под именем "Прут".

Турецкие берега периодически обстреливались нашей эскадрой и особенно страдал Зунгулдак, как угольный центр. Босфорские форты, в апреле этого года подверглись жестокому обстрелу, как с моря, так и с воздуха. Наши гидропланы летали над Константинополем, сбрасывая бомбы над фортами. Эти действия предпринимались в согласовании с атакой наших союзников Дарданелл, на взятие которых у нас очень и очень рассчитывали. Это сильно бы изменило характер войны и несомненно ускорило бы ее окончание. Во время бомбардировки Босфора 27 апреля (10 мая), с востока показался крейсер "Гебен". Момент для него был очень благоприятным, так как эскадра разделилась. Два корабля обстреливали укрепления пролива, а три остальных находились в море в виде прикрытия. Пользуясь своей скоростью, "Гебен" мог бы удачно атаковать по частям, но момент им был упущен. Линейный корабль "Евстафий" открыл огонь и четыре его снаряда попали в неприятельский крейсер. Пока происходил этот короткий бой, два корабля обстреливающие пролив успели присоединиться и "Гебен" выпустив более двухсот снарядов безрезультатно по эскадре, главным образом по флагманскому кораблю "Евстафий", полным ходом скрылся в проливе.

Но наши расчеты на то, что Дарданеллы скоро будут взяты, оказались ошибочными. Союзники не выдержали и сняли осаду пролива, понеся огромные потери. Между тем, все сведения, которые доходили до нас из Константинополя говорили за то, что турки готовы были отступить и уже Константинополь эвакуировался. В турецкой столице была большая тревога и почти не оставалось надежды на то, что союзники не форсируют пролив. Позднее выяснилось, что эти сведения были совершенно правильны и продержись союзники еще три дня, Константинополь был бы взят. Неудача союзников произвела на всех тяжелое впечатление - надежда ускорить конец войны не оправдалась. Война принимала затяжной характер и делалась ожесточенной.

В июне Черноморский флот обогатился первым дредноутом "Императрица Мария", который закончив свою постройку в Николаеве, должен был прийти в Севастополь. Перед его выходом в море, "Крабу" было приказано, принять полный запас мин заграждения и поставить их в Босфоре, чтобы обеспечить ему свободный переход в море. Это было необходимо, что "Императрица Мария", еще не успела закончить свои артиллерийские испытания. Так долгожданный день для нас наступил. Ранним утром 26 июня "Краб" плавно отошел от пристани, имея на борту кроме своего кадрового состава, начальника бригады и еще двух офицеров. Заградитель был прямо таки переполнен народом. Его внутренние помещения были так малы, что всем нам пришлось, как сельдям в бочке. Одновременно с нами для выслеживания противника вышли подводные лодки "Морж" и "Гюлень". Пройдя сетевые заграждения Северного рейда, мы пустили свои "Кертинги" (керосиновые моторы), которые всегда в начале пуска выпускали из трубы клубы черного дыма со страшным шумом, похожим на выстрелы. К счастью это продолжалось минуту, две, после чего моторы начали работать, как часы. Это явление всегда было поводом к ироническим замечаниям и насмешкам офицеров с остальных лодок. Так и на этот раз с "Гюлень" и "Моржа" на нас посматривали с улыбками. Но... "Краб" дал свои 14 узлов и мы быстро оставили позади себя насмешников, показывая им кончик... Во флоте всегда существовала манера, если кто либо обгонял другого на шлюпке под парусами, то обгоняя показывал своему сопернику веревку, что означало: "хочешь я тебя возьму на буксир", делалось это

конечно шутя, но часто приводило в бешенство отстающего. И так, мы понеслись вперед... За кормой у нас колыбался трехцветный национальный флаг (заградитель еще не был сдан в казну и кроме того, выходя из Севастополя, это было сделано нарочно с целью показать, что "Краб" идет на обычные испытания). В полдень командир приказал вызвать всю команду и офицеров наверх по случаю поднятия военного флага. - "Смирррно... На флаг! Флаг поднять!", - следовали одна за другой команды старшего офицера и на кормовом флагштоке медленно, согласно традиции поднялся Андреевский флаг. Море было, как зеркало. Кругом тишина и ясный, ясный горизонт. Солнце пекло так, что по палубе было горячо ходить. В этой безграничной тишине, казалось, что равномерный стук наших моторов слышен далеко, далеко...

Мы испробовали и свою маленькую 37 мм пушку и пулемет - на всякий случай. Первые германские гидропланы уже появились и нужно было рассчитывать на встречу с ними. По расчетам, заградитель должен был подойти часам к 16, к Босфору на расстояние 15 миль. Утром, на следующий день мы подошли к назначенному рандеву с другими лодками, для окончательного уговора относительно действий.

Вот с мостика, я увидел на горизонте сначала какой-то маленький предмет, скорее точку, которая через несколько минут обратилась во что-то бесформенное, изуродованное рефракцией. Еще несколько минут и знакомая рубка "Моржа" ясно выделилась на поверхности моря.

Оглянулся направо. Другая такая же точка догоняла нас - это был "Гюлень". С застопоренными машинами "Краб" ожидал своих боевых сотоварищей. Как вчера, море совершенно спокойно. Босфор далеко... На просьбы офицеров покупаться, начальник бригады, после некоторых колебаний разрешает. - "Команде купаться...". Громко раздается команда на всех трех лодках и в мгновение ока десятки людей бухаются в воду, с мостика, палубы, перископов. В это время сигнальщики не сводят глаз с горизонта и неба, чтобы не быть застигнутым врасплох атакой лодки или гидро. Но вот проходит полчаса. Отдаются последние приказания и лодки снова расходятся в разные стороны. - "Ни пуха, ни пера!", - кричат нам и махают шапками. - "Желаем удачи! До свидания...". Опять несколько выстрелов и клубы дыма из нашей трубы и "Краб" помчался вперед.

Через несколько часов полного хода открылись Анатолийские берега. Вот они все яснее и отчетливее. К общему удовольствию задул ветер и через несколько минут море совершенно изменило свой вид. Белые гребешки волн покрыли его поверхность. Это очень на руку нам. Погружаться еще рано и нужно, чтобы нас не видели. Скоро можно уже различить характерные очертания пролива и Босфорские маяки. Командир определяет точно свое место, еще немного, одна миля и нужно погружаться. Солнце сзади нас и слепит глаза, это лишний шанс к тому, что нас не увидят с берега. - "Стоп машины...". "Краб" сразу останавливается. Несколько минут перед погружением можно подышать свежим воздухом и покурить. Почти весь состав выходит наверх использовать этот момент перед нами красивая панорама турецкого берега. Мы к северу от пролива, между предполагаемыми полями неприятельских минных заграждений. Они есть и в проливе. Нам нужно войти в пролив и поставить мины там, где обычно проходят корабли нашего врага. Обстановка такова, что шансов на благополучное возвращение меньше, чем за неудачу, особенно с "Крабом", этой коробкой сюрпризов. Все это прекрасно понимают, но уже давно привыкли к этой мысли, так что она никого не пугает. Все бодрятся и скрывают свои чувства. На лицах улыбки, то там, то сям слышны шутки команды. Она держит себя прекрасно. Начальник бригады, командир, штурман беседуют между собой на мостике.

Старший офицер лейтенант К., инженер-механик мичман И. и я стоим недалеко, на надстройке, около рубки. - "Ну, Миша, смотри не подгадь, у себя там, в корме", - говорит шутливо К., обращаясь к мичману И. - "Ну вот, будь покоен, все сделаю, как следует", - отвечает И. - "Думаю, все таки, что тяжело нам будет от проклятых керосиновых паров. Ну, вынесем, ничего". - "Передавай мне приказания погромче", - говорю я К. - "Ты знаешь, как громко шумит элеватор мин, когда работает. В остальном будь покоен".

- "Приготовиться к погружению", - раздается команда с мостика. - "Люки задрать!" Все стремглав бросаются вниз. Смолкают вентиляторы, которые нагнетали свежий воздух внутрь лодки и наступает тишина. Слышно, как снаружи волны ударяют в корпус и в минной надстройке перекачивается вода. Все молчат, изредка шепотом перебрасываются отдельными словами. - "Заполнить среднюю и главную цистерны...". Вода с шумом врывается по трубам в цистерны, выбрасывая со свистом воздух. Я стою у переговорной трубы и жду приказаний. - "Заполняй носовую балластную и диффернтную...". Отдаю приказания. Маневр выполняется быстро и отчетливо. Несколько времени за шумом воды, вливающейся в цистерны и вырывающегося воздуха не слышно ничего. По характерному вздрагиванию корпуса я вижу, что мы дали ход. - "Погружайся", - передает командир носовому горизонтальному рулевому. Боцман Токарев, старый, опытный рулевой переключает рули. Я смотрю на глубомер. "Краб" погружается... - "На 70 фут", - слышен голос командира в переговорную трубу. Несколько секунд и глубомер показывает 70. - "Быстро 150 фут", - доносится приказание. Лодка резко нырнула вниз. - "Держать 70 фут". - "Есть 70 фут". Еще несколько раз, для уверенности меняли глубину. Периодически, через 15 минут показываем перископ, чтобы осмотреться и определить свое место. Нужна особенная точность. В проливе большое течение, причем на поверхности одно, а под водой другое. Мы идем со скоростью 4-5 узлов. Временами приходится откачивать воду из трюма, т.к. корма заметно садится. Проходит, около двух часов подводного хода. Все благополучно и пока никаких сюрпризов. Но становится жарко и люди начинают снимать с себя постепенно одежду. Давление внутри лодки сильно повышается и стрелка барометра быстро идет к верху. Вот она уже на 780 мм. Особенно жарко и плохо от керосиновых паров в корме. Я отчетливо слышу разговоры оттуда, сидя у переговорной трубы. Там становится трудно дышать и керосиновые пары едят глаза. Их едкость, я уже начинаю чувствовать и у себя в носу. Временами из кормы прибегают на несколько минут отдышаться к нам в нос, где воздух чище. В корме уже все разделась догола от жары. Они приходят к нам окунуть голову в ведро с водой и обтереться. Из глаз от керосиновых паров беспрестанно текут слезы, которые мешают видеть. Я хочу пойти подменить мичмана И. Придя в корму, я через 2 минуты почувствовал всю тяжесть положения там. Воздух буквально насыщен керосином и дышать нечем. Голые, покрытые потом с льющимися из глаз слезами, люди стоят на своих местах. Кругом тихо и слышен только характерный звук работающих электромоторов. Еще нужно идти по крайней мере час до того места, где должно поставить мины. У меня закрадываются сомнения в том, что смогут ли люди в корме вынести столько времени. Всплыть и провентилировать лодку нельзя - мы слишком близко от берега и по нам могут открыть огонь береговые батареи. Я прошу разрешение командира подняться в рубку и взглянуть в перископ. - "Всплывай, 18 фут", - приказывает командир. С жадностью прилипаю к окуляру перископа и обвожу кругом горизонт. Ясно и совсем близко видны берега пролива. Заходящее солнце ярко освещает его. Так отчетливо видны маяки, дома... Совсем мирная чарующая картина. Вихрем проносятся в голове воспоминания недавнего прошлого и весело проведенного

времени на берегах Босфора и Золотого Рога... - "Погружайся! Сто фут". - "Что-то вроде гидро", - говорит командир начальнику бригады. Мы быстро погружаемся. Я смотрю на карту и вижу, что мы уже вошли в зону опасную из-за мин. - "Вот", думаю, удовольствие из средних, - "внизу мины и над головой бомбы". Становится немного жутко. Впрочем, о чем беспокоится. Ведь один момент и не моргнешь глазом, как очутишься в лучшем мире. И в душе наступает какое-то поразительное спокойствие, даже веселость. В этот момент по борту "Краба", на глубине 70 фут, что-то проползло, царапая... Что это? Все переглянулись между собой, поняли друг друга, но ни слова не сказали. "Не иначе, как минреп (стальная веревка за которую держится мина)", подумал я. Жуткие, незабываемые мгновения. Вот странный и страшный звук приближается к корме. Заденет за кормовые рули и винты, или нет. Вот мысль у всех. Если да, то конец... Но царапанье прекратилось. Глубокий вздох облегчения вырвался у многих. Но не успели еще отделаться от только что пережитого впечатления, как...

- "Минные аппараты заполнить", - получаю приказание из рубки. - "Есть минные аппараты заполнить", - отвечаю я и приказываю открыть крышки минных аппаратов.

- "Право руля. Держать 20 фут", - следуют одно за другим приказания. Из разговоров в боевой рубке, между командиром и начальником бригады, я понял, что в проливе стоит сторожевое турецкое судно. Сначала хотели его утопить миной, но потом командир решил сначала поставить мины и возвращаясь его утопить. Первое было гораздо важнее и кроме того нужно было поставить мины так, чтобы не быть замеченными. С чувством разочарования, я закрыл снова крышки минных аппаратов и бросился в рубку посмотреть в перископ. Перед моими глазами совсем близко корпус неприятельского корабля. Как жаль ведь это совсем верный выстрел. Солнце зашло, но еще достаточно светло и можно хорошо рассмотреть берега. Враг не видит нас и на его палубе полное спокойствие. "Краб" проходил под его днищем на глубине 70 фут. Пусть... Сейчас не удалось, но мрак ночи не спасет его от верного выстрела.

Еще полчаса хода и мы дойдем до того места, где должно поставить мины. Минуты проходят медленно и томительно. Наконец... - "Приготовиться к постановке минного заграждения"... - "Открыть кормовые амбразуры"... (двери, через которые проходят мины из надстройки). Из кормы доносится шум работающего электромотора и привода амбразур. Стрелка указателя показывает, что амбразуры открыты и все готово к тому, чтобы ставить мины. "Краб" ложиться на нужный курс и через несколько секунд, я получаю приказание ставить мины. Долгожданный момент. Измученные и наполовину потерявшие сознание люди, от ужасной атмосферы в лодке в продолжении долгого подводного хода, сразу как-то ожили. Но я видел и чувствовал, что это последние усилия. Еще час подводного хода и никто бы не выдержал. - "Начать постановку мин". Я пускаю сам минный элеватор и с беспокойством смотрю на стрелку минного указателя, который показывает момент выхода мины. Лишь бы где ни будь, что ни будь не заело. Эта единственная мысль, которая сверлила мне мозг. Но все идет благополучно. Вот уже поставлены 62 мины, остается лишь две. Глубомер показывает 70 фут. Вдруг сильный удар в нос. Несколько ламп тухнут и в полумраке, особенно ярко вспыхивает пламя перегоревшего предохранителя, где-то в центральном посту. Второй, третий, четвертый удары по корпусу "Краба". Он кренится на правый борт, потом с большим дифферентом на нос идет на глубину. Глубомер показывает 120 фут. Лодка не слушается горизонтальных рулей и медленно погружается. Я не слышу нигде шума вливающейся внутрь лодки воды. Значит все благополучно и повреждения не страшны. Ясно, что мы наскочили под водой, на

глубине 70 фут на подводную скалу, которая на карте не обозначена. Мы так близко от берега. Но, что делать? Всплывать? Нас могут увидеть. Но всплыть нужно, уже 150 фут глубины. Несомненно, у нас повреждены горизонтальные носовые рули и вероятно минные аппараты. Свист сжатого воздуха и из средней цистерны выбрасывается вода. "Краб" остановился и медленно начал всплывать. Вот перископ уже вышел из воды, но в него ничего не видно. Наверху темно и лишь багровое зарево зашедшего солнца помогло различить в иллюминаторы боевой рубки берег и маяк совсем близко. -"Погружайся!" и мы снова уходим на глубину. Нас никто не мог увидеть, это наверняка. Я получаю приказание поставить свои две последние мины и приготовить минные аппараты. Нужно найти и атаковать сторожевое судно. Но... видимо судьбе это не было угодно. "Краб" ударился носовой частью о подводную скалу и крышки минных аппаратов видимо были повреждены, да к тому же в такую темную, непроглядную ночь трудно было найти врага. Да, ему повезло и он может радоваться.

Но вот нервное напряжение от постановки, от удара о скалу прошли и снова едкая душная атмосфера в лодке туманит голову и затрудняет дыхание. Из кормы, где всего ужаснее, уже принесли двух человек потерявших сознание. Еще немного и начнут сдавать самые крепкие. Воздуху, капельку свежего воздуха!...

Еще нужно пройти по крайней мере полчаса под водой, чтобы выйти из пролива и опасного места. Боже, как медленно тянутся минуты, как трудно дышать. Глаза распухли от слез и сквозь какой-то туман внутри лодки, я с трудом различаю предметы. Вокруг меня в изнеможении лежат тела. Из последних сил кондуктор К. поливает водой голову горизонтального рулевого. Он держится бодро и ведет лодку. Я бросаю несколько ободряющих слов, но чувствую сам, что через силу. - "Всплывай". , наконец-то. Еще мгновение и через открытый люк внутрь вливается широкая струя свежего, морского воздуха. Бегу наверх и с радостью глотаю морской воздух. Какое блаженство!

Снизу вынесли мичмана И. Он без перерыва пробыл в корме и упал в обморок, только в последний момент. Мы обливаем его водой и он скоро приходит в себя. Через несколько минут "Краб" понесся полным ходом на север. Впереди нас море, покрытое белыми зайчиками и небо усеянное мирриадами звезд, с ярко блистающей Полярис. Это она, всегда для нас приветливая и теплая, вела нас туда, на север, домой...

На утро мы были далеко от пролива. "Императрица Мария" ждет нашего радио о постановке заграждения. Оно послано. Я, кажется никогда в жизни не забуду этого дня в море, который мы провели возвращаясь из Босфора. В этот день была пережита и радость боевого успеха, чувство удовлетворения за долгие труды и надежды, надежды без конца...

Ранним утром следующего дня, перед нашими глазами во всей своей оригинальности и красоте, открылись берега Крыма с характерной вершиной Ай-Петри. На горизонте, в стороне Севастополя показались дымки. Мы быстро сближались и вскоре увидели всю Черноморскую эскадру, вышедшую на встречу "Императрицы Марии", первого дредноута. На флагманском корабле "Евстафий" взвивается сигнал с нашими позывными: "Благодарю за исполненное поручение". Это производит на всех приятное впечатление. Все довольны и радостны. Остается только пожелать, чтобы наш труд и переживания не остались бесплодными. Особенно страстно желал этого я и кондуктор К., т.к. приготовление и постановка было делом наших рук.

Но вот мы приходим к нашей базе в Южной бухте. Все офицеры и матросы вышли нас встречать, нетерпеливые от расспросов и новостей. Ни "Морж", ни "Гюлень" еще не вернулись и, конечно не знали о том, что мы

благополучно пришли и "коробка с сюрпризами" выполнила свое дело. Теперь наступила наша очередь разыгрывать мичманов и лейтенантов с других лодок. В этот момент, мы даже не завидовали комфорту и надежности больших лодок, будучи заполненными своими переживаниями.

Через два дня, после нашего возвращения, развернув номер "Крымского вестника", я с бьющимся сердцем прочел следующее: "Нам сообщают, что турецкий крейсер "Бреслау" получил минную пробоину. Дальнейшая судьба его неизвестна". Не теряя ни секунды, я помчался к командиру, первым сообщить приятную новость. К вечеру вернулись с моря "Морж" и "Тюлень", они еще ничего не знали и поэтому мы их опарашили своей новостью. Бесконечно веселый и шутник Л.Ш. не нашелся ничего сказать, на подвиги "коробки с сюрпризами" и слушал, как и все остальные, рассказы о наших похождениях.

Нечего и говорить о том, что этот вечер в кают-компании был весел и обилен.

Через некоторое время, секретные сведения от наших агентов сообщали, что действительно "Бреслау" подорвался на mine, выходя из Босфора. Я окончательно и бесповоротно чувствовал себя героем дня. Да, впрочем не только я, но и все остальные "крабовцы", особенно после того, как командующий флотом передал командиру телеграмму главнокомандующего всеми вооруженными силами России, великого князя Николая Николаевича. Она гласила следующее:

"Севастополь, наморси.

Секретно и не объявлять во всеобщее
сведение.

Выражаю свое удовольствие по поводу первых, удачных действий в тяжелой обстановке, корабля самобытного, русского типа и благодарю капитана К. и старлейта Ф. за проявленное мужество и распорядительность.

Генерал-Адъютанат Николай"

№ 253

Прошло, около месяца и я неожиданно для себя, в одно прекрасное утро получил приказ о производстве меня в лейтенанты, за боевые отличия. Инженер-механик мичман И. также был произведен в лейтенанты. Командир и старший офицер получили награды позднее.

Но я был растерян совершенно, когда вскоре после этого, получил приказ о том, что государь император награждает меня подарком, золотым портсигаром с императорским гербом.

Оказалось, что командующий флотом, после того, как постройка и главные испытания "Краба" были закончены, еще задолго до нашего выхода в море на постановку мин, счел необходимым ходатайствовать о награждении офицеров и команды заградителя за их усилия по достройке "Краба". Я имел уже боевой орден и выше, чем у остальных офицеров, почему мне и был пожалован подарок.

Все это свалилось на нас, как-то разом и неожиданно и поэтому мы все, "крабовцы" были в течении нескольких дней, как бы первыми в подводной бригаде.

Несмотря на награды и развлечения, мы продолжали свою упорную работу по усовершенствованию заградителя, который должен был быть всегда готовым к новым операциям. Но только скоро наш состав офицеров переменялся, т.к. командир, старший офицер и механик получили другие места. На "Краб" был назначен старший лейтенант П., безусловно самый лучший из офицеров, командиров бригады и чудный человек. Он предназначался на "Краб" заранее и

ходил с нами в первый поход. Я остался у него старшим офицером. Первый удачный выход "Краба" обнадежил начальство в том смысле, что он может быть использован, как простая подводная лодка и нести службу в море наравне с остальными подводными лодками. Но командир указал на невозможность этого ввиду ненадежности "Краба", благодаря его конструктивным недостаткам. Начальство согласилось и мы посылались, только в исключительных случаях, очень редких, для постановки минного заграждения. В то время пока заградитель бездействовал, меня за недостатком офицеров, назначали в походы на другие лодки и я имел возможность основательно познакомиться с продолжительной крейсерской службой в море. Как хорошо было плавать на больших, комфортабельных лодках, где было достаточно места и воздуха. Летом это плавание было скорее удовольствием, чем нудная и однообразная жизнь в течении 2-3 недель в стальной коробке. Но зато зимой, это было, как мы называли удовольствием из средних.

Сегодня неделя, как мы бродим на "Морже", около Босфора и мыса Баба. Четыре дня тому назад, нордовый шторм, с которым "Морж" вышел из Севастополя перестал дуть. Трое суток нельзя было высунуть носа наверх и вдоволь подышать свежим воздухом. Низко несущиеся черно-дымчатые облака поливали беспрестанно дождем и градом и короткая, черноморская волна грузно обрушивалась на палубу лодки. Она с такой силой била по носовым горизонтальным рулям, что бедный "Морж" трясся, как в лихорадке. Каждый раз, как находил "девятый вал" и грузно обрушивался на палубу и мостик лодки, мы вопросительно взглядывали друг на друга и спрашивали, целы ли наши рули? Но, надо сказать правду, русские подводные лодки, может не очень ладно скроены, но зато крепко спшиты и поэтому можно было без особой тревоги слушать эти глухие удары волн. Внезапно нордовый шторм стих, но задул ост, почти такой же силы. Барометр поднялся кверху - это значит жди свежей, устойчивой погоды, почти шторма. Так оно и есть. Вот уже восьмые сутки, как мы шлепаем одним дизелем, по очереди, на ост и вост, ожидая приличной погоды. Вся свежая провизия окончена. Мы утром, днем и вечером едим "тело бригадира" (консервы), которые начинают сильно надоедать. На десятые сутки все анекдоты рассказаны и воспоминания исчерпаны. Начинает становиться тоскливо. Ни поспать, ни поесть, ни поиграть в трик-трак спокойно. "Морж" качается 10 дней. Когда же конец. Слава Богу, что хоть выглянуло солнце и можно высунуть нос наверх. Все скучнеют. Вахта, сон, консервы и так далее... без конца. Мы должны остаться в море еще неделю, неужели этот проклятый ост не перестанет дуть. Ну, вот, Слава Богу, на четырнадцатые сутки, в ночь он стих. Исчезли белые гребешки и волна стала пологой и спокойной. С восходом солнца можно открыть люки, хорошо проветрить лодку и просушить койки, одежду и пр. В синей, прозрачной дымке виднеются Зунгулдакские горы. Может быть нам посчастливится и мы сможем вознаградить себя за долгое бесполезное мыкание по морю. До берега еще далеко и можно под дизелями подойти к нему. Через три часа мы довольно близко. Нужно погружаться и идти к порту, выслеживать добычу. Около полудня, в перископ ясно видны за молом два парохода, которые грузят уголь. Они спешат закончить погрузку и с темнотой выйти в море. Может быть там за ними есть и конвоир, какой ни будь миноносец или канонерка. Командир потирает руки от удовольствия. Все, как-то ожили. "Морж" изредка показывает перископ, бродит под водой, выжидая добычу. Легонькая морская зыбь скрывает предательский след от окуляра нашего перископа, от турок. Полуденное солнце светит ярко. В перископ хорошо видно все постройки и даже людей. Нас не видят, иначе германские гидропланы, которые тут есть атаковали бы лодку. От нетерпеливого

ожидания часы текут долго и страшно медленно. Но трик-трак и чаепитие с разговорами, "тело бригадира" под разными приправами, помогают скоротать время. Вечер приближается... За молотом видимо торопятся закончить погрузку угольных транспортов. Но вот солнце зашло и темные сумерки быстро спускаются. "Морж" подкрался поближе. В перископ еще можно различить, как первый транспорт начал выбирать якорь. Вот его нос показался из-за мола. Из трубы повалил черный дым... - "Лево руля... Держать 18 фут...". Защелкали электрические приводы рулей. "Морж" на позиции. - "Товсь! Правая носовая... Пли!...". С шумом, из правого носового аппарата вырывается мина. Корпус лодки вздрагивает. Через несколько секунд далеко, далеко слышен отдаленный гул. Это взорвалась мина. Она попала в самую середину транспорта. Командир в перископ видит пламя огня и белый, огромный столб воды.

Еще несколько минут подводного хода и мы всплываем в надежде встретить второй транспорт. Но он еще не успел сняться и выйти, как увидел своего товарища погружающимся в воду. Подходим ближе. Темная ночь мешает различить, что либо. Вероятно он подождет немного и потом в темноте, проскочит под берегом. Его поймать невозможно.

Ночью передаем по радио "Нерпе", которая придет нам на смену и будет у мыса Керемпа, о возможной встрече. "Нерпа" отвечает и мы спокойно поворачиваем на север. На следующий день утром, на горизонте несколько дымков. Они быстро двигаются, меняют направление, сближаются и удаляются. Вот показались мачты и трубы, видны вспышки дымков. Один корабль идет по направлению к нам. Погружаемся, идем полным ходом на него. Свой или враг. Наконец ясно различаем "Бреслау", даем самый полный ход и собираемся атаковать. Но еще далеко. Слева видны мачты, по видимому это наши миноносцы. Еще нужно по крайней мере 10 минут пройти, чтобы атаковать. Вдруг "Бреслау" круто поворачивает и в мгновение ока скрывается из виду. Из его орудий видно пламя и дым. Командир досадует. Ведь осталось пройти всего несколько минут. Какая неудача! Всплываем и идем своим парадным ходом - 10 узлов в надежде как ни будь снова встретиться. Но дымы скрылись за горизонтом. Какая редкая встреча и так не повезти! Досадно, досадно, досадно... Все разочарованы и огорчены. Даже приветливый вид Севастополя, после 18-ти дневного плавания, нам не веселит душу. Так обидно!

Мы жаловались на неудачу, но зато вернувшаяся после нас "Нерпа" могла искренне порадоваться за свою удачу. Действительно это был случай исключительный и невероятный. Ей досталась, как и нам неважная погода. В пасмурный и дождливый день, она крейсировала, около Босфора над водой. Волна была большая и трудно было что либо заметить. Вдруг вахтенный начальник заметил след идущей мины. Не теряя ни секунды, он положил руля влево, в расчете увернуться от удара и стал погружаться. В момент, когда "Нерпа" успела уже повернуть, мина ударила в корму, но под очень острым углом и ее носовая часть отвалилась. Но мостик в последний момент перед погружением видели кормовую часть мины, выскочившею из воды.

Не трудно себе представить чувство командира германской подводной лодки, когда он увидел свой верный удар, отклоненный рукой Провидения. Когда я увидел в доке огромную вмятину в корпусе "Нерпы", то у меня остались сомнения в достоверности этого счастливого случая. Не иначе, как Никола Угодник был на нашей стороне, шутили мы все по этому поводу. Немного времени спустя, он уже помог нам дважды выскочить из неприятного положения на той же "Нерпе". Ночью, ближе к рассвету, "Нерпа" подошла к неприятельскому берегу, в долине реки Сакарня. Вахтенный начальник по оплошности пропустил момент поворота.

Море было тихо и лишь мертвая зыбь покачивала лодку. Вдруг мы все проснулись от сильных ударов, от которых сотрясался корпус. Выскочили наверх. При первом ударе машины были конечно застопорены, но накатывающаяся мертвая зыбь, с каждой волной подбрасывала лодку к берегу. Заполнили все цистерны с надеждой придавить песок и развернуться носом в море. Проходят тревожные минуты. Удастся или нет. До рассвета недалеко. Мы под самым носом врага. Машины работают полной мощностью. Никакого эффекта. Что делать?

Надо обдумать план защиты и в случае неудачи, взрыва лодки. Несколько раз всплываем и погружаемся, чтобы как н будь расшевелить лодку и выбраться из опасного положения. Несмотря на наши усилия, зыбь с моря все ближе и ближе подбрасывает нас к берегу. К счастью "Нерпа" попала в яму и послушалась руля. Ее нос медленно пошел вправо. Ура! Мы спасены! Загудели дизеля, электромоторы и лодка, как взбесившаяся лошадь перескакивает через песчаную банку. Рассвело совсем и перед нашими глазами развернулась панорама берега. Пусть стреляют, теперь уже не страшно и мы быстро скрываемся в предутренней мгле. Дни идут за днями в погоне и уничтожении парусников. Уничтожаем их десятками, ни военных судов, ни транспортов не видно. Мы давно уже питаемся "телом бригадира", оно надоело до бесконечности. Нужно достать провизию. Вот кстати и целый караван турецких фелюг, они идут под самым берегом. Чтобы их не испугать погружаемся и идем в погоню. Ветра почти нет и их паруса беспомощно болтаются. Выбираем самую большую и богатую фелюгу и под водой подходим к ней. Нужно было посмотреть на физиономии турок, когда у самого их борта, как нимфа из воды выскакивает подводное чудовище. На палубе парусника переполох. Бросаются к матам, спускают паруса и шлюпку для бегства на берег. Но в момент из люка лодки выскакивает несколько человек с карабинами. Наша цель забрать кур, яйца и утопить парусник. Люди нам не нужны, если их забрать, то с собой нужно водить целый корабль. Но, Боже, какой сумбур творится кругом. Все остальные фелюги заматались, как сумасшедшие. Все стремятся к берегу, до которого рукой подать. Эта картина неопишуемого страха, растерянности, стремительного бегства так комична, что никто не может удержаться от смеха. Вдруг выстрел с берега. Сзади нас падает снаряд в воду. Второй, третий четвертый, пятый, но все сзади и очень близко. "Нерпа" совсем у берега, еще нужно развернуться носом в море, чтобы погрузиться. Вот, думаем влопались. Но снаряды все падают сзади. Оказалось орудия были высоко на горе, а мы так близко к берегу и внизу, что снаряды нас не могли достать... Быстро разворачиваемся и погружаемся с хорошим ходом. Снаряды щелкают вокруг и мы слышим их разрывы на глубине. Так, еще раз за этот поход Никола Угодник нас выручил, но в назидание оставил без кур. Да, хорошо все, что хорошо кончается.

Как я говорил выше, посылка "Краба" бывала только в исключительных случаях, и так как командующий флотом, адмирал Э. не злоупотреблял постановкой мин в неприятельских водах, чтобы не стеснять плавания своих судов, то мы и пребывали больше в покое, изредка выполняя поручения военного характера. Нас берегли на случай. С переменой командования, т.е. с назначением командующим Черноморским флотом вице-адмирала Колчака, характер военных действий изменился. Адмирал Колчак обнаружил свой талант военачальника при обороне Рижского залива и отражении атак германского флота. Это был талантливый, энергичный и деятельный адмирал. Видя возможность поймать быстроходные германские крейсера, которые в крайне редких встречах с нашими судами, старались избежать боя, пользуясь своим ходом, адмирал решил заблокировать их в проливе и стеречь там. Особенно после того, как "Гебен" встретился с "Императрицей Марией" и потом с "Императрицей Екатериной 2-й",

нечего было рассчитывать на то, что германские крейсера будут появляться часто в море. Кроме того, ряд предполагаемых десантных операций, особенно после объявления войны Болгарией, требовали очистить море, почему и были предприняты адмиралом постановки минных заграждений в водах неприятеля, в самом широком масштабе. "Краб" снова был послан в пролив и благополучно поставил мины. За ним миноносцы ставили мины вокруг входа в Босфор, который оказался буквально завален минами. "Гебен" подорвался раза два, но не утонул, но несколько транспортов, канонерских лодок, миноносцев и подводных лодок погибли на наших минах. Германские крейсера совсем перестали появляться и море сделалось пустынным. Лишь германские подводные лодки изредка проявляли себя, потопив два госпитальных судна и несколько транспортов. Но на суше немцы развивали большой успех. Немцы, австрийцы и болгары наступали на Румынию. Румынская армия отступала и помощь наших войск оказалась безуспешной. Чтобы затруднить всякое сношение морем, между Турцией и Болгарией наши корабли беспрерывно находились в море, ловя пароходы и парусники, которые преимущественно ночью старались пройти под самым берегом. Нужно было заминировать Варну. Адмирал Колчак приказал "Крабу" выполнить это и поставить мины у самого входа в порт. Это было во второй половине августа 1916 года. Мы вышли в море после полудня. Оно было спокойно и погода обещала быть хорошей. "Краб" неся полным ходом на запад, неся на себе свой страшный груз. Багровый шар медленно уходил за горизонт и легкий ветер задул с юго-запада. Два, три буреветника кружились над нами. Они то взлетали высоко в воздух, то камнем падали вниз, своими крыльями касаясь гребня волн. Барометр стал быстро падать. Ветер начал крепчать и через несколько минут море сделалось седым. К полуночи наши старые, изношенные машины стали выходить из строя. Море ревело и "Краб" с трудом выребал под одной машиной, которая ежеминутно могла застопориться. Короткая и высокая волна бросала заградитель, как щепку. От резкой качки некоторые аккумуляторы стали покачиваться в своих гнездах. То там, то здесь вспыхивало маленькое пламя и резкий запах горящей резины наполнял лодку. Нужно было в эту ужасную качку вскрывать палубу и исправлять повреждения. Сколько проклятий срывалось в этот момент на бедный "Краб". Вдруг машина застопорилась, руль заклинился, испортилось управление и заградитель стал лагом (боротом) к волне. Не скрою, момент был страшный. "Девятый вал" положил "Краб" на бок. Я с ужасом слежу за кренометром. Вот стрелка его дошла до 55 градусов. Но ведь это же предел, молнией пронеслось в мозгу, мы сейчас перевернемся. Наверху тяжелый груз мин, "Краб" может не выпрямиться. Одну секунду и мне показалось, что сейчас начнут вываливаться аккумуляторы и нас всех ждет ужасная смерть. Несколько мгновений он пролежал на боку, потом медленно стал выправляться. У меня отлегло от сердца и в этот момент я убедился в хороших морских качествах "Краба", несмотря на все его остальные недостатки. Теоретически расчет был правильным и заградитель, как Ванька-встанька, мог быть повален совсем и все таки он выпрямится. Можно было после этого быть спокойным за то, что он не перевернется. Нечего было и думать о том, что машины можно было исправить в море, тем более, что многие из команды укачались и не могли работать. Под одной из четырех машин мы не могли прийти вовремя к месту постановки, поэтому командир решил повернуть в ближайший порт с целью исправить повреждения. Таким была Констанца, в союзной нам Румынии. Едва выребая против волны, мы с трудом поплелись туда и после полудня добрались до порта. После этого короткого, но неприятного перехода все нуждались в отдыхе. Повреждения в наших машинах требовали 2-3 дня ремонта и довольно серьезного. Кроме того обнаружили повреждения и по

другим частям. Словом "Краб" был похож на инвалида и не внушал никакого доверия к своим механизмам. Тем не менее командир получил приказание быть готовым в самый короткий срок. Первое впечатление от Констанцы было у меня, как впрочем и у всех остальных, очень хорошее. Небольшой, чистенький и красиво расположенный городок с очень благоустроенным портом. Нужно было найти помещение для команды и нас, около заградителя, так как на лодке жить невозможно. Для команды оказался совсем рядом хороший барак, а нам пришлось спать в отеле, совсем недалеко. На "Крабе" всегда оставалась часть команды и офицер, на случай необходимости и охраны. Утомленные от всех пережитых ощущений, мы заснули богатырским сном. По приходе в Констанцу нас предупредили о том, что ее часто посещают германские гидропланы. Ранним утром, на следующий день мы воочию убедились сами. Я еще спал, когда совсем недалеко от нашего отеля взорвалась бомба. Сорвавшись с койки я, как угорелый понесся на лодку. К счастью командир был там и уже погружался, чтобы скрыть присутствие подводной лодки в порту. Два гидро реяли высоко в воздухе и бросали бомбы в порт и нефтяные баки, которых было много у порта. Наделав много переполоха, но не причинив никаких повреждений, гидропланы улетели, сопровождаемые стрельбой из ружей нашей команды и румынских солдат. По обычаю принятым немцами, нужно было ждать их посещения еще и после полудня, поэтому мы решили использовать несколько часов и побродить по городу. Несмотря на хороший день, он был пустынен и имел вид покинутого. Впрочем это так и было. Все учреждения и жители его покинули, за исключением конечно известного количества населения или не желавшего или не могущего оставить город. Ночью Констанца погружалась во тьму и тишину, нарушаемую изредка выстрелами военных патрулей, которые запросто и без предупреждения стреляли в освещенные окна. Никто не имел права иметь свет в окнах, чтобы не привлечь внимания неприятеля. Кроме того, как нам сказали, город был полон шпионов и поэтому принимались всякие предосторожности.

После работы, поздно вечером, мы собирались в отеле, где с нами оказалось еще несколько офицеров, назначенных для несения специальной службы. В тот момент, когда мы пришли в Констанцу, русских почти никого не было, если не считать, как я сказал нескольких офицеров. Между ними был капитан 1 ранга Б., известный в нашем флоте лингвист. Он только, что вернулся с передовых линий в стороне Болгарии и порассказал нам много интересного относительно военных событий, но не слишком много утешительного. Румыния и в частности Констанца были под большой угрозой и нуждались в помощи. Немцы двигались безостановочно.

Все эти рассказы на нас производили, только минутное впечатление и не могли разрушить нашего оптимизма. Да и сам рассказчик передавал все совсем не трагически, а скорее с юмором. С военной темы скоро перешли на разговоры вообще и тут Б. рассказал много интересного из своей службы. Благодаря прекрасному знанию языков и несомненно способностей, ему пришлось быть тайным морским агентом, еще до войны в Турции, а потом в Германии. Его рассказы были прямо таки захватывающими. Особенно много ему пришлось пережить в Германии. Перед самой войной, он был послан туда с целью получить сведения необходимые морскому министерству. Конечно, как водится в подобных случаях, всякое правительство откажется от своего шпиона, если он попадется и не признает его за того, кто он есть. Это вполне естественно и понятно. С момента получения инструкции от своего правительства, он является иксом для всех и действовал на свой риск. Так было и с Б.

В одно прекрасное утро, он вышел из морского министерства в штатском платье и отправился на Варшавский вокзал с целью ехать в Берлин. Все шло хорошо и он благополучно вышел из поезда на Берлинском вокзале. Но не успел Б. сделать несколько шагов, как к нему подошел кто-то и предложил предъявить документы. Посмотрев их внимательно, он сказал: - "Нет, Вы не то лицо, которое обозначено здесь. Вы, морской офицер", и назвал точно его фамилию и чин. Затем вынул из кармана фотографическую карточку и показал ее ему. Она изображала Б. выходящим из морского министерства в Петрограде в день его отъезда. Конечно Б. был немедленно арестован и посажен в тюрьму. Несколько дней он сидел, зная, что его ждет. Ни на какую защиту, он рассчитывать не мог и готовился к своему концу. Прошло еще два, три дня в томительном ожидании. Наконец его вывели из камеры, посадили в закрытый экипаж и отвезли на вокзал, где под охраной жандармов и строгим надзоре посажен в поезд, в изолированное купе. Через несколько часов пути Б. был высажен на русской границе и оказался на свободе. Такое странное происшествие и чудесное избавление быстро разъяснилось. Оказалось, что одновременно в России был арестован немецкий шпион, которого ждала та же участь, как и Б. Их поменяли и все было кончено. Действительно, для этого нужно было родиться в сорочке, чтобы остаться целым в подобных обстоятельствах. Весь вечер до глубокой ночи, вернее рассвета, он рассказывал нам о своих приключениях за границей. Этот род военной службы, чрезвычайно интересен, но требует от человека особых способностей и выдержки. В нем, много таинственного и зачастую непонятного. У нас у всех был на памяти один таинственный случай, происшедший перед самой войной. Один наш морской офицер, занимавший очень высокое положение и в больших чинах, был командирован во Францию с секретным поручением, крайней важности, касающегося обеих стран. Этот офицер возвращался из Парижа, имея важные бумаги. С ним была его жена. Во время пути, ночью, его жена вышла из купе, и вернувшись, через некоторое время, она нашла своего мужа мертвым и все чемоданы вывороченными и страшный беспорядок в купе. Немедленно произведенные поиски не дали никаких результатов. Преступники скрылись без следа. Никаких вещей и денег взято не было, очевидно они искали, что-то другое и надо полагать, что их целью были документы. Но в этот момент, они находились при жене и остались целы. Все это произошло на ходу поезда и с невероятной быстротой. Так это таинственное происшествие и осталось не разъясненным.

Ранним утром, мы снова были разбужены взрывами бомб и стрельбой. Это опять незваные гости, с черными крестами на крыльях, посыпали нас сверху. Как они надоели нам. Их визиты становились слишком часты. К нашему общему удовольствию, к полудню в порт вошел наш гидрокрейсер с четырьмя гидро. Теперь все таки будет спокойнее и у нас есть защита. Почти одновременно, откуда-то прибыли два сухопутных аэроплана, так, что у нас появились значительные воздушные силы. Мы с большим удовольствием наблюдали за полетами наших летчиков. Особенно нравился нам маленький "бэбэ", который с места взвивался в воздух и проделывал всяческие эволюции. Немцы, очевидно получили от шпионов сведения о присутствии в Констанце аэропланов и перестали появляться. Одн раз, как-то в лунную ночь, появился один "шалый", сбросил несколько бомб за городом и исчез.

Между тем, мы более, менее, скорее менее, были готовы выйти в море, но командир получил приказание подождать миноносец, который должен был на буксире нас вести, чтобы не насиловать своих машин. В это же день пришел один з миноносцев типа "З". Но, его попытка взять нас на буксир не увенчалась успехом. Море было довольно бурным, миноносец был слаб и буксиры лопались.

Нужно было подождать прихода больших миноносцев. Надо сказать, что подходы к Констанце были заминированы, после объявления войны румынами. Но сделали они это неудачно, поставив мины у самого порта, так, что они были опаснее для своих, чем для врага. Кроме того, румынский офицер, который ставил мины сам же взорвался на них и точный план их расположения был неизвестен. Результат этой неточности не замедлил скоро сказаться. Утром на следующий день пришел ожидаемый нами "Беспокойный". Миноносец был всего в 3 кабельтовых от мола, на котором мы все стояли, как раздался взрыв и он начал тонуть. Ведь надо же было сообразить поставить мину под самым берегом! К счастью было так близко, что его успели ввести в порт, поставить на мелкое место и немедленно откачать воду. Вскоре он был исправлен и благополучно заплывал. Нам же прислали "Гневный", который и повел нас к берегам Болгарии. Мы вышли вечером, в темноте, с уелью скрыть наш выход от глаз шпионов.

"Гневный" тащил нас хорошим ходом. Я несколько раз выходил наверх проверить буксир. Все было хорошо, но только стальной буксир врезался в нашу надстройку, которая была из тонкого железа. Но это было так мало важно, что я не обращал внимания и не хотел, чтобы из-за этого стопорили ход. Море было спокойным и день обещал быть хорошим. Ранним утром, перед восходом солнца, я снова вышел наверх. Стальной конец сильно врезался нам в палубу у самого носа. Я доложил командиру об этом, с целью это исправить. Но, так как скоро "Гневный" должен был нас оставить, то было решено, что не стоит останавливаться. Солнце уже взошло и можно было различить отдаленный берег и маяк. Вдруг, совсем недалеко от нас, в воздухе был открыт гидроплан, который быстро приближался. Мы передали семафором, что отдаем буксир, но все наши попытки его отдать, были безуспешны. Он так сильно врезался, что никакими средствами, ни какими усилиями, мы не могли его отдать. Между тем миноносец дал полный ход и начал делать зигзаги, открыв огонь из орудий. Наконец, видя, что мы не можем отдать буксир, он отдал его у себя. Тяжеловесный, длинный, стальной буксир пошел на дно и мы остались на нем, как на якоре, не имея возможности ни погрузиться, ни дать хода. Гидроплан, заметив, что подводная лодка стоит без движения сделал вираж и пошел на нас. Я вижу отчетливо черные кресты на его крыльях и две головы наклонившиеся вниз. Он над нами, всего в 500-600 метрах. Его пулемет отчетливо щелкает и пули хлюпают в воду. Вот, совершенно ясно мы все видим, как бомба соскользнула и со свистом летит вниз. Все замерли. Страшный, никогда не могущий быть забытым момент. Она падает в воду в двух саженях от нас, разрывается и ее осколки летят в заградитель. Через несколько секунд, вторая бомба падает немного дальше и по другому борту. "Гневный", бешеным ходом кружится вокруг нас и непрерывно стреляет. Видимо это нервирует летчиков. Аппарат немного поднялся выше и снова поворачивает на нас. Мы защищаемся из ружей. Вот он снова пролетает над нами и бросает бомбу. Она хлюпнулась в воду и разорвалась в трех футах от борта. На этот раз он бросил только одну. Ну, подумал я, если третий раз, то наверняка попадет. Так и есть. Вот гидроплан поворачивает снова с намерением атаковать в третий раз. Он немного снижается. В этот момент шрапнель миноносца разрывается близко от него. Гидро, резко набирает высоту, но продолжает идти на нас. Через несколько секунд две бомбы, одна за другой падают по правому и две по левому борту, так близко, что трудно поверить, как мы остались целы. Этот момент был сфотографирован с "Гневно". Рассерженный неудачей, немец круто повернул к берегу и сопровождаемый стрельбой миноносца в несколько минут скрылся из вида. Мы все с радостью и в то же время с недоумением, как выскочили из этой грязной истории, обмениваемся впечатлениями.

Теперь прошло много времени и я искренне скажу, что ни у кого, за исключением двух, трех матросов не было страха. Но, что переживал каждый в тот момент, когда нас отделяла одна секунда от смерти, я не знаю. Вероятно то же, что и я. Я испытал известное чувство страха, когда увидели, что гидроплан направился на нас и мы были беззащитны. Но это чувство продолжалось несколько секунд. Потом, какое-то ледяное спокойствие и безразличие овладело мной, особенно когда я увидел бесполезность наших усилий освободиться от проклятого буксира. Я скрестил руки на груди и без всякого волнения ждал, когда упадет бомба. Как объяснить и как назвать это чувство, я не знаю. Знаю только, что на палубе "Краба" в этот момент не было никакой паники, а наоборот редкое спокойствие. Может быть у кого ни будь и щелкали челюсти, но никто этого не видел и не слышал. Итак первая атака прошла для нас благополучно, но я несколько не сомневался в том, что через некоторое время мы будем объектом второй. Без сомнения гидро даст знать, что в море неприятельский миноносец и подводная лодка и нас атакуют еще раз. Нужно было торопиться освободиться от стального буксира. С невероятными усилиями, через полчаса трудной работы, мы это сделали, передав конец на миноносец. Идти ставить мины было бессмысленно, так как мы были открыты, поэтому командир решил вернуться в Констанцу, с тем, чтобы ночью снова выйти и поставить мины.

Запустив свои машины, мы пошли в Констанцу. "Гневный" шел несколько впереди нас. Чтобы не пропустить и заблаговременно открыть в воздухе врага, на мостик были поставлены лучшие наблюдатели. Для того, чтобы погрузиться, нам нужно было времени без малого в десять раз больше, чем "Моржу" или "Кашалоту", которые менее чем в минуту могли быть на большой глубине. Нам же, после всей тренировки и приспособленности, нужно было минимум восемь минут.

Нам оставалось пройти до Констанцы, какие ни будь 2 мили, как все находившиеся наверху, заметили приближение гидропланов. Было, около полудня и солнце сильно слепило глаза. Нужно было погружаться, не теряя ни одной секунды. В последний момент, как я спускался вниз, одновременно приказывая заполнять цистерны, я видел три гидро, летевшие с разных сторон.

Мы не успели еще погрузиться совершенно, как нас атаковали. Первые бомбы упали довольно далеко, но их взрывы были слышны отчетливо внутри лодки. Следующие были совсем близки и впечатление от их взрывов было таково, что как будто бы по корпусу лодки бьют тяжелыми молотами. Отвратительные ощущения. Я насчитал тридцать бомб сброшенных на нас, но вероятно их было больше. По видимому и, как потом нам говорили с миноносца, было четыре гидро, которые атаковали бедный "Краб" с разных сторон. Я, да и вероятно никто, не испытывал ничего приятного в этот момент в стальной коробке, на глубине 40 футов. Было слишком много, в одно утро, получить несколько десятков бомб и ждать, что вот, вот и одна из них отправит нас всех на тот свет.

Через несколько минут мы всплыли. Кругом никого не было. Один гидроплан почему то сел на воду и шел по ней полным ходом. За ним гнался "Гневный". Но немцу посчастливилось взлететь. Он забрал высоту и скоро скрылся за горизонтом. Итак, счастливо отделавшись от свирепой атаки гидро, мы к полудню вошли в Констанцу.

После такой неудачи, нужно было немного переждать, перед тем, как идти снова в операцию. К тому же погода сильно засвежела и все равно надо было ждать. Дня через 3-4, на буксире того же "Гневногo", "Краб" вышел в море. На этот раз обстановка была более благоприятной. Погода с утра сделалась пасмурной, что было нам на руку. "Гневный" нас оставил, сговорившись предварительно о месте randevu. Мы сделали пробное погружение, затем оставив цистерны заполненными

настолько, чтобы над водой торчала только лишь верхняя палуба и рубка пошли малым ходом в Варну, с расчетом подойти к сумеркам. Впереди был целый день, томительный и полный напряжения для всех. Не приходилось говорить о том, что глаза вахтенных были устремлены наверх. Но море свежо и небо покрыто облаками. Шансы были на нашей стороне. Внизу было жарко и мы все, несмотря на утомление и желание заснуть, собрались на мостике подышать свежим воздухом и поболтать. День проходил в воспоминаниях прошлого, о стоянке в Констанце, о проклятых гидро и вообще обо всем. Миша К., который шел с нами в качестве штурмана умел повеселить. Особенно привел всех в хорошее расположение духа его юмористические рассказы о нашем пребывании в Румынии. Но, что нас действительно поразило там, так это румынские офицеры. Тех кого мы встречали в Констанце удивляли нас своим видом: они были накрашены и чуть ли не в корсетах.

Но вот вражеский берег приближается. Видны постройки и смутные очертания города. Стал накрапывать дождь и ветер свежеть. Нужно торопиться во время прийти к месту постановки, чтобы в последний момент определиться по береговым предметам. Но ясно, что мы запаздываем. Командир решает, как и в прошлый раз у Босфора, чтобы поспеть, идти напрямик под болгарскими минными заграждениями. Об этом, кроме командира знает штурман и я. Остальные никто, да это и лучше. Зачем подвергать лишним испытаниям человеческие нервы. Мы погрузились и изредка показывая перископ пошли на глубине 50-60 фут. Опять, как и в прошлый раз, странное и страшное шуршание по борту, раза два... Снова те же жуткие ощущения. Наверху сумерки. Идет дождь. "Краб", как тать крадетя между берегом и линией заграждений. И то и другое так близко... Но вот скоро из-за мыса откроется порт, около которого нужно поставить мины. Скорее бы... Наконец последнее определение сделано. "Краб" поворачивает вправо под водой и на циркуляции ставит мины, дугой у входа в порт. Все идет хорошо. Вдруг, что-то кракнуло в надстройке, мотор элеватора мин остановился, но потом снова пошел. Я чувствую, что что-то неладно, но в чем дело не понимаю. Указатель показывает, что мины выходят правильно.

Постановка закончена, мы продолжаем еще идти под водой, потом всплываем. Погода скверная, хлещет и ревет ветер. Достанется нам в море... Но, что это, при всплытии заградитель оказался с креном налево. Ясно, что часть мин с левого борта остались. Вероятно срезало вал, это и был странный звук в надстройке. Но делать нечего, все равно сейчас никакие исправления невозможны, выравниваем крен и идем. Совершенно темная ночь, что называется ни зги не видно. Справа, совсем рядом темная масса болгарского берега, слева минное заграждение. Нужно пройти еще десять миль, чтобы вырваться из этой западни. Все напряжены до крайности. Но опасность заставляет забыть об усталости и мы все внимательно всматриваемся во мглу... Наконец, слава Богу, мы вышли в чистое море. Неприветливое, оно встречает нас, но в нем куда лучше, чем в той западне, из которой мы только, что благополучно выбрались.

Утром, в условленном месте встречаем миноносец, который пытается взять нас на буксир. Но море бурно и ничего из наших попыток не выходит. Мы идем самостоятельно. Наш курс на север, вдоль румынского берега, в надежде севернее встретить лучшую погоду. На берегу видны пожары. К вечеру мы подходим на траверз (напротив) Констанцы, около которой также зарево пожаров и огромные клубы черного дыма. Погода заметно стихает. Мы встречаем один из наших миноносцев, который сообщает, что немцы наступают на Констанцу и что она эвакуируется и что нам приказано следовать прямо в Севастополь. Поворачиваем и полным ходом уходим. Утро следующего дня очаровательно. Море, как зеркало.

Можно влезть в надстройку и посмотреть, какое у нас повреждение. Оказывается одна мина в середине, каким-то непонятным образом соскочила с рельс и заклинилась и целый ряд мин остался внутри. Но хуже всего то, что очевидно часовой механизм отработал, так как мина была наклонившись и значит она была в опасном положении. Вот так история. И может быть она соскочила в первый шторм, когда мы еще шли в Варну и следовательно путешествовали с ней две недели и вынесли все атаки гидропланов, будучи сами на вулкане.

Невероятно!... Поразительно!... Да, что же, может быть нас действительно хранил Никола Угодник!

Придя в Севастополь, со всеми предосторожностями вынимаем мину и наши предположения оправдываются - она была все время в опасном положении. Нет, нельзя больше испытывать судьбу. Это последний поход "Краба" и его решают полностью переделать. Так нельзя дальше плавать и заградитель ставят в долгий ремонт. Меня назначают на "Капалот". Прощай "Краб"... Прощай "коробка с сюрпризами"... Ты мне дала много ощущений и много опыта, но искренне не хочу снова плавать на тебе, даже и переделанном.

Новость о назначении меня на "Капалот" не слишком обрадовала меня и вот почему. Командиром "Капалота", совершенно новой, только, что выстроенной лодки был назначен старший лейтенант С. Чрезвычайно симпатичный и милый человек. Но дело в том, что он, как и несколько других офицеров, уже в чинах, прошел краткий командирский класс и являлся совсем новичком в подводном деле. Таким образом, я назначался к нему старшим офицером для того, чтобы его, как бы подучить, что и было прямо сказано мне начальником бригады. Не знаю почему, мне это не понравилось и я решил, что не останусь на "Капалоте" долго. Тем более, что купленные правительством в Америке лодки типа АГ, в 350 тонн, прибыли и уже собирались в Николаеве. В Черном море этих лодок должно было быть шесть и я рассчитывал получить в командование АГ-25. Так как "Капалот" был точной копией АГ, только вдвое больше, я решил остаться и попутно изучить этот тип подводных лодок, с тем, чтобы придя на маленькую АГ, овладеть ею вполне. На "Капалоте" нам пришлось сделать очень мало походов. Первый поход мы сделали у своих берегов, с целью освоиться и были посланы в охрану крымского берега. Выйдя из Севастополя в море, мы получили радио от "Тюленя", в котором он сообщал, что имел бой с турецким военным транспортом, под командованием германских офицеров и взял его в плен. Этот бой был единственным в своем роде за всю войну и не лишен известного интереса. Турецкий транспорт был вооружен двумя орудиями, из которых одно было крупнее, пушек "Тюленя". Встреча произошла ночью. "Тюлень" пустил дизеля и электромоторы, чтобы развить самый большой ход и не дать транспорту уйти, отрезая его все время от берега. Наконец, когда у лодки оставалось всего несколько снарядов, ей удалось одним снарядом подбить орудие противника и другим повредить машину. транспорт загорелся и остановился. Его экипаж частью бросился за борт, спасаясь вплавь, частью пытался спустить шлюпки. Командир "Тюленя", видя, что противник больше не стреляет подошел к нему и послал вооруженный караул. Оставшиеся на транспорте командир и офицеры были взяты в плен. Наша команда быстро исправила повреждения и он пошел под конвоем "Тюленя" в Севастополь. Пленный командир потом рассказывал, что он полагал, что имеет дело с миноносцем и был видимо огорчен узнав, что его, после продолжительного артиллерийского боя, взяла в плен подводная лодка. Командир "Тюленя", за свою смелость был достойно награжден государем императором, получив Георгиевский крест. Мы все искренне радовались

за наших товарищей, бывших на "Тюлене" и проявивших много мужества в этом деле.

Кроме того, это событие несколько оживило Черноморский театр военных действий, т.к. за последнее время, т.е. вернее за время командования флотом адмирала Колчака, неприятельские корабли почти ничем себя не проявляли. Становилось совсем скучно, несмотря на непрерывную службу в море. Даже немецкие подводные лодки перестали появляться, хотя поле для деятельности было достаточно велико - море было усеяно нашими кораблями. Думаю, что причиной такой бездеятельности нашего врага было то, что выход в Черное море из Босфора, умело минировался нами, что очень стесняло неприятеля. Немцы потеряли на минах несколько своих подводных лодок и очевидно не хотели жертвовать ими, поэтому их появление совсем прекратилось.

Словом к концу 1916 года, военное положение, как в Черном, так и в Балтийском море было совершенно благоприятно для нас, несмотря на то, что в Балтике для нашего флота было много труднее, но Балтийский флот с честью отражал всякие попытки врага прорваться в Рижский и Финский заливы, которые кончились для него неудачей и большими потерями. тем не менее конец этого года омрачился рядом несчастных событий, которые сильно огорчили всех. 7 (20) октября, ранним утром на линкоре "Императрица Мария" раздался взрыв, от которого корабль весь вздрогнул. Фок-мачта, носовая труба и боевая рубка провалились и из образовавшейся на их месте огромной дыры повалил густой дым. Носовая башня была сдвинута в сторону и подброшена. Большой столб пламени вырвался наружу и ураганом пронесся по батарейной палубе, сжигая мгновенно все на своем пути. Взрывом была разрушена носовая кочегарка, в которой под парами находились дежурные котлы. Сразу прекратилось освещение на корабле и вспомогательные механизмы не могли работать. Таким образом, корабль остался беззащитным в борьбе с начавшимся пожаром. Сотни обугленных трупов заполнили коридоры. Стоны обожженных и раненых наполнили корабль. Взрыв произошел в носовой кюйт-камере, где находились заряды 12 дюймовой, носовой башни. Через десять минут снова раздался взрыв, но меньшей силы - это взорвался погреб противоминной артиллерии. Бросились разводить пары в надежде спасти корабль. Шлюпки со всех судов стоявших на Северном рейде спешили на помощь. "Императрица Мария" горела представляя страшную опасность для остальных кораблей, стоявших по соседству, особенно для "Императрицы Екатерины 2", стоявшей рядом. Да не только корабли, но и весь Севастополь и особенно большой док, против которого стоял корабль, были под угрозой. Прибывший на "Императрицу Марию" командующий флотом, видя безнадежность положения и опасаясь за участь эскадры стоявшей на рейде, приказал топить корабль и команде спасаться на шлюпках. "Императрица Мария" начала тонуть и медленно переворачиваться. Бросившиеся вниз, для разводки паров офицеры и матросы не успели выскочить наверх и погибли. Корабль перевернулся, башни выпали из своих мест и через несколько секунд корабль скрылся под водой...

Один из двух черноморских дредноутов погиб, унеся с собой навсегда тайну своей гибели. Что это было - несчастный случай или злой умысел, никто этого не знает. Известно, только было, что в то же время, приблизительно от неизвестной причины погибли несколько линейных кораблей и в союзных флотах. Кроме того на Мурмане взорвались несколько транспортов с боевыми запасами, стоявшие у пристаней в порту, буквально заваленном всяким снабжением для нашей армии. Все это было чрезвычайно странно и наводило на грустные мысли. Они не были даже рассеяны тем, что 6 лучших германских

миноносцев, взорвались и погибли на наших минах в Финском заливе при попытке проникнуть вглубь него.

В конце декабря линейный корабль "Пересвет", шедший с Дальнего Востока наткнулся на мину в Средиземном море и погиб, унеся с собой в глубину почти весь личный состав. Для меня это было, еще более печальным, потому, что на нем погиб мой добрый товарищ лейтенант К., с которым были связаны хорошие воспоминания о совместном плавании и искренней дружбе.

Наши последние походы на "Крабе" и приключения на нем, не остались бесплодными и причинили врагу достаточный ущерб потоплением нескольких судов. За это офицеры и команда получили военные награды. Я же был польщен получением высокой награды: Георгиевской сабли с надписью "За храбрость", присужденной мне Думой кавалеров Георгиевского оружия и утвержденной государем императором. Наш капитан, несколько позднее, получил орден Святого Георгия 4-й степени. Адмирал Колчак прибыл на подводную бригаду, с тем, чтобы повесить на грудь нашего любимого и достойного капитана этот орден храбрых. Помню тот день, бывший последним веселым днем дружной подводной семьи...

Большая и светлая кают-компания нашей базы-транспорта "Трапезунд". Все офицеры собрались в ней в ожидании приезда командующего флотом. Громкий говор, шутки, смех... Сверху несутся звуки горна играющего "большой сбор". Все выбегают наверх и выстраиваются, как полагается. Играют "захождение" и встречный марш. Адмирал быстро поднимается по трапу, принимает рапорты и здоровается со всеми. Его фигура полна энергии и непоколебимой воли. Она импонирует всем. Чувствуется во взглядах офицеров и матросов глубокое уважение и преданность к этому человеку. В него верят и в нем видят исключительного человека. Он подходит к команде "Краба" и вешает на грудь отличившихся Георгиевские кресты и медали и произносит краткую речь по поводу заслуг заградителя. Затем краткий молебен, тут же на верхней палубе, по окончании которого мы все спускаемся вниз, готовые принять адмирала в своей кают-компании. Он принимает приглашение обедать с нами. Обед с речами и тостами. Адмирал поднимает бокал за новых Георгиевских кавалеров. Ему отвечает начальник бригады и пьет за здоровье адмирала. Громкое, долго не смолкающее "ура" несутся по кораблю, "ура" в котором выразились чувства к адмиралу, особенно нами - молодежью. Официальная часть обеда кончена, но мы никак не можем успокоиться и подносим адмиралу "чарочку" с традиционной, застольной песней. Красивый незабываемый день. Он был, как бы лебединой песнью подводной бригады и никто из нас тогда не знал, что это был действительно последний, веселый и яркий по воспоминаниям день.

Наступила зима с ее штормовой погодой. Скучновато было бродить по пустынному, бурному Черному морю в надежде встретить неприятельский корабль. Серые, дождливые дни так коротки, а ночи так длинные и темны. С нетерпением ожидаешь конца похода, когда можно будет вернуться в Южную бухту и отдохнуть от похода, постоянного водяного душа и бесконечной качки. У всех чувствуется утомление. Это ощущение усталости появилось в первые после начала войны и было раньше совершенно незнакомо никому из нас.

День 26 ноября (ст. ст.), годовщина основания ордена Святого Георгия, был раньше большим военным праздником. До войны, согласно традиции, государь император приглашал всех Георгиевских кавалеров, не зависимо от чина к себе во дворец, где в Георгиевском зале состоялся обед. Все сидели вместе, офицеры и солдаты. По обычаю, существующему исстари, каждый кавалер, после обеда брал себе серебряный прибор, который был подарком от государя. Во всех частях армии и флота, в этот день проходил военный парад, которым командовал

старший из присутствующих Георгиевских кавалеров, в каком бы он чине ни был. Теперь же празднество было много скромнее. Все кавалеры собрались в день праздника во Владимирском соборе на богослужение, над могилами адмиралов, героев Севастопольской обороны в 1855 году. Для меня, как и для многих других, тот день был первым и последним, в котором встретились кавалеры ордена...

Раньше я указал на то, что к концу этого года, среди многих, как офицеров, так и команды стало заметно некоторое утомление от войны, затянувшейся слишком долго и протекающей с продолжительными неудачами, на самом главном, германском фронте. Хотя к концу года, армия остановилась, готовая с весной перейти в наступление. Ее снабжение во многом улучшилось, материальная часть была обеспечена и в будущем году можно было ожидать успеха в наступлении. Что касается флота, то он достиг высоты, как в смысле организации, так в смысле и материального состава. Поэтому, в Балтийском море, как самом важном с военной точки зрения, можно было быть совершенно уверенным в успехе. Но было одно, что сильно действовало на всех и влияло на моральную сторону личного состава - внутри страны не все было благополучно. Правительство, явно не понимало положения и не умело разобраться в обстоятельствах, идя наперекор народному желанию. Министры сменялись один за другим и еще более неудачным. В народной массе, как и в армии поползли слухи, один нелепее другого, об измене императрицы, о Распутине, который подчинил своему влиянию царскую семью и правил страной. Носились слухи о неограниченном влиянии немецкой партии при дворе, о подкупках, о сепаратном мире и о беспорядках внутри страны. Все это нервировало и убивало веру.

В офицерской среде, в которой раньше никогда не говорили о политике, все чаще и чаще начинались разговоры о политике, под влияние вышеуказанных слухов. Главной темой разговоров был конечно Распутин, который являлся злом для страны. Матросы приходили за объяснениями о блуждающих, страшных слухов и мы, офицеры ничего не могли ответить. Многие из нас, сами чувствовали, что в стране творится что-то неладное и не могли рассеять сомнений и опровергнуть слухи. Все чувствовали, что вот, вот, что-то должно произойти. Государь находился в армии и был нерешителен. Это усиливало беспокойство. Народ, а с ним и армия были в тревоге. Наконец в декабре грянул первый гром - Распутин был убит высокопоставленными людьми. Газеты были полны статьями об убийстве. Как вздох облегчения пронесся по всей стране. Но правительство делало ошибку за ошибкой. Люди авторитетные и уважаемые сменялись и заменялись бесталанными и неспособными выйти из положения. Нужно было бросить маленькую искру, чтобы начался огромный пожар. Всегда существовавший в России революционный элемент, неспособный мыслить широко и правильно, готовил свою разрушительную работу. Своей пропагандой среди народа и армии, он усилил недовольство и готовил военный бунт. Петроград, наполненный запасными частями, недисциплинированными и распущенными, был благодатной почвой для пропаганды. Кадровые и гвардейские полки, все были на фронте и в случае бунта не было никого, кто мог бы его сдержать и ограничиться лишь дворцовым переворотом. В самой царской семье было много членов, недовольных императором и особенно императрицей, почему и можно было рассчитывать, что переворот произойдет сверху, а не снизу, что было чревато страшными последствиями для всей страны во время войны. Но видимо судьбе было угодно великое испытание для России и 1917 год начался под мрачными предзнаменованиями.

Глава 5

Начало революции. Волнения на флоте. События на севере. Приказ № 1. Его следствия. Начало развала. Мое назначение на "Орлан" в Николаев. Командование "Скатом". Патриотический порыв генерала Корнилова. Большевицкая революция. Разложение флота. Перемирие. Убийства офицеров. Начало гражданской войны. Дон и Кавказ. Добровольческая армия. Оккупация германцев. Крым. Исход в Константинополь.

С началом 1917 года, Черноморский флот продолжал нести свою службу и политические события конца 1916 года и начала нового года, не коснулись его организации. Внешне все продолжало оставаться так же, как и было раньше. Никаких бунтов и даже нарушений дисциплины на судах не было.

Но вот грянула февральская революция в Петрограде. Как только были получены первые сведения о происходящих событиях на севере, командующий флотом адмирал Колчак, совершенно ясно представляя себе опасность обстановки, объехал все корабли и береговые команды, призывая к спокойствию и выдержке. Авторитет адмирала удержал команды в повиновении и только благодаря ему не было убийств офицеров и жестокостей, каковые имели место в Балтийском флоте. там, особенно в Гельсингфорсе и Кронштадте, несколько десятков офицеров заплатили своей жизнью за верность долгу и дисциплине. Они были зверски замучены, с жестокостью не поддающейся описанию. Чуть-чуть то же самое не произошло в Севастополе, несколько дней спустя, так как командам стало известно об убийствах офицеров. В морских казармах Севастополя собрался митинг, на котором был составлен проскрипционный список офицеров, долженствующих быть убитыми, но благоразумие большинства команды, выдержка офицеров и как я сказал выше, авторитет адмирала, воспрепятствовали совершенно ужасов.

Как раз в это смутное время и тревожное время, я на "Нерпе" ушел в море и более двух недель мы не имели никаких новостей. Тускло и тревожно провели мы это время в море, чувствуя в глубине души, что надвигается, что-то страшное и неисправимое... К середине марта "Нерпа" вернулась с моря. При проходе мимо Константиновской батареи, на которой большими буквами всегда было написано: "Боже царя храни", мы увидели зачеркнутым слово "царя". Город был весь покрыт национальными флагами, но перевернутыми красным цветом кверху. Не успели мы подойти к своему месту в Южной бухте, как куча новостей посыпалась на наши головы. Государь император отрекся... Его брат великий князь Михаил отказался от престола. Страной правит Временное правительство и какой-то Совет рабочих и солдатских депутатов. Все это было, как-то непонятно и странно. Каждая такая новость, как бы колола меня в сердце. Растерянный и недоумевающий, оглядывался я вокруг, как бы имея подтверждение от кого-то, что это неверно, что это не так...

- "Здравия желаю, господин лейтенант", - раздалось, около меня. Я оглянулся и увидел своего вестового, который пришел взять мои вещи. Слова "господин лейтенант", вместо привычного "Ваше благородие", окончательно убедили меня, что произошло, что-то невероятное. Резкий беспорядок на корабле, недисциплинированный вид матросов, снующих повсюду и страшная грязь на палубе, все объяснили мне сразу. Я понял, что то, на чём держалась дисциплина и порядок, куда-то рухнуло и разом уничтожило стройную организацию, столь нужную в военном деле. Понял и тоска, мрачная, как грозовая туча, заполнила

сердце. Дошедший до Севастополя так называемый приказ № 1, подписанный людьми стоявшими у власти, но очевидно не понимавшими, что они творят, в котором отменялись все внешние признаки дисциплины и коим давалась полная свобода солдатам и матросам устраивать митинги, выбирать офицеров и прочие нелепости, послужили основой падения дисциплины. В этом приказе говорилось, только о правах солдат и совершенно не упоминалось об их обязанностях. Поэтому тот фундамент, на котором держались все военные организации, сразу был уничтожен. Команды поняли этот приказ совершенно своеобразно и к тому же сбитые с толку начавшейся пропагандой, начали митинговать, критиковать офицеров и пренебрегать обязанностями службы. Таким образом постепенно создавалась обстановка, совершенно нетерпимая с точки зрения военной дисциплины. Образовавшиеся с разрешения правительства судовые комитеты, в состав которых входили выбранные командой матросы и офицеры, вмешивались во все, вплоть до управления кораблем и руководства военными действиями, фактически лишали офицеров командовать и руководить. Так как каждый комитет состоял из подавляющего числа матросов, то всякий случай нарушения дисциплины и неповиновения со стороны матроса, проходил совершенно безнаказанно для виновного. Конечно подобные случаи служили дурным примером и поощряли команды к совершению поступков, которые повторялись все чаще и чаще. Требования и увещания со стороны офицеров, приводили к конфликтам, в которых виновными, конечно оказывались офицеры. беспрестанно устраивались митинги, как в городе, так и на судах, на которых произносились зажигательные речи, открыто велась пропаганда социалистами и большевиками. Это была какая то вакханалия митингов. Страсти разгорались. Команды, вкусившие прелесть свободы и видя полную безнаказанность, становились распущенными. Правительство, уже начавшее терять почву, было явно на стороне матросов и своими нерешительными действиями, колебанием ухудшало обстановку. Сплошь и рядом бывали такие случаи: например корабль получал приказание выйти в море для военных операций. Судовой комитет собирался и начинал обсуждать, нужно или не нужно выходить. Вмешивался в распоряжения командира, отменяя его приказания и раскритиковывал действия командующего флотом. Дело начало доходить до абсурда, поговаривали об отмене кают-компаний для офицеров. Стали появляться случаи издевательства над офицерами. Их заставляли мыть палубу, грузить уголь и пр. С каждым днем усиливалась пропаганда большевиков, против которой слабое правительство и не пыталось даже действовать, направляя матросов на офицеров, открыто называя их врагами народа, сторонниками войны и призывала к расправе. Команды удаляли строгих офицеров под всякими предлогами, заменяя их слабовольными и во всем соглашающимися с ними. Придирались ко всему, даже к иностранным фамилиям, по преимуществу к немецким. Их обвиняли в шпионстве, чего конечно не было. Словом творились безобразия, которые грозили страшными последствиями существованию флота.

Появились сепаратные тенденции. Некоторые корабли подняли украинские, красные или черные, анархические флаги. Совершенно ясно понимал положение адмирал Колчак и всю свою энергию, опыт и авторитет отдавал на то, чтобы поддержать дисциплину и внушить командам необходимость закончить войну и уже после этого заняться внутренними делами. Его слушали, но и только.

Некоторая часть офицеров, сравнительно незначительная, поддавалась общему течению и стала заниматься политикой. Но подавляющее большинство, оставалось на точке зрения военной дисциплины и думала только о том, как бы сохранить боеспособность флота и уберечь его от разложения. Такая позиция занятая офицерами не нравилась матросам. В них видели приверженцев старого

режима, несмотря на то, что все, за единичными случаями приняли присягу временному, республиканскому правительству. Но пропаганда, ведомая искусной рукой, делала свое проклятое дело. Страна была в опасности. То было началом конца, агония...

Растерявшееся правительство занималось тем, что посылало то одного, то другого из своих министров в армию и во флот с целью повлиять на умы и уговорить. Особенно этим занимался Керенский, который разъезжал по воинским частям, произносил бесконечные речи и уговаривал. За это, он получил в стране прозвище "главноуговаривающего". Его пока, еще слушали, но дело от этого не шло лучше, да и не могло пойти, т.к. основа дисциплины была подорвана в конце. Слушая трескучие речи этого человека, которые импонировали массе, надо сказать правду, можно было получить впечатление, что этот человек, что-то может сделать. Это так казалось большинству, которое на разбиралось в сущности происходящего и находилось под обаянием революционных идей. и свалившихся со всех сторон всяческих свобод. Но люди здравомыслящие отдавали себе отчет, к чему все происходящее ведет и чем грозит.

Совершенно ясно понимал положение адмирал Колчак и всю свою энергию и опыт отдал на то, чтобы поддержать дисциплину и довести войну до конца. Пока ему это удавалось, но с большим трудом.

Весной я ушел с "Кашалота" и получил назначение на достраивающиеся в Николаеве подводные лодки "Орлан" и "Буревестник". На "Орлане", я должен был остаться недолго, чтобы затем перейти на "Буревестник". Через несколько дней я прибыл в Николаев. Этот патриархальный некогда город, где жили по преимуществу отставные морские офицеры, с момента революции потерял свой колорит, скромного приморского городка. Его патриархальность была, какой-то особенной и настолько внедрившейся, что присутствие нескольких судостроительных заводов, не могло ее нарушить. Но с началом революции, все переменялось. Рабочие заводов, которых было тысяч двадцать пять и команды строящихся судов, являлись хозяевами положения. Бесперывные митинги и революционные торжества, вплоть до сепаратистских, украинских, совершенно изменили физиономию города.

На второй день по моему прибытию, я явился на свой корабль и сразу же испытал на себе прелесть свобод революционного флота. Команда "Орлана" прежде всего решила обсудить, нужен ли им новый офицер и по этому поводу собрала собрание, на котором решительно отказалась принять меня, мотивируя тем, что я офицер старого режима, строгий и вообще им не подходящий. Желая выяснить в чем дело и так же высказать свой взгляд, я попросил командира собрать команду и сказать ей несколько слов, решив заранее, что я плавать на таком корабле, во всяком случае не буду. Кроме того мне хотелось показать нелепость их решений и доказать им, что они не правы. В назначенный день команда собралась, о чем-то совещалась одна, потом пригласила нас, офицеров. Я совершенно спокойно выслушал все обвинения против меня, которые заключались в следующем: я был строг, приверженец старого режима, не разговорчив с матросами, не пускал часто команду на берег и пр. Двое из команды были раньше на "Крабе" и хорошо меня знали. Один из них, унтер-офицер электрик, был мною в свое время наказан за то, что обругал кондуктора электрика и всячески интриговал против него, с целью занять его место. Словом было вспомнено все, что могло послужить не в пользу офицера. На все эти обвинения, я ответил пространной речью, в которой доказал нелепость обвинений и их явную тенденциозность и окончил тем, что несмотря на революцию, я не могу изменить своего взгляда на дисциплину и военную обязанность и останусь таким, каким был.

Видимо мои слова, все таки произвели впечатление. Команда решила выйти, что бы посоветоваться между собой. Эта скверная комедия убедила меня окончательно в невозможности служить в подобной обстановке и в неизбежной гибели флота. Но, что было делать? Выхода не было. Правительство дискредитировавшее власть офицеров, все же требовало оставаться на кораблях. Значит нужно было подчиняться требованиям судового комитета, решения которого большей частью были совершенно абсурдными. Но это было противно моему воспитанию и главное воинской дисциплине. Оставалось вести борьбу и не поддаваться влиянию окружающей обстановки. Это было тяжело и совершенно безнадежно. Резолюция команды постановила просить меня остаться на лодке и служить. Я поблагодарил за честь, но решительно отказался. На "Буревестнике" повторилось почти то же самое, но я должен был остаться, так как командир просил меня его не оставлять и постараться сделать, что либо. Я согласился, мечтая все таки освободиться от этого кошмара.

Около месяца провел я в Николаеве, на постройке и наблюдал, как с каждым днем все рушилось. Заказанные прежним правительством большие подводные лодки по 1000 тонн, большие миноносцы и легкие 30-ти узловые крейсера перестали достраиваться. Заводы из-за постоянных требований рабочих и беспрестанных митингов, стали плохо функционировать. Словом все разваливалось. Успевший окончить свою постройку дредноут "Воля", переименованный из "Императора Александра Третьего" ушел в Севастополь. На нем всего характерней выразился весь тот сумбур, который творился в головах команды. Он уходил под Андреевским флагом, но на каждой из орудийных башен, было поднято по флагу сообразно сепаратистским тенденциям команды. На одной красный флаг, на другой украинский, на третьей черный, на четвертой еще какой-то. Смешно и грустно было смотреть на происходящее. Конечно нечего и говорить про то, что все суда, которые носили имена императоров или народных героев, были переименованы на революционный лад.

В конце апреля Временное правительство издало приказ о перемене формы офицеров во флоте. Вместо традиционных погон, морские офицеры обязаны были носить нашивки на рукавах и на фуражке вместо кокарды, золотой герб с серебряным якорем на красном поле. Этот приказ был получен в Николаеве накануне первого мая, когда должны были произойти всяческие манифестации, митинги и пр. Во избежание вероятных инцидентов приказано было к этому дню форму переменить, но промежуток времени был всего несколько часов, почему не все офицеры смогли выполнить приказание и остались в старой форме. Нашлись хулиганы, которые срывали погоны с офицеров и оскорбляли их. Самозащита офицеров вызвала дикую расправу со стороны хулиганов, которые прекрасно знали, что все их выходки пройдут безнаказанно. Но все эти нравственные переживания для офицеров были не так ужасны в сравнении с теми пытками, которые приходилось переносить на постоянных заседаниях судовых комитетов, где приходилось отстаивать свою честь и честь флота и бороться против нелепостей командных постановлений и коммунистической пропаганды. Закона не было, приходилось действовать силой убеждения. Но, что можно было сделать с людьми, потерявшими здравый смысл. В головах подавляющего большинства матросов царил невероятный сумбур и они совершенно не отдавали себе отчета в своих поступках и поведении. Они пользовались всяким удобным и неудобным случаем, что бы проявить свои революционные чувства и устроить политическую демонстрацию. Скажем умирает в морском госпитале матрос от чахотки, своей естественной смертью. Это дает повод к демонстрации на похоронах, выражающейся в произнесении пламенных и по большей части бессвязных речей,

в которых покойник рассматривался, как жертва старого режима и пр. Выносятся целый ряд знамен с надписями "Жертва режима", "Смерть буржуазии", "Да здравствует анархия" и прочая чепуха. Устраивается митинг протеста, но против чего, никто ничего не понимает.

С начала лета в Черноморский флот стали приезжать агитаторы из Балтийского флота, которые увидев относительный порядок в Черном море, повели яростную пропаганду против адмирала Колчака и офицеров. Они говорили: - "Вы слушаете офицеров, этих врагов народа, которые хотят продолжать братоубийственную войну, ради своих интересов. Они царские приспешники, они не могут быть революционерами, не верьте им. Смотрите, как мы расправились с ними в Балтийском флоте. Довольно войны. Мы хотим жить в мире с немцами. Они наши друзья. Долой войну. Да здравствует демократия всего мира. Мы большевики дадим вам землю".

Конечно эти речи не могли пройти бесследно и команды мало помалу стали смотреть на офицеров, как на своих врагов. Как результат пропаганды и подогревания страстей в июне были арестованы несколько офицеров. С каждым днем все труднее и труднее становилось сдерживать команды. Под влиянием той же пропаганды, судовые комитеты вынесли резолюции об отобрании оружия офицеров. Когда избранные депутаты явились к адмиралу Колчаку с целью отобрать оружие, он сказал им: - "Не вы мне дали это оружие" и выкинул за борт полученное им в Порт-Артуре золотое оружие. Матросы смутились и ушли. Поступок адмирала произвел впечатление на матросов и разговоры об отобрании оружия на время прекратились. После этого командующий флотом, чтобы избежать насилия и печальных последствий, отдал приказ о передаче оружия офицерами своим командирам кораблей, которые в свою очередь сами отдали его на хранение в судовые комитеты. Этим приказом адмирал предупредил насилия и спас жизнь жизни многим офицерам, которые не согласились бы подчиниться грубому требованию со стороны матросов и готовы были ценой жизни защитить свое достоинство. Видя безнадежность положения, командующий флотом поехал в Петроград и донес о необходимости самых строгих и решительных мер для спасения флота. Слабое, неспособное правительство не согласилось с требованиями адмирала и он ушел.

С уходом адмирала Колчака дела в Черноморском флоте приняли совсем плохой оборот. Как флот он перестал существовать. Это были сплошные митинги на кораблях, преследования офицеров, постоянные обыски их квартир, под предлогом поиска оружия и всяческие бесчинства. Командующий флотом существовал только номинально, в действительности же образовалось коллективное управление, вернее бесправление флотом в виде Центрального комитета, который состоял из депутатов кораблей и экипажей. Это была сплошная вакханалия противоречивых приказаний и нелепых распоряжений. Никто их не слушал и каждый корабль поступал так, как ему нравилось.

Так в разговорах, митингах и развлечениях революционного характера проходило лето. Матросы Черноморского флота забыли о войне и воинском долге. Суда изредка выходили в море и за все лето было лишь несколько боевых эпизодов, не имевших особого значения. Наш враг не мог не знать о развале флота, который перестал существовать, как боеспособная единица и поэтому предпочел действовать не прямо, а исподтишка, подсылая со своей стороны агитаторов с целью усилить развал. Это ему удавалось как нельзя лучше.

В это время я командовал подводной лодкой "Скат". Она принадлежала к составу 4-го подводного дивизиона, базирующегося на Балаклаве, где имел пребывание и учебный отряд подводного плавания. Моя команда пришла с

Дальнего Востока и резко отличалась от прочих. Это были люди здравомыслящие, не поддававшиеся веянию революционных элементов, дисциплинированные и стойкие. Мне не пришлось с ними плавать долго, но я вспоминаю об этих плаваниях с большим удовольствием. Это было светлое пятно на черном фоне революционного времени. Находясь в некотором отдалении от Севастополя и наблюдая издали происходящие там картины, я ясно отдавал себе отчет в том, что творится и что можно было ожидать. Наблюдения мои приводили меня к самым грустным заключениям - все катилось в пропасть и и спасения было ждать неоткуда. Но, как утопающий хватается за соломинку, так и я пытался печатным словом сделать, что ни будь, что бы удержать разбушевавшиеся страсти. Я писал тогда в "Морской Сборник", журнал издававшийся Адмиралтейством: "Наш флот переживает тяжелую болезнь, которая может осложниться или быть излеченной. Нужно сказать открыто, что у нас в настоящее время нет той организации и дисциплинированной морской силы, на которую страна в праве рассчитывать при охране морских границ. Политическая война охватила флот целиком. Прошло достаточно времени с момента переворота, что бы мы могли оглянуться назад и дать некоторую оценку всего происходящего и затем постараться найти путь сделать флот снова боеспособным и дисциплинированным. Теперь это вопрос нашей национальной чести и благосостояния родины. Судовые комитеты, зачастую выходят из своей компетенции и неправильно понимают поставленную им задачу, беря подчас на себя решение военных и тактических вопросов. Прежде всего для этого требуется специальное образование и опыт, что имеют у нас пока только офицеры и следовательно им должно принадлежать право решения всех военных вопросов. Между тем, часто бывают случаи, когда судовые комитеты, а то и вся команда вмешивается в распоряжения командира и офицеров и своим давлением причиняет много зла, от которого страдает только наша родина. Вообще можно отметить, что у многих матросов сложилось убеждение, что революция дала им все права, отняв таковые у офицеров, а обязанности и ответственность оставила, как единственную привилегию последним. Я не отрицаю полезного значения судовых комитетов, в смысле хозяйственном и в распределении внутренней жизни корабля. Не отрицаю даже пользы дарования им дисциплинарных прав, но считаю, что таковые должны остаться и у офицеров, а особенно у старшего офицера корабля. Особенность морской службы (пребывание корабля в море) требует ограничения деятельности судовых комитетов, именно в указанных выше рамках. Для всякого здравомыслящего человека, должно быть понятно, что корабль не может управляться комитетами, так как подобное коллективное управление грозит ему неисчислимыми бедствиями. Не думаю также, что кто ни будь принципиально возражал против демократизации флота, но проведение этих мер требует обдуманности и большой подготовительной работы, а самое главное воспитание в этом отношении команды, на что требуется время. В противном случае эта демократизация выйдет однобокой и будет иметь лишь отрицательные стороны, губительно отражающиеся на всей организации флота, да еще во время войны. Я считаю этот вопрос весьма серьезным, требующим немедленной разработки, так как ложное понимаемая командой свобода начинает принимать уродливые формы вроде отбирания командой кают-компаний, как это имело место на некоторых кораблях. Это ведет к еще более резкому падению дисциплины на судах флота, которая не может быть поддержанной офицерами, потому, что, я говорю прямо, слишком много было сделано со стороны безответственных людей, что бы подорвать авторитет офицера в глазах команды. События последних дней показали, что офицеры честны в отношении своей родины и ее свободы и ничем не заслужили

того отношения, которое проявлялось к ним с первых дней революции. То, что происходит сейчас, т.е. как бы перелом в сознании матросских масс, после мрачных июльских событий в смысле резолюции доверия Временному правительству, еще далеко не есть гарантия боевой готовности флота, так как часто это только лишь слова, которые теперь слишком низко расцениваются страной. Не мало мы уже имели примеров того, что под влиянием пропаганды и всяких наветов, настроение команды менялось в диаметрально противоположном направлении.

Флот нуждается в последовательных и разумных мерах, проведенных в жизнь твердой рукой правительства. Наступил момент нам, офицерам принять деятельное участие в судьбе нашего флота. Угар прошел, наступает момент отрезвления и торжества здравого смысла над стихийными явлениями революции. Переворот многих из нас застал врасплох и принудил забыть, что в наших руках есть знания и опыт, а в душе безграничная любовь к своей родине и флоту. Пусть бесчестные и безответственные люди временно подорвали наш авторитет в глазах команды, этот авторитет вернет кровь офицеров пролитая в последних боях, а отечество лишней раз убедится в том, что офицеры есть верная защита родины и ее свободы. Долг стоящих у власти идти навстречу стремлениям офицеров, людей более опытных, чем кто либо в делах реорганизации флота и честных в отношении своих обязанностей. Кроме того, что необходимо привести в порядок флот, надо и не забывать о том, что по окончанию войны флот лишится большинства офицеров по причине условий службы, при которых корабли будут управляться при посредстве митингов и резолюций. Это слишком серьезно, что бы над этим не задуматься и не повторить ошибок, имевших место во время Великой французской революции во флоте. Тогда флот остался в руках невежественных людей, лишенных не только специального, но и общего образования и он погиб, а страна поплатилась потерей престижа на всех морях.

Что бы не быть голословным в отношении всего вышесказанного, я напомним кое, что из жизни французского флота эпохи революции. Яркую картину развала и деморализации рисует нам Шабо-Арно в своей "Истории флотов". Он говорит: "Прежде чем французское правительство обратило внимание на флот, мятежи вспыхнули в портах и на кораблях, ежедневно происходили столкновения между офицерами и вожаками, слишком возбужденное самолюбие которых уже видело в анархии наиболее верное средство пробиться вперед. Морских начальников оскорбляли, арестовывали, заключали в тюрьмы и даже били. Офицеры и адмиралы, униженные и оскорбленные вынуждены были покинуть суда, тогда как за ними был целый ряд блестящих подвигов, которыми так недавно гордилась страна".

Правительство Франции, не имевшее в то время в своей среде людей любивших флот и преданных ему, разрушило его организацию созданную великим Кольбером. Результатом этого развала был целый ряд неудач и поражений французского флота. Тулон, Ирландская экспедиция, Абукирское сражение и наконец Трафальгар показали, что без дисциплины и повиновения флота нет.

Как офицер я считаю, что дальше так у нас идти не может, ибо это есть преступление. Армия и флот должны быть отделены от политики, хотя бы на время войны. Все, что растлевало до сих пор флот и армию, должно быть вырвано с корнем. Мы дошли до черты, за пределами которой - гибель государства.

Это не слова, а горькая истина, которую теперь должен знать каждый".

В августе произошло событие, которое блеснуло надеждой на спасение, тем кто не подвергался разложению большевистской пропаганды и жаждал твердой

власти. Генерал Корнилов, главнокомандующий всей русской армии, рыцарь без страха и упрека, сделал попытку спасти честь родины и подавить большевистский мятеж. Но трусливое и неспособное правительство в лице Керенского, испугавшись сильного человека, его спровоцировало и объявило врагом народа и изменником революции. Войска посланные главнокомандующим на Петроград, где он хотел уничтожить гидру пропаганды и восстановить власть, остановились сбитые с толку противоречивыми сведениями и хаосом, творившимся вокруг. Главнокомандующий и командующие отдельными фронтами генералы, сторонники Корнилова, были арестованы и заключены в тюрьму. История с генералом Корниловым имела печальные последствия для офицеров. Хотя офицеры и были лояльны по отношению к Временному правительству, но сочувствие их было на стороне генерала Корнилова, прежде всего потому, что в нем видели человека способного спасти положение. Но в действительности это только казалось, а на самом деле положение было безнадежно, так как развал зашел слишком далеко и ничто не могло остановить всеокрушающий поток революционной стихии. Было уже поздно. Большевики, особенно воспользовались этим моментом царящего хаоса и с яростью набросились на офицеров, видя в них своих главных противников. К счастью в Черном море хотя и был целый ряд инцидентов на этой почве, но все кончилось без пролития крови. В Балтийском же флоте несколько офицеров заплатили жизнью за свою прямоту и убеждения. К осени 1917 года не могло быть никакого сомнения, что пропаганда большевиков имеет огромный успех среди команд флота, как и армии. Причина такого успеха была чрезвычайно проста. Большевики бросали в толпу лозунги, которые должны были расположить к ним простой народ и особенно преступный элемент. Они говорили: "Все принадлежит вам, идите и берите", "Долой буржуев", "Идите берите землю, она ваша", "Мир хижинам, война дворцам", "Долой войну". Что могло быть проще и понятнее простому, темному солдату! Что было ему до каких-то смутных идеалов и туманных целей войны. Он жаждал мира и земли. Это ему обещали и он естественно пошел за теми, кто ему это обещал. Что же касается того, что враг придет и отнимет у него землю, он этого не боялся. Русский народ знал, что нет силы, которая могла бы покорить его страну. В нее можно войти, но выбраться из нее было трудно. Гибель великой армии Наполеона была так свежа в памяти народной, что ни у кого и мысли на этот счет не было.

- "Мы пензенские, до нас не дойти", это было очень характерно для русского человека. И это было верно. Завязнешь, как в тине и не выбраться, а если и выберешься, то полуживой. Так случилось и с немцами. Словом все было просто и понятно и начался всероссийский грабеж и разгул.

Многочисленная армия, с оружием в руках бросила фронт и пошла по домам. Это уже, впрочем не была армия, а разнузданная масса солдат, которая грабя и круша все на своем пути, людской волной затопила всю страну. Тысячи офицеров погибли в эти ужасные дни. Непроницаемый мрак, сведенный заревом пожаров, в которых гибло благосостояние и честь страны, повис над Россией. Страшные, страшные дни. Их нельзя вспомнить без содрогания. Между тем, спасшиеся из тюрьмы генерал Корнилов и его сторонники, пробрались с трудом на Дон, к казакам, где и положили начало тому ядру патриотов, из которых впоследствии выросла Добровольческая армия. Там, на Дону собирались энергичные и искренние патриоты, которые ценой своей жизни готовы были купить счастье Родины. Их было сначала немного. Но с каждым они росли по числу, находя поддержку и сочувствие казаков. Весть о Доне быстро дошла до Севастополя и вызвала со стороны большевиков страшную пропаганду, в

результате которой образовались целые отряды матросов для отправки туда, с целью задавить начавшееся патриотическое движение.

Особенной яростью и кровожадностью среди большевиков отличалась одна еврейка по имени Островская. В ней отсутствовали человеческие качества, это был какой-то зверь в образе Ундины. Она часто появлялась на кораблях, устраивала митинги и указывая на офицеров, говорила матросам: - "Вот ваши враги. Это они хотят продолжать войну, это они проливают кровь рабочих и крестьян. Уничтожайте их". Результаты не замедлили сказаться скоро. Толпы ободренных, неряшливых и вооруженных с головы до ног матросов, с красными знаменами и музыкой проходили по улицам Севастополя, направляясь на Дон, как карательная экспедиция.

Весь флот поднял вместо Андреевского флага, красные, в честь "третьего интернационала". Но, что это был за "третий интернационал", девяносто пять процентов из команд не понимало. Не понимал и я. На душе было противно и тоскливо при виде этих красных тряпок поднятых на кораблях. Люди теряли рассудок и не знали, что делали.

Общему безумию начала подвергаться и команда "Ската". Я чувствовал, что больше не могу командовать и решил уйти. Я покинул свою лодку накануне того, как на ней должен был поднят красный флаг. Большинство команды не хотело его поднимать и под всякими предлогами уходило с лодки. Оставались только те, кто были сторонниками большевизма и коммунистами.

Моя попытка совершенно покинуть флот не удавалась. За всеми офицерами следили и не было никакой возможности уйти. Тем не менее эта мысль не покидала меня. Не было сил оставаться и видеть вокруг себя творящиеся безобразия и развал и быть бессильным остановить его. В эти дни я переживал чувства, которые описать трудно. Все мне казалось кошмаром, в котором я бился без надежды освободиться от него. Помню в своем раннем детстве, мне приснился страшный сон. Мне снилось, что ведьма с огромным ножом гналась за мной готовая схватить и зарезать меня. Во сне я кричал, звал на помощь, старался отбиться от нее... Но напрасно. Мои руки не поднимались, ноги не двигались, голоса не было... То же чувство ужаса и надвигающегося страшного, я переживал в эти дни.

Итак Дон был центром, куда начали стекаться понемногу все, кто хотел лучшей участи своему Отечеству. Но было трудно пробираться суда. За офицерами следили и особенно во флоте следили за каждым шагом, за каждым словом. Все офицеры были под подозрением. Большевики, видя в движении на Дону опасность для своей разрушительной пропаганды и разрушению России, повели наступление на Дон всеми средствами. В октябре произошел переворот в Москве и Петрограде и власть целиком перешла в руки большевиков. От пьяных рук матросов погиб главнокомандующий армией, генерал Духонин. Большевики заключили перемирие с немцами. Усилиями их и германского штаба, вместо внешнего фронта образовался внутренний. Немецкие шпионы, в шкуре коммунистов, вели пропаганду за мир, направив острие своего жала главным образом против офицерства, из рядов которых в эти страшные дни погибло много энергичных и талантливых начальников.

В подавлении восстания на Дону приняли участие и некоторые суда флота, которые в это время находились в руках судовых комитетов, т.к. образовавшийся Центрофлот особой роли не играл и с ним считались постольку поскольку это нравилось командам. Особенно часть миноносцев 1-го дивизиона была настроена воинственно по отношению к событиям на Дону. Команды часто устраивали собрания, на которых выносились резолюции с требованиями идти в Азовское

море. Командиры и часть офицеров отказались несмотря на угрозы. Этого было достаточно, что бы начать террор. Их арестовали и посадили в тюрьму, где уже сидели офицеры, причастные к расследованию о бунте во флоте в 1912 году. Тюрьма наполнялась. Наступал тот момент, который должен был ознаменоваться кровавыми расправами.

В начале декабря вернулся с Дона отряд матросов, разбитый казаками. Он привез с собой убитых и раненых и чуть не весь отряд был выпорот казачьими нагайками. Матросы вернулись в Севастополь полные ярости и неукротимой злобы. Раненых направили в Морской госпиталь и здесь освирепевшие от злости матросы с площадной бранью и угрозами требовали от врачей операции и особого ухода за своими ранеными. Прибывшие в это же время несколько новых агитаторов из Балтийского моря призывали к немедленной расправе с офицерами и буржуями. И вот 12 декабря на миноносце "Фидониси" пулей из винтовки, в спину был тяжело ранен мичман С., совсем мальчик, только, что вступивший на палубу корабля. Он умер через несколько минут. Это была первая невинная кровь пролитая в Черноморском флоте.

Между тем, после того, как я ушел со "Ската", через несколько дней мне удалось получить отпуск от начальника дивизиона на две недели и я уехал из Балаклавы в Севастополь. Мне посчастливилось получить этот отпуск за три дня до того, как всякие права от начальников были отняты совершенно и всем распорядились комитеты. Вид Севастополя и эскадры с красными флагами производил на меня гнетущее впечатление. Атмосфера города, находящегося во власти разнузданных матросов, рыскающих по офицерским квартирам и грабивших под предлогом поиска оружия, все что им нравилось, была ужасна. Нужно было думать о защите своих семей, подвергающихся при обысках оскорблениям и насилиям. Матросские банды держали все в страхе и отвратительный произвол царил в городе. Никакой власти не существовало. Нужно было рассчитывать только на самого себя.

Для характеристики момента можно привести один случай, по которому можно судить о полном падении морали и чести среди матросских вожаков. Я уже не говорю о насилии по отношению к офицерам, которых можно было заподозрить лишь в том, что они были преданы своему долгу и родине. С точки зрения матросов, это уже было преступлением, которое должно быть кареемо смертью. Но они шли и дальше. В конце лета к южному берегу Крыма подошло небольшое парусное судно, на котором оказалось несколько английских офицеров. Они принадлежали к месопотамской армии, которая при Кут-эль-Амаре была взята в плен и отправлена в глубь Турции. Один из лагерей для пленных находился в нескольких десятках километрах от берега моря. Небольшая группа офицеров решила бежать. С большим трудом ей удалось исполнить это намерение и после целого ряда приключений она добралась к морю и на маленьком суденышке отправилась на север к русским берегам. Все офицеры, за исключением одного капитана К., вернулась в Англию. Капитан К. остался с целью подготовить и доставить средства для другой группы офицеров, которая должна была бежать из лагеря, и достигнуть в условное время место, откуда ее нужно было взять. Назначенный момент приближался. Бедный капитан К. со слезами на глазах умолял в течении нескольких дней у матросских вожаков, дать какое ни будь судно спасти беглецов. Ни уговоры, ни мольбы со стороны К. ни к чему не привели. Он получил отказ в самой грубой форме. Надо было видеть К. и понять его переживания. Он считал себя ответственным в жизни людей, которые ждали спасения и рассчитывали на него. Я решился попытаться помочь ему в этом и подобрав несколько офицеров предложил ему свои услуги. Весь вопрос был в

корабле. Ни на какой военный корабль нечего было и рассчитывать. Они все были в руках матросов. Оставалась надежда на французское авизо "Жан Блан", которое с самого начала войны пришло из Константинополя, где оно было стационаром и стояло в Севастопольском порту. Мы отправились на него. Находящийся на корабле французский мэтр объяснил нам, что механизмы испорчены и судно двигаться не может. Тогда оставалось одно, попытаться найти парусное судно. Но все более или менее подходящие были реквизированы и такие находились в руках матросов. Наконец мы нашли одно утлое суденышко. В эти дни дул страшной силы северный ветер и в море был жестокий шторм с дождем и снегом. Море было ужасно. Я сказал К., что мы все готовы идти, хотя и не скрыл от него, что в такую погоду мы никак не могли рассчитывать на таком утлом суденышке благополучно добраться до берега, через все Черное море и прийти в назначенное время. До него оставалось два дня. Этот ветер нас должен был сначала донести до Босфора, а оттуда, если погода утихнет нам нужно было сделать 300-400 морских миль. В лучшем случае мы могли прийти туда через 4-5 дней, но никак не раньше. Скажу откровенно, что мы решились идти, хотя это было безумие, но на душе было так скверно, что каждый из нас был готов на все, что бы не видеть творящиеся вокруг ужасы. Что ждало нас? Что было терять? Но капитан К. взглянул на свирепствующее вокруг нас море, наше жалкое суденышко и решительно отказался от предприятия. И он был прав - мы бы не дошли. Но нам тогда было все равно. Лишь бы уйти, уйти...

Прошло несколько тревожных дней, после того как матросский отряд вернулся с Дона. Разъяренные команды требовали мести. Они хотели на миноносцах пойти в Азовское море и отомстить. Особенно яростно была настроена команда эскадренного миноносца "Гаджибей". Командир отказался вести миноносец и был арестован со всеми своими офицерами. Это произошло 15 декабря вечером. Ранним утром 16-го их, командира и офицеров повели к подножию исторического Малахова кургана и убили. Все приняли смерть мужественно. Никто не попросил ни слова пощады, пока их вели, издевались и всячески оскорбляли по дороге. В то же утро, без всякого суда были выведены из тюрьмы ранее арестованные офицеры и зверски убиты там же, на Малаховом кургане. Число жертв было 36. Вечером 15-го, я, ничего не подозревая о назревавших событиях, сел вместе с женой на госпитальное судно "Петр Великий", которое случайно шло в Батум, с тем, что бы провести свой отпуск в Тифлисе. Через несколько дней я узнал, что этот неожиданный мой отъезд был для меня в то же время и спасением. Оказалось, что в то время пока я находился на корабле и ожидал его отхода, какие-то матросы приходили за мной на квартиру с целью ареста и расстрела. Но к счастью прислуга наша ответила им, что мы ушли в гости и скоро вернемся. Матросы ушли, но вскоре вернулись, но в это время мы уже вышли в море. Утром, в море нами было получен целый ряд телеграмм о происшедших в Севастополе событиях, расстрелах и о водворении советской власти в полном объеме. По характеру этих телеграмм можно было догадаться о происшедших ужасах и чувство страха за моих товарищей оставшихся в Севастополе не покидало меня все время пути.

При входе в Батум нашим глазам представилось необычное зрелище: все пристани были усеяны толпами солдат, ожидавших подхода парохода. Едва успел он подойти к пристани, как толпы солдат ринулись на него. Серая толпа буквально захлестнула корабль. Это были части Кавказской армии, которая бросила фронт и уходила по домам. Стоявшие в порту пароходы все были облеплены серыми фигурами. Никакого порядка, ни дисциплины не было и признака. То же самое происходило и на железной дороге. Мы с большим трудом втиснулись в поезд и в

купе, в котором обычно могло поместиться 8 человек, нас было вдвое больше. Это путешествие было кошмарным. Люди сидели на крышах, площадках и буферах вагонов. Поезд полз медленно и подолгу останавливался на каждой станции, атакуемый солдатами. Наконец мы добрались до Тифлиса. Здесь резко бросался в глаза характер жизни кавказской столицы. В то время, как по всей России шел террор и хозяйничали банды всяких негодяев, тут еще царил порядок и известное спокойствие. Было Рождество. Все веселились. Театры, кинематографы, рестораны все было открыто и внешний вид Тифлиса, с шумной толпой, значительно увеличенной приехавшими с Севера, был как в старое, доброе время. Было много военных, в старой форме, тогда как в самой России все было уничтожено и офицеры принуждены были одеваться в штатское платье, что бы не быть схваченными и расстрелянными.

В это время на Кавказе было так называемое Кавказское Краевое правительство, состоящее из социалистов, но преданных России и рассматривающее себя, как нечто временное, долженствующее быть сменным, по водворении порядка в стране, настоящим всероссийским правительством. О сепаратизме в то время не говорили и тенденция к нему была очень слаба. Конечно связь со страной была потеряна, так как телеграфы, почта не действовали в виду хаоса творящегося в России. Там, как и на самом Северном Кавказе образовалось бесчисленное количество всяких правительств, которые воевали друг против друга и еще больше усиливали царящую неразбериху. Идущая лавой Кавказская армия расстроила совершенно всякий транспорт, разбивая все на своем пути и действовала, как в завоеванной стране. Делалось все возможно Краевым правительством, что бы поскорее спровадить эти вооруженные банды и сохранить порядок. С трудом и с помощью организованных отрядов это удавалось. Хуже всего было в Батуме, куда приходили наводить порядки миноносцы из Севастополя и где охотились за офицерами. Они наводили страх и ужас на всех. В Тифлисе я встретил капитана 2 ранга П., брат которого был расстрелян в Севастополе. Он рассказал мне о событиях и расстрелах. Рассказ его наводил леденящий ужас и напоминал худшие времена инквизиции, с ее пытками и издевательствами.

Через несколько дней, на Головинском проспекте, в сумерках, ко мне, боязливо оглядываясь вокруг подошел какой-то солдат в изодранной шинели, бледный и измученный. Я с трудом узнал в нем лейтенанта Р. Он был арестован в Батуме матросами и посажен в тюрьму, из которой он бежал спасаясь от расстрела. Теперь он пробирался в Баку, откуда хотел бежать за границу. Он же предупредил меня о том, что меня ищут и что бы я был осторожнее. Вскоре его слова подтвердились получением сведений из Севастополя о том, что искавшие меня матросы разграбили нашу квартиру и что я подлежу суду революционного трибунала. Новости, таким образом были не из радостных и надо было ждать, когда все немного поуспокоится. Прошел месяц. Не получая ничего более такого, что могло бы мне угрожать, я решил вернуться в Севастополь, пользуясь тем, что из Батума шел транспорт а Крым. Сфабриковав сам себе удостоверение с вымышленным именем и с печатями какой-то автомобильной роты армии, я с женой пустился в путь. По дороге я узнал, что выпущен декрет о вольнонаемной команде во флоте и стал считать себя таким образом освобожденным от военной службы. К моему счастью транспорт зашел в Феодосию. Как только я сошел на берег, судьба послала мне старшего лейтенанта Н., который с осторожностью предупредил меня о том, что мне появляться в Севастополе нельзя, что меня ищут и что мне грозит расстрел. Не теряя времени и приняв все меры предосторожности, мы решили сейчас же ехать за город на хутор к одним

знакомым, с просьбой меня приютить на время. Это нам удалось и таким образом я оказался в безопасности. Жена поехала в Севастополь разузнать в чем дело. Она собрала мне все сведения о положении и приехала сама ко мне. Положение было таково, что надо было остаться на хуторе и ждать.

Хутор на котором я жил с двумя молодыми людьми, юнкерами военных училищ, находился в трех верстах от города. С него был прекрасный вид на город и порт, откуда можно было наблюдать все происходящее. Временами я ходил в город, одетый в солдатскую шинель и делал наблюдения. Часто в порт заходили военные корабли под красным флагом, по преимуществу миноносцы, команды которых терроризировали население, грабили магазины и пьянствовали. Иногда для вящего устрашения жителей, хулиганствующие матросы занимались стрельбой из орудий наводя панику на город. В начале марта, с террасы домика я увидел, что с моря приближается какие-то суда не похожие на русские. Скоро мне удалось различить турецкие флаги. Они вошли в порт и встали рядом миноносцем "Пронзительный", который накануне пришел в Феодосию. Я не утерпел и надев свою дырявую солдатскую шинель пошел посмотреть в чем дело. Оказалось, что эти суда, транспорт и канонерка привезли военнопленных инвалидов для обмена.

Турецкие морские офицеры, в форме на немецкий лад прогуливались по городу, сопровождаемые матросами с "Пронзительного". Они чувствовали себя победителями. Это было ясно выражено на их физиономиях. Чувство обиды и горечи наполнили мое сердце при виде этой картины. Мысли одна за другой сверлили мой мозг. За что, почему? Почему эти наши враги, которые всегда и повсюду были разбиваемы нами на полях сражений, ходят победителями в русском непокоренном ими городе? В чем виноват я? За, что, как преступник, я должен скрываться и в рваном рубище бродить по улицам, что бы не быть схваченным и расстрелянным? Это в награду за то, что я, как все офицеры готов был неоднократно пролить свою кровь за счастье моего народа. Какой кошмар! В эти минуты, я искренне сожалел, что вражья пуля пощадила меня столько раз за три года войны. Лучше было бы не видеть всего этого, не испытывать этого чувства разочарования и обиды. Грустный и с самыми мрачными мыслями плелся я к себе на хутор. Наша жизнь на нем протекала далеко не спокойно. Зачастую банды всяких негодяев бродили вокруг, врываются в дома мирных жителей, делали обыски, грабили и убивали. Особенно грабежи и обыски были часты, после того, как отряды бандитов именуемых себя революционной армией, проходили через Феодосию после отступления от Одессы. Это было вскоре после заключения Брест-Литовского мира. Немцы, несмотря на этот похабный мир двигались на Украину. Большевистские войска, вернее банды разбойников, на транспортах двинулись в Феодосию и заполонили весь город. Они заняли все учреждения, казармы, виллы и терроризировали город и окрестности. И днем и ночью по городу шла стрельба, грабежи и обыски. Мирное население скрывалось где кто мог. То были ужасные дни. Надо было быть все время начеку и готовым защитить свою жизнь. Газеты, которые мы доставали с трудом, они были конечно большевистскими, так как никакой другой печати не существовало, говорили о продвижении немцев, об образовании новой революционной красной гвардии, долженствующей защитить свободу. На самом же деле эта красная гвардия удирала во все лопатки и немцы шли вперед без всякого сопротивления со стороны красной армии. Мы видели это собственными глазами. Оставалось только ждать и надеяться, что русский народ образумится.

Между тем в Севастополе и Крыму произошли следующие события. В январе в Крыму произошло так называемое татарское восстание. Небольшая часть татарского населения, под руководством офицеров и солдат, скрывавшихся в горах

от большевиков, объединилась в целях самозащиты и противодействия грабежу и насилию. Конечно большевистские заправилы представили это, как контрреволюцию. Были составлены отряды из судовых команд и рабочих порта с насильно поставленными под угрозой смерти офицерами флота, которые двинулись вглубь полуострова для усмирения. Слабые отряды восставших не могли сопротивляться долго и рассеялись. Это событие послужило поводом к новым поголовным арестам и расправе. Севастопольская тюрьма беспрерывно наполнялась. Один из арестованных ранее офицеров, так рассказал мне о событиях происшедших в феврале, вскоре после этого восстания: - "Мы, "старые" арестанты, образовали свой маленький Красный крест и поддерживали вновь прибывших провизией и морально. "Товарищи в ленточках", матросы и некоторые рабочие, занимавшие караулы в тюрьме, всячески издевались над нами и не раз грозили расстрелять нас, но пока все обходилось благополучно. Начался суд, вернее расправа "революционного трибунала". Судили в Морском собрании и приговоры в большинстве случаев выносились беспощадные. Мы, заключенные жили дружной семьей: читали, пополняли свои знания, особенно иностранные языки, играли в шахматы и военно-морскую игру, спорили о текущем моменте, пилили дрова, топили печи, составили приличный хор, пели по праздникам в тюремной церкви и с нетерпением ждали дней свидания с близкими. Эти дни для нас были особенно дороги. Каждый из нас в течении 15 минут мог побеседовать со своими родными. После свидания мы делились между собой новостями, пока унылый звон колокола не возвращал нас к суровой действительности и нас запирали по камерам. Так протекала наша жизнь в тюрьме. Накануне кошмарной февральской ночи, после вечерней поверки, как всегда нас заперли по камерам. Часов до 11 в нашу камеру № 8, находившуюся против камеры № 4, долетал смутный говор запертых там и веселый, заразительный смех мичмана К., который часто нарушал мертвящую тишину тюрьмы. В 11 часов вся тюрьма затихла. Ничего не подозревавшие люди уснули.... , а под покровом ночи на кораблях решалось гнусное и ужасное дело... Там решалась судьба многих ни в чем не повинных людей. Подогреваемая кровожадными статьями, выходившей тогда в Севастополе интернациональных газет "Таврическая правда", "Путь борьбы" и речами Троцкого и других комиссаров, разнузданная банда матросов, "честь и гордость" революции, собрала свой митинг и дала "Ганнибалову" клятву уничтожить офицерство и буржуазию. Мы, пленники советской, коммунистической власти мирно спали, веря в заверения советских заправил, что нам не угрожает никакая опасность, а если таковая будет, Совет примет все меры к нашей защите. Мы мирно спали и многим из нас грезилась семья, воля, погибающий флот и милая наша, несчастная Родина. Мы спали, а участь многих из нас уже была решена... В 3 часа ночи, 20 февраля, ворвалась в тюрьму первая банда матросов. Она по списку потребовала пять заключенных. Комиссар по телефону запросил Совет, который в эту ночь заседал во дворце командующего флотом. Оттуда ему ответили, выдать тех кого потребуют матросы. В этом списке были контр-адмирал Львов и еще 4 офицера. Им связали руки назад и повели. По дороге к месту убийства их истязали, били прикладами, волокли за бороду адмирала Львова и всячески глумились. Расстреляв свои жертвы, негодяи продолжали их бить прикладами ружей. Мы, оставшиеся в тюрьме, ждали своей очереди. Мы простились друг с другом, наскоро написали письма родным. В 4 часа утра в тюрьму ворвалась вторая банда. Эти брали без списка, кто подвернется под руку. Взяли капитана 2 ранга В., подполковников Ш. и Я., лейтенанта П., мичманов Ц., Д. и К. и еще нескольких. Всем обреченным связали руки и они пошли на свою Голгофу, не прося пощады у своих палачей, только у юного мичмана Ц.,

выкатились две слезинки. Их увели, а нам, оставшимся сказали: - "Мы еще придем за вами". Минут через 15-20, глухо долетел в камеру звук нестройного залпа, затем несколько одиночных выстрелов и все смолкло... Мы ждем своей очереди. Тускло светит рассвет. в переплетенное решеткой тюремное окно... Тихо, тихо кругом. Мы лежим на койках и глаза наши то обращены к иконе, то на окно откуда медленно, медленно приближался рассвет. Что пережито нами в те минуты - не в силах описать ни одно перо. Но вот послышались шаги, говор... звякнули ключи, провизжал отпираемый замок и этот звук точно ножом кольнул в сердце. "Они, все кончено"... мелькнула мысль. Но это оказались надзиратели, которые выводили нас на поверку в коридор. Пустые и мрачные стояли те камеры, откуда вчера доносился смех юного мичмана... Казалось незримый дух убитых витал в них... Сколько в эту страшную ночь было убито народа, никто не знает. Утром грузовые автомобили собирали трупы и свозили их на пристань. Доверху наполненные телами убитых баржи выводились в море и там, с привязанным к ногам балластом бросались в воду.

В других портах Черного моря, хотя и не было массовых убийств, но одиночные расстрелы, как офицеров, так и мирных жителей имели место. Так погибло несколько десятков офицеров. Невероятный по жестокости случай произошел в Новороссийске в январе 1918 года. Команда эскадренного миноносца "Фидониси", схватила всех офицеров стоявшего там пехотного полка и зверским образом перебила всех. Трупы несчастных и тех из них, кто не успел еще умереть, живыми бросили в воду.

Крым, этот цветущий сад России, был подвержен грабежу и бесшабашному разгулу негодяев, на которых не было ни суда, ни управы. Конечно, участие в убийствах и грабежах принимала сравнительно небольшая часть команд Черноморского флота и те, кто по своему характеру были преступниками, остальные же, порядочные люди, уже давно покинули флот и ушли по домам или терроризированные, остались безучастными.

При такой обстановке полного развала прошла зима 1917-1918 годов. Несмотря на заключение Брест-Литовского "похабного" мира и победные реляции красной "революционной" армии, немцы двигались на юг России. "Храбрая", революционная армия бежала при виде наступающих германских войск, вернее даже при слухе, что они наступают.

В конце апреля германские войска вступили в Крым. Животный страх овладел большевиками и они заматались во все стороны ища спасения. Главные заправила захватив с собой деньги и украденные драгоценности заблаговременно удрали, оставив одураченных ими людей на произвол судьбы. И вот вскоре наступил тот момент, когда сами матросы увидели, что без помощи униженных и преследуемых ими офицеров, они обойтись не могут. Все чаще и чаще стали на судовых митингах голоса, что власть нужно отдать адмиралу и офицерам и что только они могут спасти положение. Но, увы, это было запоздалое решение. В середине апреля в Морском собрании состоялось заседание Центрофлота, политических партий и командиров судов, на котором, конечно не могло быть принято какое либо определенное решение. Как только весть о приближении неприятеля дошло до большевистских кругов, они начали делать лихорадочные, но совершенно бессмысленные приготовления к защите Крыма на Перекопском перешейке. На самом же деле все это было сплошная бутафория, т.к. ни армии, ни власти не существовало. Совершенно растерявшиеся от страха большевики, распространили среди населения печатно и устно, слухи об удачных для них боях, о поражении империалистов и капиталистов, наступающих на Советскую республику вместе с офицерами и попами. В Севастополе начинается форменная

паника. Все пытаются найти какую-то власть и не находят. Вчерашние коммунистические кумиры исчезли. Центрофлот и другие большевистские учреждения готовились к бегству и потеряли среди матросов и рабочих всякий авторитет. Наконец 29 апреля, на линейных кораблях "Свободная Россия" и "Воля" команды решают обратиться с просьбой к адмиралу Саблину, взять власть в свои руки. Матросы дают клятвенное обещание исполнять беспрекословно приказания адмирала и в случае нужды принудить к повиновению, огнем 12 дюймовых орудий непокорные суда. Но видя безнадежность положения адмирал Саблин сначала колеблется, не веря командам, потом решает принять командование. Он надеялся спасти суда путем украинизации и приказал поднять на кораблях украинские флаги. При вступлении германских войск в Малороссию (Украину), там образовалось новое правительство гетмана Скоропадского, которое было под влиянием и контролем германского командования, но которое считалось "независимым" государством. Вот почему адмирал Саблин решился на украинизацию флота и одновременно послал правительству Украины и германскому командованию телеграмму с просьбой приостановить наступление на Крым и в то же время послал парламентариев для переговоров. Ответа на телеграмму, никакого не последовало и германские войска через некоторое время уже подошли к Симферополю. Переговоры парламентариев не привели ни к каким результатам и немцы продолжали движение на Севастополь. Между тем приказ адмирала о поднятии украинского флага было исполнено дредноутами и частью миноносцев. Большая часть миноносцев осталась под красным флагом и готовилась выйти в море. Попытка офицеров уговорить команды к повиновению, не привела ни к чему. Тогда, что бы избежать кровопролития и возможного разгрома города, адмирал сам приказал непокорным миноносцам выйти в море, что и было ими исполнено. Дредноуты и часть оставшихся миноносцев сгрушировались на Северном рейде, ожидая приказаний.

30 апреля германские войска подошли к Севастополю и установили полевые батареи на Северной стороне.

При подходе немцев, Севастополь опустел. Все грабители, жулики, именовавшие себя защитниками революции, бросились бежать. В городе осталось мирное население, которое жаждало покоя и безопасности. Кто бы ни пришел в эти страшные дни, но кто бы мог дать порядок, ему были бы рады. Так было и с приходом германцев. Адмирал Саблин, видя невозможность никаких переговоров, приказал эскадре сняться вечером. Как только линейные корабли дали ход, германские батареи открыли по ним огонь, освещая рейд световыми ракетами. Несколько снарядов попали в "Свободную Россию" и ранили 3 матросов. Выпешшие перед этим на рейд подводные лодки, поспешно вернулись назад, т.к. команда их начала митинговать, а кроме того на лодках было очень мало хороших офицеров, без которых матросы боялись выйти в море. На них за время революции осталась по преимуществу неопытная молодежь, которая не умела погружаться и маневрировать. Все лодки вернулись к своей базе и были сейчас же брошены командами, разбежавшимися во все стороны.

Утром 1 мая германские войска вступили в Севастополь. Они с музыкой прошли по пустынным улицам города. Никто их не встречал и не приветствовал. Но в этот день каждый мирный житель вздохнул облегченно, зная, что в эту ночь никто не придет его ограбить или убить.

Между тем, согласно приказа адмирала, все суда покинувшие Севастополь пришли в Новороссийск. Эскадра состояла из судов построенных за время войны и представляла из себя лучшие единицы Русского Черноморского флота. Все старые суда остались в Севастополе, покинутые командой. Эскадренный

миноносец "Гневный", который при попытке ухода выскочил на берег на рейде, был взорван и всем своим корпусом лежал на берегу.

Что касается личного состава ушедшей эскадры, то офицеров на ней было сравнительно немного, т.к. часть офицеров была убита, часть блуждала в Крымских горах, часть пробралась на Дон, где образовалась Добровольческая армия, а часть осталась в самом Севастополе. Матросский состав так же значительно поредел. Много старых матросов ушло по декрету, по которому флот переходил на вольнонаемную систему. На судах по преимуществу оставались матросы призыва последних годов, которые были самым ненадежным элементом во всех отношениях. Новороссийск, куда перешел флот, был хорошим портом Северного Кавказа, но совершенно не приспособленным для стоянки военного флота.

Перед приходом на Северный Кавказ, образовалась Черноморско-Кубанская Республика, которая ничего кроме названия не имела и в которой творился тот же хаос, что и во всей России. В самом городе скопились эшелоны красноармейцев бежавших из Одессы и Крыма при наступлении немцев. Это были просто бандиты, награбившие в досталь на юге России, намеревавшиеся пограбить еще в Новороссийске и на Кавказе. Население несчастного города с ужасом ожидало прихода флота под красным флагом. Оно с ужасом вспоминало посещение порта большевистскими кораблями, зверские убийства, грабежи и погромы и поэтому от прихода эскадры ничего не ожидало, кроме плохого.

Между тем последние события в Севастополе и переход в Новороссийск несколько отрезвил команды. Матросы увидели, что в критическую минуту их вожаки, забрав деньги, исчезли, бросив их. Они на опыте убедились, что те кто произносил пышные речи, призывал их к защите свободы, клеймил офицеров, оказались попросту мерзавцами. Те же, кого они сами преследовали и убивали, в трудную минуту, оказались вместе с ними.

Настроение команд судов совершенно изменилось и они начали заметно править. На одном из кораблей, в первых числах мая собрались все командиры, комитеты судов и представители команд и общим голосованием просили адмирала Саблина. Он согласился при условии поднятия на на кораблях Андреевского флага и уничтожение всякого выборного начала. Адмирал произнес на этом собрании перед командой речь, которая произвела большое впечатление на присутствующих.

"Принимая власть, - говорил он, - "на этих условиях, я при поддержке команд надеюсь привести суда в боеспособное состояние, но спасти флот не берусь и не могу, так как это зависит не от меня. Спасти флот можно, только имея хоть небольшие, но дисциплинированные сухопутные войска, которые могли бы защитить Новороссийск с суши в случае наступления немцев. Войск же таких нет и получить их неоткуда... Сейчас, вот, вы обратились ко мне и офицерам, тем офицерам, которых вы расстреливали, унижали и оскорбляли. Офицеры эти в количестве не многим более сотни, забыли все и бросив свои семьи ушли с вами дабы спасти корабли. Вот, как сильна в них любовь к России и преданность родному флоту. Так уважайте же и берегите своих офицеров. Теперь вы сами видите, куда вас завели красные лозунги и фразы излюбленных вами революционных вождей, ваших кумиров. Наступила тяжелая минута, и ваших кумиров нет с вами. Где они? Покинутые ими, вы вновь обращаетесь ко мне, больному изможденному старику и просите спасти. Должен вас предупредить, что против офицеров и в частности против меня будет вестись агитация. Уже сейчас есть среди вас подлые гады, которые начинают свое дело, но вы должны сами вырвать их из своей среды.

Да здравствует наша дорогая, истерзанная, несчастная Россия! Да здравствует славный Андреевский флаг!

С этого дня, на эскадре водворился обычный, старый порядок. Эскадра взяла в свои руки охрану города и совершенно очистила его от красноармейцев и всякого вредного элемента. Суда начали краситься, чиститься, ремонтировать механизмы и заниматься учениями. Между матросами и офицерами отношения были прекрасными. Как характеристикой царящего настроения, может служить следующий факт. В Новороссийской тюрьме сидели пленные Корниловские офицеры в количестве 49 человек, которые с приходом эскадры ожидали для себя верной смерти. Матросы узнав об этом, немедленно их выпустили и предложили желающим поступить на суда, оказывая им особое внимание.

На всякий случай окрестности города начали укрепляться и в некоторых пунктах были установлены крупные орудия, снятые с судов. Между тем политические и военные события шли своим чередом. В следствии полной отрезанности Новороссийска от внешнего мира, адмирал не мог знать в точности, что происходит и принужден был питаться, только лишь слухами. Такое положение крайне тяжело отзывалось на всех. Самые разнообразные слухи доходили до города и нервировали состав эскадры. Говорили, что немцы наступают на Кубань, что они заняли Грузию и двигаются на Северный Кавказ, где сражалась Добровольческая армия. Вся страна была охвачена пожаром междоусобной войны. Москва молчала.

Спустя некоторое время, по приходе эскадры, адмиралом была получена от германского фельдмаршала Эйхгорна следующая телеграмма: "Новороссийск, адмиралу Саблину. Суда бывшего Черноморского флота, находящиеся в Новороссийске, не раз нарушали Брест-Литовский мирный договор и принимали участие в борьбе против германских войск на Украине. Потому никакие дальнейшие переговоры немислимы до тех пор пока суда не вернутся в Севастополь. Если это условие не будет исполнено, то германское верховное командование на Востоке будет считать себя вынужденным продолжать наступление по побережью. Эйгорн".

И действительно, после этого все чаще и чаще перед портом появлялись подводные лодки и над городом летали германские аэропланы. Адмирал в ответе сообщил фельдмаршалу Эйгорну, что у порта и берегов есть минные заграждения и что возможны несчастные случаи. Ответа на телеграмму не последовало, но появления лодок и аэропланов сделались значительно реже.

Прошло некоторое время и смолкнувшие было большевики подняли голову и принялись снова за пропаганду против офицеров. Первое время она не производила никакого впечатления, пока обстановка не приняла другой оборот.

В начале июня, из Петрограда прибыл член морской коллегии, бывший матрос и привез секретные документы. Адмирал познакомил с содержанием документов нескольких высших офицеров и решил после этого ехать в Петроград, выяснить положение и достать снабжение для эскадры, в котором она крайне нуждалась. В командование эскадрой вступил командир линейного корабля "Воля", капитан 1 ранга Тихменев. Новый командующий собрал флагманов эскадры и сообщил им содержание документов. В этих документах, подписанных Лениным, Троцким и начальником генерального штаба, содержалось приказание потопить флот и никакого пояснения событий и обстановки не давалось. Поэтому командующий, за подписью всех флагманов эскадры послал следующую телеграмму: "Москва. Ленину и Троцкому. Совет флагманов собравшийся 7 июня на лин. корабле "Воля", ознакомившись с секретным докладом Морского Генерального штаба и предписанием за №, постановил: ввиду того, что никакая

реальная опасность от наступления германских войск со стороны востока, так и Керченского пролива Новороссийску не угрожает, то корабли уничтожать преждевременно. Попытка отдачи такого приказа будет принята за явное предательство".

В это время до эскадры уже дошли слухи о казни в Москве капитана 1 ранга Щастного, командующего Балтийским флотом, за то, что он не исполнил аналогичный приказ большевиков и спас флот, переведя его из Гельсингфорса в Кронштадт. 10 июня командующим был получен целый ряд телеграмм, из которых было ясно, что германское командование предъявило ультиматум о переводе эскадры в Севастополь к 19 июня. Затем была прислана из Москвы, за подписью Совнаркома открытая телеграмма с приказанием перевести эскадру в Севастополь и одновременно зашифрованная следующего содержания: "Вам будет послана открытая телеграмма - во исполнение ультиматума идти в Севастополь, но вы обязаны этой телеграммы не исполнять, а наоборот уничтожить флот". Не могло быть сомнения, что "рабоче-крестьянское" правительство ведет нечестную игру и ради каких-то таинственных целей, хочет утопить эскадру. Когда об этой телеграмме стало известно командам негодование их не было конца. Но нашлось и много таких, которые были за исполнение приказа и потопление судов. Раскол начался. Наладившиеся было жизнь и порядок - нарушились. Начались беспрестанные заседания и митинги на кораблях. Большевистские агитаторы работали во всю. Эскадра была страшна для большевистских заправил, так как находилась под влиянием офицеров. Нужно было ее уничтожить. Немцам это тоже было на руку. Проклятая пропаганда коммунистов велась так сказать на возбуждении национального чувства: "Как отдать корабли врагу?!"... На самом же деле это было совсем не то, они просто преследовали свои цели и только.

Командующий эскадрой пытался выйти из положения и спасти корабли. Но откуда можно было ожидать поддержки и помощи... Неясность обстановки и моральное потрясение личного состава до предела усложнили положение. Тогда командующий путем тайного голосования всего состава, решил выяснить судьбу эскадры. Подсчет голосов дал 900 за возвращение в Севастополь, за уничтожение судов 450 и 1000 человек не высказались ни да, ни нет. Мнения офицеров тоже разделились и образовалась небольшая группа, которая ратовала за потопление эскадры. Это еще больше усилило смятение среди матросов и большинство из них совсем потеряли голову.

На последнем состоявшемся собрании, команды потребовали разделить деньги находящиеся на судах, в виду того, что судьба эскадры неизвестна. Назначенная финансовая комиссия постановил все выдать жалование за пять месяцев вперед и кроме того, еще пособие в зависимости от числа лет службы.

Несмотря на то, что большинство команд высказалась за переход эскадры в Севастополь, среди оставшегося меньшинства и воздержавшихся, пропаганда большевиков делала свое дело. Какой же в действительности нужен был выход из создавшегося, крайне сложного и запутанного положения. Военная история мира не имела подобного случая. Никогда в истории народов не было положения, в котором оказалась несчастная Россия. С одной стороны не выполнить ультиматум Германии и утопить корабли, значит дать ей право занять наиболее богатые области России и следовательно усилиться. С другой стороны возвращение в Севастополь было противно военной традиции. Если бы немцы исполнили своего слова и забрали бы корабли, Что могла дать им эта крохотная, в сравнении с морскими силами союзников, эскадра, да еще в запертом Черном море? Усилила бы эта эскадра немцев на море - конечно нет. Между тем потопление лучших кораблей было бы непоправимым ударом для России на юге. Здравый смысл

требовал вести корабли в Севастополь. Кроме того, ход военных событий и истощение Германии, не оставляли сомнения, что она проиграла войну.

Последующие события на эскадре сложились следующим образом. Командующий приказал к утру 16 июня подготовиться к походу. В этот момент все суда стояли у пристаней и у мола. Поэтому всякому желающему можно было войти на любой из кораблей, что и способствовало на многих судах, особенно на миноносцах, успеху пропаганды и блужданию умов. Между тем весть об уходе эскадры облетела город и тысячная толпа народа, подогреваемая большевиками направилась в порт, с плакатами, песнями и пр. с явно выраженным намерением помешать уходу судов.

Видя такое положение, часть командиров миноносцев отошла от пристаней. За ночь многие из команд не желавшие идти с кораблями, ушла на берег, причем это были по преимуществу те, кто имел за собой, что либо преступное и поэтому боявшиеся возвращения. Многие уходили, возвращались и снова уходили. Толпа всякого народа, ринувшаяся в порт, проникла на миноносцы, стоявшие у пристаней и уже покинутые командой. и принялась их грабить. Линейные корабли развели пары, но еще продолжали стоять у мола. Несколько агитаторов из толпы пробрались на "Свободную Россию", которая не убрала сходни, следствием чего менее устойчивая команда последней, под влиянием речей агитаторов, в подавляющем числе покинула корабль. Видя, что положение становится критическим, и что команды на судах, решивших идти в море начинают колебаться, командующий сигналом приказал вытягиваться на рейд. По сигналу вышли на рейд линейный корабль "Воля" (брейд-вымпел), эскадренные миноносцы: "Поспешный", "Дерзкий", "Беспокойный", миноносец "Живой" на буксире с "Жарким", оставленным командой, гидрокрейсер "Троян" и эскадренный миноносец "Пылкий". Все эти суда встали на якорь на внешнем рейде. Пока они стояли там, к ним непрерывно на шлюпках и катерах подходили различные типы, пытаясь уговорить команды вернуться, но безуспешно. Поздним вечером из порта вышел эскадренный миноносец "Громкий" с несколькими человек команды и командиром, имея намерение затопиться. На предложение его взять на буксир, командир ответил, что он сам дойдет до того места куда ему нужно и пройдя немного, открыл кингстоны и медленно погрузился на дно. Попытка вывести дреднот "Свободная Россия", оставленный командой не увенчалась успехом, так как пароход "Херсон", отказался его буксировать под влиянием пропаганды. К ночи эскадра, не дожидавшись выхода остальных судов вышла в море. По уходе части эскадры, в Новороссийск приехал комиссар, присланный из Петрограда для уничтожения судов. Он произносил демагогические речи, стараясь доказать, что в потоплении флота виновато кадровое офицерство, что оно же виновато в заключении Брест-Литовского мира и прочую ложь, на которую способен человек лишенный чувства порядочности. Он руководил потоплением оставшихся судов. Линейный корабль "Свободная Россия" был отведен на глубину 26 сажен и утоплен минным залпом с миноносца "Керчь". Остальные миноносцы и несколько транспортов были выведены на внешний рейд и все затоплены на небольшой глубине. Так кончились трагические дни для Черноморского флота. Что пережили и перечувствовали русские морские офицеры в эти мрачные дни, может понять только тот, кто любит свой корабль и кто посвятил свою жизнь флоту. Утром 19 июня меньшая часть Новороссийской эскадры пришла в Севастополь. Немцы встретили ее, приняв все предосторожности на всякий случай. Они сняли замки с орудий, отобрали оружие, но не взяли корабли. Они остались стоять под Андреевским флагом в глубине Южной бухты с тем личным составом, который пришел на них.

Между тем в Феодосии, которая была совершенно отрезана от внешнего мира и питалась, только слухами, самыми разнообразными и противоречащими друг другу, во второй половине апреля наступило некоторое затишье. Наводнявшие ее до этого времени красные бандиты стали исчезать с поразительной быстротой. Мирное население города и окрестностей могло вздохнуть свободно и спать спокойно. Все чаще и упорнее стали носиться слухи, что в Крым идут отряды гайдамаков,двигающихся с Украины. О немцах не говорили совершенно и поэтому у всех было убеждение, что на днях мы увидим украинские войска. Город готовился их встретить с цветами, как своих освободителей. На душе у всех было радостно и легко. Южная весна, наступившая, как-то сразу усиливала это праздничное настроение населения. В конце месяца, выйдя ранним утром наружу я услышал звук мотора и вскоре высоко над собой увидел аэроплан. Он покругился над городом и исчез через несколько минут за верхушками Крымских гор. Трудно было судить, чей это аэроплан, но вид его навел меня на размышления. Я, как и все находился под влиянием царивших слухов и ни одной минуты не сомневался в том, что это был русский аэроплан, принадлежавший очевидно наступавшим войскам. Прошло два дня и вот ранним утром я увидел с холма,двигающийся отряд пехоты. Он находился еще далеко от города, но с трудом можно было разобрать, что это регулярная часть, совсем непохожая на те бесчисленные банды, которые мы видели за последнее время. Все население города высыпало на улицы, украсившимися национальными и украинскими флагами. - "Идут гайдамаки..." - слышалось повсюду, - "скоро они войдут в город... Слава Богу, наконец-то!". Народ радостно волновался. Прошло несколько времени томительного ожидания и наконец перед городом, на шоссе показался отряд всадников, который с осторожностью продвигался вперед. Вид всадников, в совершенно незнакомой форме, внес сразу какое-то смятение. Они были так непохожи на русских. Прошло еще несколько минут и перед широко раскрытыми глазами публики прошел германский разъезд. Радостный говор стих, приготовленные букеты цветов сразу же куда-то исчезли и толпа народа, озираясь с недоумением, стала быстро расходиться. Через два часа улицы города были наполнены германскими войсками, ожидавшими расквартирования.

Горький осадок был в душе каждого россиянина, проходившего мимо развивающегося германского флага, над зданием, где размещалась немецкая комендатура, но чувство страха за себя, за жизнь своих сыновей, за честь своих дочерей, исчезла в душе мирного обывателя. Таково было настроение у всех, кто в течении полугода ничего, кроме грабежей, убийств и бесчестья не видел вокруг себя. На другой день утром я уехал в Севастополь. Когда поезд проходил по берегу Южной бухты, я увидел германский флаг на русских судах, покинутых, мертвых... На Северном рейде под флагом полумесяца стоял красавец "Гебен". Щемящая тоска, невыразимая боль в сердце и чувство незаслуженного оскорбления, овладели мною. Передо мной была пропасть, в которую рухнуло все, что было дорого, что красило жизнь, ради чего стоило жить и жертвовать собой. Над Родиной нависла мгла, надежда куда-то ушла далеко, далеко... и вера поколебалась. Куда идти? Что делать? Вот мучительные и неразрешимые вопросы, которые стояли передо мною в эти дни. Да и не только передо мною, но и каждым офицером, оставшимся без флага, без корабля. Осталось одно - Добровольческая армия. Но где она, что с ней...? Есть ли она наконец? В те дни мы не знали ничего.

Украинское правительство гетмана Скоропадского с помощью немцев пыталось водворить порядок в Малороссии, но конечно не имело за собой ничего, кроме бутафорских гайдамацких полков, очень малочисленных и чиновников сидящих в различных, многочисленных учреждениях. Киев был столицей Украины

и там было сосредоточено все управление. Было даже Морское министерство, так как Одесса и Николаев входили в состав Украины, но кораблей, за исключением нескольких тральщиков не было. В Морском министерстве были те же русские морские офицеры, из которых почти все смотрели на Украинское государство, как на нечто временное и искусственное, явившееся следствием событий и долженствующее стать снова той же Россией, когда водворится порядок в стране и исчезнут большевики. Говорить об ориентации на Германию было смешно. Просто с германской оккупацией мирились, как с неизбежным и кратковременным. Огромная масса морских офицеров осталась без средств к существованию и перебивалось, что называется с хлеба на квас, имея случайный заработок. многим пришлось добывать себе и семье пропитание тяжелым трудом простого грузчика, поденщика и прочее. В эти тяжелые дни Украинское Морское ведомство пришло на помощь, занеся всех желающих офицеров в список резерва украинского флота и платя жалование, ничего не требуя взамен этого. Сначала из проформы хотели потребовать присягу Украинскому государству, на верность службы, но потом и этого не требовалось. Давали украинскими деньгами по 450 карбованцев, что было достаточно для самого необходимого. Словом это была поддержка без всякой задней мысли и с желанием помочь.

За время германской оккупации на юге России, германские военные власти, хотя и вели себя, как в завоеванной стране, но надо им отдать справедливость, держали себя корректно. Конечно они забирали все, в чем нуждались, особенно хлеб и продукты и пребывание их тяжким бременем ложилось на население, но все же это было лучше, чем наглый и безудержный грабеж красных. Они поддерживали порядок в взволнованной стране, содержа для этой цели огромное количество войска, которое приходилось снимать с фронта. Заняв богатую область России, немцы получили подкрепление в материальном смысле, что было крайне необходимо в их положении. Но, забирая продовольствие, они само того не замечая получали яд, который их отравил.

За время оккупации германское командование непрерывно меняло воинские части, которые приходили с фронта, как бы на отдых. За это время коммунистическая пропаганда сделала сразу свое дело.

Но видимо германские офицеры этого не понимали. Несколько из них я знал и в беседе с ними всегда говорил об этом и доказывал им, что они будут разбиты и скорее чем думают, несмотря на блестящее в этот момент, военное положение Германии. мое убеждение было таково, что все то, что произошло в России есть не только ее дело, но и дело всего мира, и что опасность коммунизма есть общая опасность, против которой нужно начать борьбу сейчас не медля, иначе Европа будет потрясена. Но в то время это все было лишь понятно для тех, кто видел коммунистов и знал их средства борьбы. Это средство было не оружие, а девиз: "Грабь и тебе ничего за это не будет". Естественно, что Германия, которая непосредственно коснулась революционной России, должна была получить значительную дозу коммунизма. Ее прекрасная, дисциплинированная армия не устояла против страшной заразы и поддалась.

Я не хочу сказать этим, что коммунистическая пропаганда была причиной поражения Германии, но это был удар для нее более сильный, чем вступление Америки в ряды союзников. Германия исчерпала свои жизненные силы до вступления Америки и война была ею проиграна окончательно, после того, как она подточила сама дисциплину своей армии, вступив в пределы России, зараженной коммунистическим ядом. Утомленному войной народу надо было немного, что бы сломить его окончательно и этим немногим и была оккупация юга России.

Что касается использования германскими морскими властями, оставшихся в Севастополе русских военных судов, то ими были взяты 2 маленьких миноносца, 2 подводные лодки, на которых немцы, как ни странно не могли погрузиться. Мне неоднократно пришлось видеть попытку погрузиться на наших лодках германскому составу, с помощью крана, который концами поддерживал лодку. Картина была довольно комичная. Из этих попыток ничего не вышло и дело кончилось тем, что немцы их оставили, сделав несколько походов над водой.

Турки, по приходе в Севастополь, поспешили увести на буксире крейсер "Прут", бывший "Меджидие", находящийся еще с дореволюционного времени в ремонте и почему-то расхитили фотографическую лабораторию флота, в которой хранилось много интересных фотографий сделанных за войну.

Мастерские порта были конечно в распоряжении германского командования, но работали очень вяло и с постоянными забастовками. Что же касается портовых кладовых, в которых еще после господства большевиков было много ценного добра, особенно металлов и корабельных принадлежностей, то все это было забрано немцами.

В конце сентября, когда война была явно проиграна немцами, они совершенно внезапно, без всякого предупреждения и против данного обещания, заняли своими командами отряд судов пришедший из Новороссийска, удалив весь личный состав отряда. Через три дня на этих кораблях был поднят германский военный флаг. С невероятной быстротой на линейном корабле "Воля" они начали работать и приводить его в порядок. Ремонтировали машины, грузили снаряды, словом готовили корабль, выведя его на Северный рейд. Но этим дело и кончилось, так как им не пришлось им воспользоваться - война была кончена.

Во время германской оккупации, морским начальником, около которого группировались русские морские офицеры, был контр-адмирал Клочковский, бывший начальник подводной бригады. Он был в этот период времени украинским морским представителем в Севастополе. Роль его была конечно малозначащая, но к нему все обращались в случае нужды, так сказать по преемственности военного началья.

Надо сказать, что в это время в Севастополе была группа морских офицеров подводников, которая имела тайную организацию, цель которой заключалась в том, что бы в удобный момент захватить одну из плавающих подводных лодок и уйти на ней на Кавказ к Добровольческой армии. Дело вели осторожно, что бы не привлечь подозрения немцев. Организация эта работала, собирая состав лодки, для ее увода. Планировалось захватить лодку ночью, погрузиться на месте и выйти под водой из Севастополя. Почти все уже было готово, как совершенно внезапно адмирал Клочковский призвал предполагаемого командира "Тюленя", капитана 2 ранга Погорецкого и сообщил ему, что германское командование передает подводные лодки русским морским офицерам и просит занять их в этот же вечер. Так как почти весь состав был у нас подготовлен, то мы немедленно, через час явились на подводную лодку и заняли ее. Она была уже покинута германским составом. С невыразимой радостью мы все явились на свое старое "пепелище", правда наполовину уничтоженное и с поспешностью принялись за работу. Через день у нас уже работали машины и велась зарядка аккумуляторов. Другие суда были также возвращены и укомплектовывались малочисленным, сборным составом, по преимуществу из офицеров.

Между тем, среди немцев что-то происходило. Мы еще не знали, что на фронте происходят какие-то события, так как прессы, за исключением случайной и совершенно неосведомленной не было. Немцы естественно ничего не печатали.

Здесь нам пришлось наблюдать вновь те же картины, которые мы сами видели и пережили. Германские матросы и солдаты, дотоле дисциплинированные, ходили по улицам в небрежном виде, устраивали митинги, местом которых было наше Морское собрание, которое было занято германскими офицерами. Их уже там более не было. По собранию шатались германские матросы, гадалки и бесчинствовали. Для нас было достаточно видеть это, что бы все понять. Ясно, что в Германии революция и война проиграна. Коммунисты заработали вовсю. Я не скажу, что все мы злорадствовали, но были довольны в душе, видя, как наши недавние враги гибнут. Чувство это было естественно и нельзя за него упрекнуть. Слишком было много нами было пережито и перенесено за это время. Но, когда, через несколько дней, к нашей базе пришли четыре германские подводные лодки, вернувшиеся из Константинополя и в глубокой тишине спустили свои победоносные флаги, мы поняли чувства, переживаемые в этот момент германскими офицерами и разделяли их. Что бы там ни было, но они были враги достойные уважения.

Германские войска покидали Севастополь. На смену им должна была вскоре придти союзная эскадра. В октябре, первым пришел в Севастополь английский легкий крейсер "Кантерберри" с миноносцем. Это были разведчики. Много возлагало на приход союзников, утомленные русское население. Их ждали, как манны небесной, будучи уверенными, что они помогут в трудном положении, что они поймут его и не забудут кровь миллионов русских солдат, пролитую вместе, от которой уже захлебнулась Германия. Но так только мечтали наивные русские люди. Действительность же была иной. Через несколько дней по приходе союзников, они взяли русские военные корабли и подняли свои флаги и горсточка русских морских офицеров, которая оставалась всегда верными идеям союза и борьбы до конца, принуждены были уйти со своих кораблей. Зачем и кому это было нужно. Даже греки, которые ничего, кроме плохого не сделали за время войны для союзников, взяли два миноносца. Почему-то и они в качестве победителей пришли в Севастополь Не ждали этого русские офицеры. Это было тяжким моральным ударом для всех. Только сплоченная, небольшая группа подводников отстояла свой подводный дивизион и ни одна из лодок не была взята. Мы оказали такое сопротивление и настойчивость вплоть до угрозы потопить свои лодки, что англичане и французы оставили нас в покое. Англичане ограничились тем, что сняли некоторые части, которые не имели существенного значения и испортили намеренно незначительную часть аккумуляторов, исполняя приказание свыше. Когда же французы пришли с целью взять наш "Тюлень", который был возрожден нашими руками, они встретили такое отчаянное сопротивление с нашей стороны, что должны были отступить. Надо отдать справедливость, что это нам удалось благодаря энергии и настойчивости нашего командира, капитана 2 ранга Погорецкого, который ездил к английскому и французскому адмиралам и настоял на своем требовании. Но тем не менее, мы все таки оставались под известным контролем. Так, когда нам захотелось первый раз выйти в море, на пробу, нам на всякий случай прислали английского морского офицера, очевидно опасаясь того, что вдруг мы, что ни будь предпримем против союзных кораблей. Мы же только думали и мечтали, как бы возродить наш флот от большевистского и немецкого погромов. Время шло, Добровольческая армия заняла Новороссийск и в январе "Тюлень" вышел туда с целью связаться с армией и служить ее интересам, как единственной реальной силой борющейся против большевиков. Но далеко не все так понимали ее задачу. В это время в Крыму образовалось свое правительство, которое держалось до известной степени сепаратистских тенденций и связь с армией налаживалась туго. Мы же понимали отлично

обстановку, но ничего сделать не могли, так как Севастополь был единственным портом, в котором мы могли найти все, что нужно было для нашего существования. Наступила весна 1919 года. К этому времени большевики заняли Украину, по уходу оттуда немецких войск и продвигались к Крыму. Союзное морское командование, которое мало разбиралось в обстановке создавшейся в России, но явно опасавшееся большевиков решило покинуть Севастополь.

Перед угрозой нашествия на Крым большевиков, небольшой отряд национальных русских войск занял позицию у Перекопского перешейка. Для помощи ему с моря посылались по очереди кое какие суда, по преимуществу вооруженные буксиры и катера. "Тюлень" в марте месяце был послан в Азовское море для поддержки небольшого сухопутного отряда находившегося на Арабатской стрелке. Нам пришлось действовать во льду, перенося все лишения из-за недостатка снабжения и провизии. Одновременно с нами, находился в Азовском море французский миноносец "Дехортер", который много помог своей артиллерией против занятого красными Геническа. В апреле выяснилось, что нам придется покинуть Севастополь, так как средств к защите Крыма не было. Отряд защищавший Арабатскую стрелку отступил к Керчи и там задержался. Мы с "Тюленем" вернулись в Севастополь. В это время туда прибыл адмирал Саблин, который принял на себя командование отрядом судов образовавшимся за это время. В этот отряд входил крейсер "Кагул", канонерская лодка "Кубанец", подводная лодка "Тюлень" и несколько вспомогательных судов. Адмирал Саблин в середине апреля получил приказание от союзного командования покинуть Севастополь, который вскоре должен был быть переданным большевикам. При помощи транспортов были отведены на буксире некоторые миноносцы и подводные лодки "Утка" и "Буревестник". Все большие суда, не способные двигаться остались в Севастополе. Причем на них, по приказанию английского командования были взорваны машины, а оставшиеся подводные лодки: "Кит", "Нарвал", "Кашалот", "Орлан", "Краб", АГ-21 и четыре малых лодки были выведены англичанами в море и утоплены на большой глубине. Крепостные орудия все были подорваны французским командованием. Между прочим французы задерживались в Севастополе главным образом потому, что линейный корабль "Мирабо", который выскочил в январе на отмель у Северного рейда, хотя уже и был снят с мели, но еще не был готов к переходу на буксире. Красные уже в это время продвинулись к Севастополю и вели переговоры с союзным командованием.

После полудня, 16 апреля мы вышли из Севастополя, имея на борту "Тюленя" жен и детей. К счастью погода была хорошей и наши пассажиры прекрасно перенесли переход. В море встретили крейсер "Кагул" под флагом адмирала Саблина, который держался в море, ожидая прохода всех вышедших из Севастополя судов. Город и порт были запружены беженцами, ушедшими из Крыма, которые располагались повсюду, даже на улицах, из-за неимения помещений. Для наших дам и детей были устроены временные помещения на подводных лодках "Утка" и "Буревестник", в ожидании лучших времен. Ко времени нашего прихода Новороссийск был уже прочно занят Добровольческой армией, победоносно сражающейся с красными и двигающейся с боями на север России. Ставка и центр управления были в Екатеринодаре, где имел пребывание генерал Деникин, главнокомандующий армией. По мере развития успехов армии, положение крепло вообще и давало некоторую уверенность в будущем. Поэтому вскоре, после прибытия в Новороссийск, оставшиеся суда Черноморского флота стали приводиться в порядок и укомплектовываться составом. Состав этот был по преимуществу из учащейся молодежи и казаков. С трудом офицерам удавалось их

учить и натаскивать для обслуживания кораблей. Прошло порядочно времени, пока все наладилось и было положено много энергии со стороны кадровых офицеров, что бы приучить эту зеленую молодежь к уоду за механизмами и аккумуляторами. Но вера и желание великие двигатели и дело обучения двигалось вперед большими шагами. Через 6 недель уже был создан дивизион подводных лодок, в составе "Тюленя", "Буревестника" и "Утки". Я получил в командование "Утку" и всю свою энергию и любовь вложил в то, что бы в самый короткий срок привести ее в надлежащий вид. С помощью подобранных мною офицеров, это нам удалось сделать очень скоро и через две недели "Утка" могла выйти в море. Конечно многое нужно было сделать и особенно напрактиковать состав, но на это требовалось время и плавание. Между тем общее положение сводилось к следующему: Добровольческая армия, вместе с казачьими войсками Дона и Кубани занимала весь Северный Кавказ и продвигалась на юг России. Оставшийся в Крыму, около Керчи отряд оправившись, двинулся вперед, в глубь Крыма, отесняя красных. В этот период времени, англичане поддерживали Добровольческую армию, помогая продовольствием и снабжением и поддержкой своего флота, двигающихся по побережью русских частей. Конечно делалось это не ради прекрасных глаз, а главным образом за нефть, которую англичане забирали на Кавказе в изобилии. Грузия находившаяся в тылу Добровольческой армии, разыгрывала из себя самостоятельное государство и недоброжелательно относилась к Добровольческой армии, девизом которой было: Единая и неделимая Россия.

Такое настроение Грузии подогревалось искусственно теми же англичанами, что бы успеть вывезти побольше нефти, тем более, что крепнувшая Добровольческая армия могла бы помешать бесконтрольному вывозу нефти и вообще осложнить положение. Поэтому помощь англичан была постольку, поскольку и производилась в совершенно определенных рамках.

Сама по себе Добровольческая армия, которая в основе своей имела кадр идейных людей, своей жизнью искренне и беспредельно жертвовавших ради спасения Отечества, с продвижением вперед пополнялась элементом совершенно иного характера, которому были далеки идеалы этой воистину подвижнической армии. Лучшие люди постепенно гибли, а на смену им приходили те, кто не мог уже поддерживать священный огонь и считал, что своя рубаха ближе к телу. поэтому несмотря на внешний успех армии, ее нравственная сила и мораль стали быстро падать. Это проявлялось в насилии по отношению к населению и жестокостям, таким же, какие производились красными, но разница была в том, что красные были пролетариями, а белые в представлении простого народа были монархистами, которые идут отбирать землю. Естественно, что в толще народной, Добровольческая армия не встречала сочувствия и поддержки. Главнокомандующий понимал, что бы владеть положением в подобных обстоятельствах, которым история народов не знает примера, надо было быть сверхчеловеком.

Итак события шли своим чередом. В июне Севастополь и весь Крым снова был занят войсками Добровольческой армии, а вскоре и вся Украина. Суда флота перешли в Севастополь. Это был момент большого подъема среди всех. Казалось вот, вот скоро Россия воскреснет и сбросит с себя красное иго. С волнением и неизъяснимым чувством радости, приказал я отдать швартовы и под своими машинами вышел из порта. "Утка" бодро побежала по глади моря, рассекая своим острым носом голубую воду. Несмотря на неопытный состав, все ладилось и спорилось. Так бывает, только в момент особенного нравственного подъема, когда человеку легко перескочить, через все препятствия и трудности. Я захожу в Ялту,

на несколько часов, что бы дать своей молодежи, вкусившей впервые прелесть морского перехода, отдых в красавице Ялте. Она уже успела оправиться от проклятого красного кошмара и приветливо встретила нас. Потом Севастополь, Южная бухта и наше разрушенное подводное гнездо. Снова мы принялись налаживать его, стараясь из развалин и остатков создать нечто похожее на то, что было во время великой войны. Все работали самоотверженно и делали все, что было в силах. Флот, как бы стал возрождаться. Но мы сами видели, что долго, долго надо было ждать, что бы он походил на прежний Черноморский флот. Для этого прежде всего нужно было, что бы существовала Россия. Но ее не было. Была только лишь одна надежда и вера. Средств на поддержку флота отпускалось мало, все шло на армию. На флот смотрели, как на дорогую и пока ненужную игрушку. Главным образом поддерживались транспорта и вспомогательные, вооруженные суда, которые должны были действовать на реках и в Азовском море. Боевые же корабли едва поддерживались. К осени вернулись из-за границы суда уведенные союзниками: Линейный корабль "Воля", переименованный в "Генерала Алексева", "Алмаз" и миноносцы.

Между тем, после взятия Добровольческой армией Орла, она понесла поражение от натиска красных и покатила стремительно назад и все дальнейшие события приняли обратный характер. В порядке и с боями отступали только те части, которые сохранили свой кадр старых и закаленных добровольцев, а набранный и прилипший к армии элемент расценивался сам. Этому много способствовало и то обстоятельство, что на Украине появилось много всяких самостийных атаманов, которые действовали смотря по обстоятельствам, то с белыми, то с красными. А главным образом это были просто грабители, которые пользовались междоусобием и ловили, что называется в мутной воде рыбу. К январю 1920 года, остатки Добровольческой армии и казаков отступили на Дон. Там в тылу армии создавалась к этому времени неблагоприятная для армии обстановка. Недовольный элемент, который всегда существовал, подбодренный успехами красных и пропагандой зашевелился. Начались розни между казаками и они перестали существовать, как единая военная сила. Казаки целыми полками переходили на сторону красных и обнажали фронт. Движение красных было исключительно на Дон и Кавказ. Крым же держался крепко, имея возможность защищаться на перешейке полуострова. Таким образом, он являлся единственным краем, где расстроенная армия могла отдохнуть и набраться сил.

В марте выяснилось совершенно, что Кавказ должен был быть оставлен. В это время "Утка", как и почти все военные суда и транспорта была послана в Новороссийск и к берегам Кавказа для поддержки армии. Когда я прибыл в Новороссийск, то главнокомандующий Добровольческой армией и штаб находились уже там, имея пребывание в вагонах поезда. Я получил приказание встать, около поезда с целью охраны, так как положение становилось небезопасным. Отступающая армия двигалась к Новороссийску, откуда она должна была быть переброшенной в Крым. Порт был загроможден транспортом и военными судами англичан и французов. За время стоянки меня посылали несколько раз в Геленджик, для поддержки одной сухопутной части, обороняющейся против "зеленых", многочисленные шайки, которых действовали в горах, окончательно расстраивая тыл армии. Через несколько дней наступила агония Добровольческой армии. Никогда в жизни, я не забуду картины, которую нам пришлось видеть в последние дни в Новороссийске. К 12 марта, большая часть отступающей Добровольческой армии пришла в Новороссийск. Транспорта с поспешностью сажали войска и перевозили в Феодосию, как в ближайший порт Крыма. Разгружали их там и снова шли в Новороссийск. Их не хватало.

Английские и французские корабли брали на себя целые полки. 13 числа, вечером, я получил приказание встать в порту у первой пристани, так как ожидалось вступление красных. Ранним утром 14, я вывел из порта яхту "Забава" на рейд и оставил ее там, вернувшись на свою позицию. В горах шла артиллерийская и ружейная стрельба. В нескольких верстах от города, по линии железной дороги, блиндированные поезда отражали наступление красных. Английский дредноут "Император Индии", французские крейсера и наши миноносцы открыли огонь по наступающим красным. Как только я подошел к своему месту, из предместья города красная артиллерия открыла огонь по порту и сгруппировавшимся на молу войскам, которые не успели еще быть взяты. Я приказал открыть из своих двух 75 мм орудий огонь по предместью, там где были видны орудийные дымы. Порт уже опустел. Последним выходил "Пылкий" и тащил на буксире французский миноносец. Миноносец "Капитан Сакен", имея на борту главнокомандующего, генерала Деникина, несмотря на огонь продолжал брать на себя и баржу оставшиеся на молу части. Но их еще было много. Часть войск, видя, что судов уже нет, так как все были заполнены войсками, двигались по направлению в горы. Улицы города и пристани порта были завалены брошенными повозками, автомобилями, телегами. Сотни лошадей, брошенных у коновязей жалостно жались друг к другу. То там, то здесь вспыхивали пожары. Стрельба усиливалась. Одна какая-то, по видимому мусульманская часть, с зеленым знаменем стояла на конце мола и тщетно молила ее взять. "Утка" уже вышла в это время из порта. Перегруженный "Беспокойный" или "Пылкий", кажется успел ее взять. Сколько трагедии! Какие переживания испытали все! Это было почти полное крушение надежды на восстановление Родины. Что оставалось нам? Маленький клочок полуострова с разбитой и изможденной лишениями и беспрестанными боями, крошечной армией. Но этот клочок земли, еще существовал и вера не покидала нас. С эвакуацией остатков Добровольческой армии, генерал Деникин передал свою власть генералу Врангелю.

Имя генерала, барона Врангеля пользовалось большой популярностью в армии, как храброго, энергичного и способного человека. С гибелью Добровольческой армии, голос населения и остатков армии требовал его к власти. Он был единственный в этот тяжелый момент, который мог бы собрать и объединить остатки армии и защитить Крым. И генерал Врангель не обманул ожиданий. Буквально в несколько дней он спаял и создал снова Русскую белую армию и дав ей отдохнуть, снова повел против красных. В своей речи перед собранными войсками и населением Севастополя с подножия памятника адмиралу Нахимову, он не давал никаких обещаний, влил бодрость духа и надежду. Для измученных и утомленных людей это было много.

Между тем положение Крыма, без денег, без средств к дальнейшей борьбе, было безнадежно. Англия, которая кое-как помогала Добровольческой армии, отказала во всякой помощи и поддержке. Франция давала туманные обещания. Помощи ждать было неоткуда. При таких обстоятельствах, трудно было рассчитывать на успех в борьбе против красных, которые завладели всеми ресурсами России. Тем не менее борьба против коммунистов продолжалась. Это была отчаянная последняя схватка на краю пропасти. В течении семи месяцев, маленькая белая армия победоносно сражалась, пытаясь выйти на просторы южных полей из Крымской западни. С помощью флота генералу Врангелю удалось войти в Северную Таврию и держаться там. Но силы армии иссякали и достать новых было неоткуда. В тылу у него был крошечный Крым, а у красных необъятная Россия. Русскую армию неизбежно ожидала судьба Добровольческой армии.

В течении этого периода времени, флот играл большую роль в жизни и борьбе армии. Он значительно увеличился, организовался, несмотря на полный недостаток средств. Все делалось усилиями личного состава, который работал без усталости, в смысле поддержания его на боеспособном уровне. К моменту прихода к власти генерала Врангеля, командующим флотом был адмирал Герасимов, больше ученый, чем флотоводец. Начальником штаба у него был капитан 2 ранга Рябинин, человек не глупый, но видимо не понимавший положения. Непонятно, по каким побуждениям, капитан 2 ранга Рябинин собрал у себя младших офицеров кораблей и повел с ними беседу относительно текущего момента. Это было вскоре после эвакуации в Крым. В своей речи он довольно ясно намекнул на то, что положение безнадежно и что нужно быть ближе к красным. Такое выступление начальника штаба, без ведома командующего флотом и командиров судов, вызвало большое возбуждение. Генерал Врангель понял это, как коммунистическую пропаганду и принял крутые меры. Командующий флотом был отстранен от должности, а начальник штаба разжалован и выслан. Вся эта история не имела других последствий, т.к. выступление Рябинина явно не имело сочувствия среди офицеров, да кроме того командиры судов приняли немедленно меры со своей стороны и все было немедленно улажено.

Не успели еще позабыть о странном поступке капитана 2 ранга Рябинина, как во флоте произошло новое событие, которое взволновало всех. Событие это коснулось лично и меня и было для меня совершенно неожиданным и непонятным.

Ранним утром 29 мая, я был разбужен у себя дома стуком прикладов ружей и говором людей. Люди требовали немедленно открыть дверь. Первая мысль, которая пришла мне в голову, было то, что в Севастополе произошел большевистский переворот. Но вошедший в комнату офицер в сопровождении солдат, предъявил мне ордер контрразведки об обыске и моем аресте. Не понимая в чем дело, я предоставил ему обыскивать все, что он хочет, так как никаких компрометирующих меня бумаг, у меня не было. На вопрос обыскивающего офицера о том, что очевидно он имеет дело с лицом из противоположного, т.е. красного лагеря, я мог ответить лишь полным недоумением. После обыска офицер предложил мне следовать за ним на гауптвахту и приказал солдатам следовать за мной. Я просил его подождать до прихода моего старшего офицера, что бы отдать последнему свои распоряжения о корабле. Он согласился. Ощущения, которые я испытывал в этот момент были отвратительны. Более всего меня ужасала мысль, что я подозреваюсь в коммунизме. Это было обидно и больно. Переговорив со старшим офицером, лейтенантом З., я сказал офицеру, что могу следовать за ним и просил отпустить солдат, так как в них нет нужды. Вдвоем мы пошли на крепостную гауптвахту. Последняя была занята усиленным караулом, что дало мне повод думать, что аресты очевидно многочисленны. Меня ввели в камеру. Дверь захлопнулась и щелкнул замок. Терзаемый всяческими мыслями, я принялся ходить взад и вперед. Прошли сутки. На следующий день, случайно, через щель приоткрытой двери моей камеры, я увидел капитана 1 ранга Шуберта, командира дредноута "Генерал Алексеев", которого ввели в камеру противоположную моей. Это, как-то облегчило меня. Через несколько часов караульный офицер, который вошел ко мне в камеру, на мой вопрос, в чем дело, не слышал ли он, ответил: - "Монархический заговор", - и поспешно вышел из камеры. Я остался в полном неведении. Какой заговор? Я ни в каком монархическом заговоре не участвовал и совершенно отказывался понимать в чем дело. Только на третий день жена, которая была допущена меня навестить, осветила мне положение. Оказалось, что арестованы многие командиры судов по обвинению в монархическом заговоре.

Оставалось ждать пока все выяснится. На четвертый день моего сидения, поздним вечером ко мне в камеру вошел генерал судебного ведомства и начал меня расспрашивать относительно заговора. По тону его допроса, я видел, что это какая-то глупая история, учиненная юными офицерами, похожая на комедию. На все его вопросы, я мог только ответить, что ни в каком заговоре я не участвовал и слышу об этом первый раз, и что знал фамилии офицеров, участников заговора, которые он мне назвал, лишь понаслышке, так как они не принадлежали к кадровым морским офицерам. Допрос кончился тем, что славный старик мило со мною простился, сказав, что вероятно завтра меня выпустят. действительно, на следующий день утром меня выпустили из камеры. Заключенных по этому делу офицеров оказалось десятка два. Все мы были собраны в помещении гауптвахты, где присланный от главнокомандующего офицер, сообщил нам, что генерал Врангель приглашает нас сейчас же к себе во дворец. По дороге из разговора с командиром дредноута, капитаном 1 ранга Шубертом и капитаном 2 ранга Ч., я уяснил в чем дело. Оказалось, что несколько молодых офицеров, по легкомыслию, если не сказать больше, действительно составили заговор с целью объявить императором старшего лейтенанта герцога Лейхтенбергского, князя Романовского. Они устраивали собрания, с целью организовать монархического восстания на флоте. Это была просто мальчишеская затея, в которой никто из командиров, да и вообще из флотских офицеров не участвовал. Но они сами, от себя составили списки командиров судов, которые по их понятиям примут участие в восстании, что и послужило поводом к нашему аресту. Из кадровых офицеров, так сказать деятельными участниками были 2 или 3, а остальные все, были зеленая молодежь, которая конечно больше думала об эффекте, чем о сущности, да и вообще думала плохо. Но дело все в том, что раскрытие этого заговора совпало с моментом первого наступления русской армии против красных. Главнокомандующий находился в этот момент при армии и вполне понятно, что это его обеспокоило. В этот момент нужно было спокойствие и порядок в тылу, а тут еще какой-то заговор. В своем обращении к нам генерал Врангель выразил свое негодование, что конечно было не очень приятно для нас, бывших совершенно ни при чем. Но все дело разъяснилось быстро и нам было приказано вернуться к своим обязанностям. Молодежь же, которая готовила мантию новому императору, была попросту снята с кораблей и послана на фронт сражаться. Тем и кончился монархический заговор. Поднятая шумиха быстро улеглась. Все были заняты назревающими военными событиями. Хотя все это было совершенно несерьезно, но я, как и остальные арестованные офицеры, познакомившись поподробнее с делом, получил впечатление, что все это носило характер провокации, с целью создать затруднения тылу сражающейся армии и эти ослабить ее. Все это не имело влияния на организацию и жизнь флота, который продолжал помогать армии, в ее трудном деле. Значение флота в этот период усилилось. В течении лета неоднократно производились десантные операции в Азовском и Черном морях. Кроме того, целый отряд судов в составе дредноута "Генерал Алексеев", крейсера "Генерал Корнилов", миноносцев и вспомогательных судов был послан в Тендровский залив для действий против Очакова и Одессы. Маленькая армия делала героические усилия в борьбе с красными. Лично мне, с "Уткой" приходилось много плавать, исполняя всяческие боевые задания, проводя недели под Очаковом и Одессой. Несколько раз меня посылали на Кавказ, откуда доходили сведения, что в горах против красных оперируют разрозненные отряды казаков. Их нужно было поддерживать боевыми припасами и оружием. Для характеристики плавания вверенной мне подводной лодки и положения вообще в

Крым, за период времени с весны по осень 1920 года, можно привести выдержки из моих донесений:

Донесение о походе подводной лодки "Утка" с 14 по 27 июня 1920 г.

"Согласно приказанию командующего флотом, в 20 ч. 20 м. 14 июня 1920 г. снялся со швартов и вышел в море, приняв на борт генерала для поручений при главнокомандующем, генерал-майора А. Обогнув вышки Херсонесского маяка, в 22 ч. лег на курс 143 имея ход 9 1,4 узла. Погода была тихая, ветер 2 балла от SW. На следующий день в 19 ч. открылся Кавказский берег и маяк Дооб. Предполагал сначала подойти в сумерках к мысу Иасхак для высадки разведчиков, но подойдя ближе к берегу, счел это неудобным, ввиду совершенно ясного горизонта на W, при проглядывающей сквозь облака луне. В следствии чего, для более успешного выполнения задачи, решил повернуть на село Кабардинка, где в 2 кабельтовых от берега, на глубине 20 фут, в 24 ч. отдал якорь. Погода была пасмурная. Изредка накрапывал дождь, сверкала молния и проносились раскаты грома над Новороссийском, огни которого были ясно видны, а также и пожар в самом городе. Из числа вызвавшихся охотников пойти на берег, для разведки, назначил мичмана Ф. и электрика ун.-оф. Л., приказав мичману Ф. оставаться у шлюпки, а ун.-оф. Л. пойти в деревню и под видом матроса со шхуны, узнать обстановку в лагере красных. В 1 ч. 30 м. мичман Ф. и ун.-оф. Л. вернулись с берега. Последний доложил, что сначала он вошел в один из ближайших домов деревни, где наткнулся на красноармейскую заставу в 7 человек солдат, которые спали, а оружие и амуниция находились, около них. Тогда ун.-оф. Л. прошел дальше в деревню и в одном из домов разговорился с крестьянином, который ему сообщил необходимые сведения. Никаких восстаний, ни в Новороссийске, ни в окрестностях его не было. "Зеленые" (повстанцы) есть, но ничем особенным себя не проявляют. В Новороссийске коммунизм процветает вовсю. Население угнетено, но самостоятельно ничего не может предпринять. Недовольство большевиками огромно, особенно со стороны простого народа. Это объясняется отчасти тем, что большевики арестовали священника собора и посадили в тюрьму. Особенно женщины требовали его освобождения, но он освобожден не был. Среди женщин, особое недовольство вызывает уничтожение таинства брака. Магазины все закрыты. Частной торговли нет. Продукты все реквизируются и выдаются по карточкам. Хлеб стоит 6 рублей фунт. Базара не существует. Из Новороссийска, каждый день выходило по одному воинскому поезду, к которому прицеплялось 1-2 вагона с товарами, преимущественно мануфактурой, вывозимыми из города. Кроме плавучего дока, крана, одной шхуны и нескольких моторных катеров, в порту ничего нет.

В самом Новороссийске войск немного, но на побережье расположены воинские части в достаточном количестве.

Получив эти сведения, в 2 ч. 16 июня снялся с якоря и лег на курс 271. От W засвежел ветер. Погода портилась и скоро началась гроза с сильным дождем. По случаю грозы, радио дать не мог, почему и лег на Керченский пролив. Утром вошел в Керчь и донес по прямому проводу в штаб командующего флотом о полученных сведениях.

В 12 ч. 40 м. снялся с якоря и пошел в Батум. На траверсе Туапсе встретил шхуну и осмотрел ее. Она была турецкой и шла в Керчь. Подходя к Батуму, на следующий день в 9 ч. встретил английский миноносец Ф-23, который держал сигнал по международному своду ИХШ (Приблизится, хочу войти с вами в сношение). Миноносец застопорил машины и спустил шлюпку. Я тоже застопорил машины и принял на борт английского и русского сухопутного офицера. Английский офицер передал поздравление с приходом, спросил откуда

мы идем и были ли в Новороссийске. Переговорив с английским офицером, дал ход и пошел в Батум, куда прибыл в 11 ч. 45 м.

По приходе в Батум, стал на якорь, рядом с миноносцем "Жаркий" и транспортом "Маргарита". Явился к вице-адмиралу Г. и генералу Д. В Батуме стояли английский дредноут "Император Индии", под флагом адмирала Сеймура, "Аякс", миноносцы Ф-22, Ф-35, американские миноносцы 213, 214, итальянская канонерка и много английских транспортов. С адмиралом Г., сделал визит адмиралу Сеймуру. Мое личное впечатление было таково, что приход подводной лодки не был приятным для англичан. За всяким моим движением в порту следили, как будто чего-то боясь. Раз ночью, на лодку даже явился офицер с английского миноносца, посланный командиром с какой-то целью. Я дал ему понять, что визит несвоевременен, и что бы он успокоил командира.

По моему приходе в Батум, обстановка складывалась следующим образом: Англичане предполагали уйти 8 или 10 июня, передав Батумскую область грузинам. Последние находились, около Чаковы. Аджарцы, не желавшие находиться под властью грузин, беспокоили последних постоянными нападениями. С юга турецкие войска подходили к городу и находились от него в 15 верстах. Вообще обстановка складывалась таким образом, что Батумская область могла оказаться в турецких руках.

К нам русским нигде не было заметно не корректного отношения со стороны населения. 22 числа получил приказание от адмирала Г., старшего морского начальника принять нефть и смазочное масло. За время моего пребывания, транспорт "Маргарита" грузил остатки русского имущества и небольшое количество войск.

Согласно приказанию С,М,Н., в 0 ч. 20 м. 24 июня снялся и вышел на рейд, став на бакштов транспорта "Маргарита". В 10 ч. снялся и вышел в море. 25 июня, в 18 ч. отделился от отряда и пошел в Ялту. На следующий день вышел в Севастополь, куда и прибыл 27 июня, в 20 ч.. Всего пройдено 1050 миль и израсходовано 660 пудов нефти и 90 пудов смазочного масла".

Донесение с 22 по 28 июля 1920 года.

"Согласно приказанию командующего флотом в 20 ч. 50 м. снялся с якоря и вышел в море, для остановки итальянского парохода, долженствующего выйти из Одессы. В 0 ч. 45 м. лег на курс 288, на буй у Днестровской банки, на котором и предполагал встать для наблюдения за курсами из Одессы. В 9 ч. стал на него. Около 13 ч. заметил на W военное судно, шедшее курсом N.O. Снялся с бую и пошел на него, подняв сигнал по международному своду: "Ваш курс ведет к опасности". Подойдя ближе распознал французское авизо "Изер", с которым и вступил в переговоры. Командир мне сообщил, что в Одессу он не идет, а будет здесь ждать выхода из Одессы французского миноносца и парохода, задержанных большевиками. Я предупредил его о минной зоне, на что он поднял мне сигнал "Благодарю". Отошел от "Изер" и стал снова на буй. Авизо стало на якорь на O. в трех милях. Не зная намерений французов, я счел необходимым предупредить их о минах, имея также ввиду препятствовать сношению с Одессой, кому бы то ни стало. Сообщил по радио о встрече командующему флотом, но квитанции не получил.

Утром 24 числа заметил парусник на W, к которому и подошел для осмотра. Парусник оказался турецким, идущим в Варну с грузом соли. Осмотрев его, отпустил. В 16 ч. на O. от себя увидел французский крейсер типа "Вальдек Руссо" и несколько небольших судов. Убедился, что эскадра стоит на якорь в 10 милях на O. от бую. Решил иметь за ней наблюдение, но к ней не подходить. Ночью передал по радио о виденном, но снова не получил ответа. Около 24 ч. с

французских судов пускались ракеты и светили прожектора. Своей станцией, все время принимал открытые и шифрованные французские телеграммы. Из телеграмм заключил, что эскадра ожидает выхода своих судов из Одессы. Полагая, что итальянский пароход может выйти под конвоем французов, решил ждать стоя на буге, как на наиболее выгодном месте. Вскоре у Цареградского маяка заметил слабый прожектор, отвечающий по видимому французам. Остался стоять на буге, т.к. в случае выхода судов из Одессы, они должны были пройти мимо меня, на сближение с эскадрой. Через некоторое время свет прожекторов и пускание ракет прекратились. По видимому из Одессы никто не вышел. Утром вышел на Тендару, т.к. снова не получил ответа на свой запрос. Проходя, увидел, что от крейсера отделились два авизо, которые с тралями пересекли наш курс, идя на 345. В 16 ч. встретил подводную лодку "Тюлень", передавшую мне приказание не преследовать итальянский пароход и идти в Севастополь. Передав командиру "Тюленя" о тралении французских судов и стоянке эскадры, для доклада командующему, лег на курс".

Донесение о походе с 4 по 12 августа 1920 года

"Согласно приказанию командующего флотом, 4 августа, в 20 ч. вышел в море, имея на борту войскового старшину Б., 7 человек сухопутных офицеров, одну сестру милосердия и на буксире моторный катер. Кроме того, на лодку было погружено 410 тысяч ружейных патронов, 300 ружей и 7 пулеметов, для передачи небольшому казачьему отряду, действующему против красных в горах Кавказа. Обогнув Херсонесский маяк, лег на курс 106, на Сочи. После полудня 6 августа, заметил на горизонте два парусника. Они оказались грузинскими шхунами, вышедшими из Потти, для следования в Крым. Обе шхуны были задержаны большевистским катером у Сочи, где их продержали трое суток. Они мне сообщили, что Адлер и Сочи заняты большевиками. Имея намерение захватить катер красных, я приблизился к берегу. Через некоторое время, в темноте заметил предмет, похожий на шляпку, которая быстро исчезла. Полагаю, что это был моторный катер, но преследовать ее не стал, т.к. темнота этому мешала и решил идти к Адлеру, для выяснения обстановки. На рассвете приказал приготовить моторный катер, для посылки на берег с несколькими казачьими офицерами. Но мотор оказался поврежденным, почему и решил идти к Гаграм и там произвести разведку. Подойдя к Гаграм, остался согласно полученного приказа в нейтральной зоне, в 4 милях от берега, послав на берег тузик с 2 казачьими офицерами. Через 6 часов офицеры вернулись и сообщили следующее: 27 июля нового стиля, группа казаков руководимая офицером, заняла Адлер и потом Сочи. Занимали они эти места менее суток, т.к. большевики подвезли подкрепления и выбили казаков, которые отступили в горы, а частью в нейтральную зону. Теперь они по сведениям, находятся в Лоо. Генерал М., еще до взятия Адлера ушел в Красную поляну, где и находится в настоящее время, набирая казаков с целью двинуться на Сочи. Казаки испытывают большое лишение в оружии и амуниции. Генерал Фостиков находится в Баталпалинском отделе. У него 6000 казаков, но у него нет совершенно патронов и поэтому ему пришлось отступить в горы. По последним сведениям грузинского штаба, Баталпалинский отдел чист от большевиков. Политическая обстановка складывается следующим образом: В Тифлисе находится Кубанский революционный комитет, который ведет пропаганду и против большевиков и против генерала Врангеля. Он пытается собирать вокруг себя казаков, но малоуспешно. С другой стороны Комитет освобождения Черноморья объединяющий "зеленых", готовых идти с генералом Врангелем при известных условиях.

Что касается грузин, то все слои настроены чрезвычайно доброжелательно к нам, особенно войска. Командующий грузинской армией, генерал М. просто заявил посланному нами офицеру: - "Делайте все, что хотите, но не нарушайте нашего нейтралитета и не попадайтесь сами". После этого, я не нашел нужным скрывать о нашем намерении выгрузить оружие в помощь повстанцам. Но офицер посланный штабом не нашел места, для выгрузки оружия и просил его отвезти обратно, до момента, пока найдено будет помещение, для его хранения. После чего, оставив на берегу предназначенных, для организации связи офицеров, я вышел в море, для следования в Севастополь. Проходя мимо Адлера, на близком расстоянии, по мне из леса был открыт огонь из 3" артиллерии. Продолжая идти тем же курсом открыл огонь из своих орудий, после чего красная артиллерия прекратила стрельбу. Два снаряда разорвались в месте, где находилась батарея, почему и предполагаю о попадании. После перестрелки, лег на Крым.

По моему впечатлению, Сочи могут быть заняты небольшим отрядом при поддержке с моря. Приобретение этого пункта на Кавказе, значительно облегчит положение разбросанных группами отрядов и явится базой, без какой-либо, операции на побережье обречены на неудачу. На всем побережье у большевиков небольшие силы. Необходима постоянная связь с повстанцами и присутствие военного корабля у берегов Кавказа. Всего пройдено в этот переход 650 миль".

Донесение о походе с 20 сентября по 7 октября 1920 года

"В 13 ч. 20 сентября, согласно приказанию командующего флотом вышел в море имея приказание идти к берегам Кавказа и конвоировать транспорты, идущие за войсками. Условившись с командиром транспорта о раандеву, пошел вперед. К вечеру задул свежий ветер, который усиливался и к ночи дошел до 7 баллов, при большой зыби. После полуночи потерял огни транспортов, но продолжал идти вперед, рассчитывая увидеть транспорта к утру. Не найдя транспорта и имея повреждения от шторма решил зайти в Феодосию. Утром, на следующий день, при шторме в 9 баллов вышел в море рассчитывая у берегов Кавказа встретить лучшую погоду. Но шторм усилился, почему и повернул к Керченскому проливу предполагая переждать погоду, проведя ночь на якоре у Кыз-Аул. Но снявшись ранним утром, встретил опять шторм, временами доходивший до силы урагана. Не считая возможным идти при такой погоде, решил зайти в Керчь, куда пришел в 14 ч. На следующий день ветер внезапно стих и я полным ходом пошел к Сочи. Ночью связался по радио с крейсером "Алмаз". Утром проходя мимо Сочи, был обстрелян артиллерийским огнем красной батареи. Отвечая на огонь продолжал идти на соединение с крейсером. После переговоров с командиром, старшим морским начальником, остался стоять у нейтральной зоны. К вечеру заметил сигнализацию из кустов на берегу, куда и отправил шлюпку, для выяснения. Шлюпка вернулась, привезя полковника Л., который мне сообщил, что казаки три дня тому назад оставили Адлер и ушли в нейтральную зону. Взяв его на борт пошел на соединение с "Алмазом", после чего получил приказание держаться у нейтральной зоны и сгружать патроны на берег с прибывшего буксира. Находясь у нейтральной зоны имел постоянное сношение с берегом, для получения необходимых сведений. Временами подходил к Адлеру с целью обстрела, где находились красные части. Прибывший на лодку из нейтральной зоны полковник Ш., сообщил мне, что войска интернировались в Грузии и находятся у мыса Пицунда, куда генерал Фостиков просил подвести транспорта, для погрузки войск. Немедленно передали по радио об этом на крейсер "Алмаз". Утром 1 октября пошел на соединение с "Алмазом", который с транспортами находился далеко в море, маскируя свое присутствие, в невидимости от берега. Транспорты должны были по ночам подходить к берегу и грузить войска. Для отвлечения от них

внимания неприятеля, несколько раз подходил для обстрела Адлера и деревни Веселой. Вечером того же дня узнал, что часть войск посажена, но дальнейшей посадке препятствуют грузины. За ночь на 3 октября войск погружено не было, хотя транспорта туда подходили. Командир "Алмаза" познакомил меня с обстановкой. Разговоры с грузинами ни к чему не приводили, почему оставалось одно средство - применить оружие. Командир крейсера приказал мне остаться с транспортом, для принятия войск в случае успеха переговоров, а сам из-за недостатка угля предполагал вернуться. Но в силу сложившихся обстоятельств остался, послав парламентаря с письмом к грузинскому генералу, в котором вежливо настаивал не препятствовать посадке войск и с указанием, что в крайнем случае будут приняты все имеемые меры. Последним сроком ответа назначалось 1 октября. Ответа не последовало и к ночи началась погрузка. Грузины начали было обстрел наших войск из ружей, но немедленно прекратили, когда я приблизился к берегу с намерением открыть артиллерийский огонь. Хотя временами огонь из ружей и даже шрапнельный и возобновлялся, но видимо имел демонстративный характер из боязни красных, и не нарушал порядка посадки, так как производился в отдалении. К утру погрузка закончилась и отряд вышел в море. За этот период было сделано всего 1000 миль".

Между тем положение нашей армии становилось все тяжелее и тяжелее. Большевики перебросили с польского фронта, который перестал существовать, за их поражением и миром с Польшей, массу войск на Крымский полуостров. Наступившие ранние морозы, покрыли льдом Сиваш и красные получили возможность по льду ворваться в Крым по образовавшемуся широкому фронту. Наша маленькая армия из последних сил сдерживала натиск. К концу октября выяснилось, что дальнейшая оборона становится невозможной и генерал Врангель приказал готовиться к эвакуации. Но тыл, еще не знал о создавшейся обстановке и на полуострове было спокойно.

27 октября, утром, я получил приказание выйти в Ялту, в окрестностях которой появились "зеленые". Со мной вместе вышла подводная лодка АГ-22, которая осталась на позиции. Я должен был ее там сменить, на следующий день. К вечеру по городу стали ходить слухи, что наши войска сдерживают с трудом страшный натиск красных, и что наши части местами отступают. Слухи становились все настойчивее и тревожнее. Поздним вечером пришедший транспорт привез мне секретный пакет, в котором содержалось приказание о эвакуации и ее план. Затем по прямому проводу из штаба, я получил приказание немедленно сняться, в Феодосии принять в казначействе деньги и полным ходом вернуться в Севастополь.

У меня после этого не оставалось сомнения, что красные прорвали фронт и ворвались в Крым. Тяжелое предчувствие легло камнем на душу. Это было крушение всего и гибель надежды на спасение Родины. Полная неизвестность будущего и необходимость покинуть родную землю, может быть навсегда...

Приняв несколько мешков денег, я полным ходом пошел в Севастополь. Ночью мне встретилось несколько транспортов идущих в порты полуострова, для их эвакуации. Утром 30 октября, я вошел в Южную бухту, которая представляла из себя необычайное зрелище. Масса народа с вещами толпилась на берегу, стремясь попасть на транспорта, стоявшие у берега. Эвакуация шла полным ходом. Приказ главнокомандующего гласил, что каждому желающему предоставляется право выехать, но каждый должен рассчитывать на себя, т.к. правительство лишено средств. Поэтому первое, что я хотел сделать, это отпустить команду, которая не пожелает идти с лодкой. Опросив всех, я отпустил 12 человек. Считаю, что переживаемый момент, является чрезвычайно опасным, я приказал офицерам

оставаться на лодке и иметь особенное наблюдение за механизмами, отпуская их по очереди на берег, для перевозки семейств и погрузке их на транспорта. Не теряя времени, мы начали принимать из кладовых все, что было необходимо для долгого и неизвестного плавания. Вскоре выяснилось, что транспорта были переполнены и нужно было взять наши семьи на лодку. Уже к вечеру, все семьи в количестве 17 женщин, 2 детей перебрались на лодку. На следующий день, около полудня, приняв все, что было необходимо и зарядив батарею аккумуляторов, я вышел из Южной бухты, так как полагал опасным оставаться, около берега. Еще ночью начались пожары на берегу и злоумышленный элемент начал грабежи в городе. Но это были единичные случаи и порядок эвакуации не нарушался, т.к. воинские части несли охрану и немедленно принимали меры. Паники никакой не было.

Сдав привезенные мною деньги в штаб, я получил приказание идти к Босфору и поднять перед входом в него французский флаг на стене, т.к. Франция принимала флот под свое покровительство. Выйдя на Северный рейд, я остался ждать окончательного приказа о выходе и остаток дня употребил на приведение в порядок лодки, распределении багажа, которого оказалось так много, что им пришлось заполнять балластные цистерны. Ночь прошла совершенно спокойно. Изредка в городе и на окраинах была слышна ружейная стрельба.

Утром 1 ноября нашел густой туман, рассеявшийся к 9 часам. Солнце осветило опустевший Севастополь. Церковный благовест Владимирского собора доносился до нас. Он отдавался в душе невыразимой болью чего-то потерянного и может быть ушедшего навсегда...

Корабли медленно, один за другим выходили в море. Оно было тихо и приветливо. Для нас оно было тем последним, что могло утешить и облегчить нравственные переживания. Последний раз перед нами сверкали в лучах солнца кресты церквей и исторические, дорогие русскому сердцу памятники Севастополя. Не одна слеза упала в этот тяжкий, незабываемый момент. Прощай родной Севастополь, прощай колыбель Черноморского флота. Неумолимая рука истории, братской кровью, еще раз на твоих твердых начертала огненные слова.

Ты был последним оплотом, где билось русское сердце, где упала последняя капля крови измученного, истрадавшегося бойца предпочтительнее тернии изгнания - красному плену.

Глава 6

Переход в Босфор. Стоянка в Константинополе. Переход эскадры в Бизерту.
Стоянка эскадры в Бизерте. Последние дни эскадры.

Море было спокойно. легкий ветер покачивал лодку той плавной качкой, которая способна успокоить нервы и дать отдохнуть душе от грустных и невеселых переживаний. Солнце пригрело. Наши дамы, невольные пассажиры на подводной лодке, вышли наверх подышать свежим воздухом, которого так недоставало внутри. От мыса Фиолент мы легли на так хорошо знакомый нам за время войны курс. Сколько раз, я прошел этим курсом, не запомнишь, не пересчитаешь. Но, как различно было чувство, переживаемое тогда, полное горделивых порывов и фантастических мечтаний, от того, которое испытывал каждый из нас в этот день. Быстро уходили от нас берега красного Крыма, цветущего, богатого сада России. Вот уже не видно их больше. Одна верхушка Ай-Петри, еще долго блистала на солнце своим снежным покровом, как будто глубже и ярче хотела врезаться в память, оставив надолго след... Но скоро скрылась и она. Ничто больше не связывало нас с родным берегом. Одна лишь больно осязаемая мысль была невидимой связью, нитью, которая не хотела рваться. Каждый из нас хватался за нее, как утопающий за соломинку, надеясь вернуться и снова увидеть родные леса, степи и хутора.

К нашему счастью погода продолжала быть хорошей и женщины и дети не страдали от морской болезни. Иначе это могло быть кошмаром. Внутри лодки не было места, все сплошь было занято. Все каюты и кают-компания были отданы, для женщин, и все таки места не хватало, часть из них принуждена была спать на палубе кают-компании. Офицеры и команда ютились, где кто мог. Наверху с мостика можно было видеть направо и налево, впереди и сзади транспорта, идущие к Босфору. Это был какой-то исход, невиданный, не имевший до того места в истории народов.

Ранним утром 8 ноября, я подошел к берегам Босфора и поднял на стеньге, согласно приказанию французский флаг. Войдя в пролив, пошел в бухту Каваки, для санитарного осмотра. там ко мне подошел катер с французским офицером, для получения различных сведений относительно экипажа и пассажиров. Через некоторое время подошел катер с врачами всех национальностей, которые опросив меня о санитарном состоянии ушел. Постояв немногим более часа в Каваки, я получил приказание идти в Серкенджи, около Галатского моста, где находилась французская военная база. Совместно с "Буревестником", "Тюленем" и АГ-22 мы пошли по назначению. Переход Босфором был большим развлечением для всех, особенно же для тех, кто его никогда не видал. Его красота, несмотря на пасмурный день и отсутствия яркости красок, очаровывала.

При подходе к Золотому Рогу, нас встретили французские лодчаны, который все четыре подводные лодки поставили у французской военной базы, тогда как все остальные наши корабли проходили на рейд Моде, у Азиатского берега Мраморного моря и там становились на якорь, без права сообщения с берегом. Едва мы успели опшвартоваться и пообедать, как было получено распоряжение идти в баню-поезд, стоявший недалеко от Серкенджи. Сначала были отправлены команда и офицеры, а потом женщины. По возвращении из бани, от французского коменданта было получено приказание в продолжении часа собрать необходимые вещи и всем, за исключением командира, одного офицера и двух матросов, отправиться на рейд Моде, на один из транспортов. Распоряжение

это было совершенно непонятно для нас, но несмотря на протесты ничего не вышло, так как это исходило от французского адмирала. Бедные женщины под дождем, в грязи, с детьми принуждены были провести несколько часов на катере, пока их доставили на транспорт. Зачем нужна была эта жестокость по отношению к женщинам, осталось неизвестным. Списание офицеров и команды, тоже совершенно ненужное, произвело на меня гнетущее впечатление. Я сразу почувствовал, что положение наше незащищенное и трагическое. Вечером на лодку пришли французские офицеры с приказанием снять рубильники главных электрических станций, окуляры перископов, замков от орудий и сдать оружие. Словом неизвестно почему, но этим, нам командирам, оставшимся на лодках выражалось недоверие. Для меня это было оскорблением и оно было особенно тяжело, после всего пережитого и перенесенного. Но где искать защиты, к кому обратиться. У нас не было ни Отечества, ни правительства. На наши протесты, комендант базы отвечал, что это приказание, и что он изменить ничего не может. Оставалось только поклониться и ждать прихода главнокомандующего, который с адмиралом, командующим флотом находился, еще в Черном море, обходя все порты Крыма, откуда шла эвакуация. Самые черные мысли овладели мною, в этот вечер, когда я остался почти один на корабле, который только что жил полной жизнью и вдруг перестал жить. Настроение мое, еще углублялось тем, что я не знал о судьбе моей жены, которая еще раньше уехала из Севастополя, и о которой я в течении нескольких дней не имел сведений. Как не крепки были мои нервы, но я чувствовал, что это выше моих сил. Что может быть ужаснее потери Отечества, гибель надежды и неизвестность будущего, странная, удручающая неизвестность. В течении нескольких дней, с утра до вечера мимо нас проходили наши транспорта и военные корабли наполненные войсками. Все они становились на якорь на рейде Мода. Войска испытывали страшные лишения в воде и пище, пока это не наладилось и французское командование снабдило суда водой и хлебом. Здесь были "акулы", шныряли между судами в своих яликах, и изголодавшиеся люди готовы были отдать все, что бы получить стакан воды и хлеб. Нередки были случаи, когда за отсутствием денег, несчастные беженцы отдавали свои драгоценности, что бы утолить жажду и голод.

Отряды судов, которые шли из Керчи попали в жестокий шторм, но к счастью они все благополучно дошли за исключением одного миноносца "Живой". Он шел на буксире, буквально заполненный людьми, и был потерян. Все попытки найти его, остались безуспешными. Видимо он перевернулся и погиб.

На третий день, после нашего прибытия пришел крейсер "Генерал Корнилов" с главнокомандующим. С его приходом положение дивизиона подводных лодок сразу изменилось. Уже на следующий день команда и семьи были возвращены на лодки. Нас перевели в Золотой Рог и поставили у Турецкого адмиралтейства. Маленький пароход "Заря" был дан в распоряжение наших семей, которые мы немедленно туда водворили. Это дало возможность привести лодки в порядок и зажечь почти нормальной судовой жизнью.

Вскоре выяснилось, что эскадра будет через некоторое время переведена в Бизерту, а войска расположены в окрестностях Константинополя, в Галлиполи и на острове Лемнос. Главнокомандующий армией, генерал Врангель все свои мысли и энергию отдал на то, что бы устроить войска и несмотря на отчаянное положение, сделал все, что было возможно. Его твердая воля и настойчивость оградили армию от уничтожения и дали возможность ей продолжать существовать, а не обратиться в многотысячную толпу голодных, измученных людей. Это была великая заслуга, которую история России не забудет. В свою очередь командующий флотом, адмирал Кедров, вступивший в командование

флотом всего лишь за несколько дней до эвакуации делал все, что было необходимо для флота. Французское командование видимо понимало положение и шло навстречу, проявив доброе желание помочь бедствию постигнувшее русскую армию. Военный и транспортный флот являлся материальным залогом за те расходы, которые производило французское правительство на содержание армии и беженцев. Более ста судов пришли из Черного моря, на которых находилось 120 тысяч голодных людей. Их нужно было кормить, а денег не было.

Почти месяц стояли русские корабли на рейде Мода. За это время войска развозились по назначенным им пунктам. Правительство Сербии согласилось принять к себе известное число беженцев, поэтому туда были предназначены несколько транспортов, на которые были погружены желающие ехать в Сербию. Постепенно суда разгружались от пассажиров и эскадра начала готовиться к дальнейшему переходу. В Бизерту должны были идти только военные суда. Транспорта же и другие вспомогательные суда, частью оставались в Константинополе, а большей частью должны были идти во Францию. Много беженцев осталось в самом Константинополе, в надежде устроиться. В моральном отношении обстановка, при которой находились флот и армия в водах Босфора была крайне тяжелой. Мы были на положении непрошенных гостей, от которых хотели отделаться. Было тяжело и больно чувствовать это.

Я хочу привести здесь несколько приказов главнокомандующего, написанные им в эти дни:

"Приказ
Главнокомандующего Русской армией.
№ 4187

Крейсер "Генерал Корнилов"

21 ноября 1920 г.
(новый стиль)

Тяжелая обстановка, сложившаяся в конце октября, для русской армии, вынудили меня решить вопрос об эвакуации Крыма, дабы не довести до гибели истекающие кровью войска, в неравной борьбе с наседавшим врагом.

Вся тяжесть и ответственность за успех предстоявшей работы ложилась на доблестный наш флот, бок о бок с армией разделявший труд и лишения Крымского периода борьбы с угнетателями и насильниками нашей родины.

Трудность задачи, возлагавшейся на флот, усугублялась возможностью осенней непогоды, и тем обстоятельством, что несмотря на мои предупреждения о предстоящих лишениях и тяжелом будущем, 120 тысяч русских воинов, рядовых граждан, женщин и детей, не пожелали подчиниться насилию и несправедливости, предпочтя исход в неизвестность.

Самоотверженная работа флота обеспечила каждому возможность выполнить принятое им решение. Было мобилизовано все, что не только могло двигаться по морю, но даже лишь держаться на нем. Стройно и в порядке, прикрываемые боевой частью флота, отрывались один за другим от Русской земли перегруженные пароходы и суда, кто самостоятельно, кто на буксире, направляясь к дальним берегам Царьграда.

И вот перед нами невиданное в истории человечества зрелище: на рейде Босфора сосредоточилось свыше ста российских вымпелов, вывезшие огромные тысячи российских патриотов, коих готовилась уже залить смертоносным огнем красная лавина.

Спасены тысячи людей, кои вновь объединены горячим стремлением выйти на новый смертный бой с насильниками Земли Русской... Великое дело это выполнено Российским флотом, под доблестным водительством его контр-адмирала Кедрова.

Прошу принять Его Превосходительство и всех чинов военного флота, от старшего до младшего, мою сердечную благодарность за самоотверженную работу, коей еще раз поддержана доблесть и слава Российского Андреевского флага.

От души благодарю также всех служащих коммерческого флота, способствовавших своими трудами и энергией благополучному завершению всей операции по эвакуации армии и населения Крыма.

Генерал Врангель".

"Приказ
Главнокомандующего Русской армией
№ 6793

Русские воины.

Восемь месяцев тому назад, находясь вдали от Родины, я призван был в Крым, где остатки русской армии, прижатые к морю продолжали бороться за свое существование.

Считая наше дело безвозвратно проигранным, Великобритания, помогавшая нам дотоле, отказала нам в дальнейшей помощи, настаивая, во избежание нового кровопролития, на прекращении нашей борьбы.

Без малейшего колебания, я откликнулся на ваш призыв. С вами я два года делил славу побед и долг честного воина повелевал мне вместе с вами испить горькую чашу. С тех пор больше полугода продолжали вы неравную борьбу, являя миру примеры беззаветной доблести русского оружия. Мы верили, что мир оценит наконец все значение для него, творимого нами дела. Не дождавшись помощи, мы вынуждены наконец оставить родную землю.

Оглядываясь на последние полгода, в сердцах многих из вас возникают сомнения. Не лучше ли было бы тогда, еще весной прекратить борьбу. Не напрасно ли за эти шесть месяцев пролито столько крови и слез.

И я, который эти шесть месяцев неустанно звал вас на продолжение борьбы, который стоя во главе вас, несу на себе нравственную ответственность за содеянное, не раз должен был бы за последние дни задать себе вопрос: был ли я прав полгода тому назад, пытаясь еще раз вырвать победу из рук врага. Не должны ли пасть на мою голову кровь и слезы тех, кто шел за мной. Восемь месяцев тому назад Русская армия, дошедшая почти до сердца России, готова была окончить борьбу. Этот конец был бесславен. Имея за собой пол России с неисчерпаемыми богатствами, широко поддерживаемые Великобританией, мы боролись не одни. С севера наступали русские войска генерала Миллера, с востока Колчака, с запада генерала Юденича и польские войска. Все обещало нам победу. Тем не менее, несмотря на ряд бессмертных подвигов русского оружия, мы потерпели жестокое поражение. Съедаемые внутренними раздорами, ненавидимые озлобленными поборами и обидами населения, потерявшие в значительной степени воинский дух, отходили мы перед красной нечистью. Мир наблюдавший нашу борьбу, был в праве усомниться в нас и спросить себя, - на чьей стороне правда? С кем же наконец идет русский народ?

Прошло полгода и в воды Босфора пришло сто двадцать шесть судов Черноморского флота, весь русский флот, не пожелавший заменить Андреевский флаг, красным.

Этот флот привез вас - русские воины, ту русскую армию, которая оставленная всем миром, голодная и нищая полгода продолжала держаться на полях Таврии, имея против себя необъятные пространства всей России.

Но раздираемые внутренними раздорами, как полгода назад, не потерявшие воинский облик, а спаянные по крови и духу, провожаемые слезами всех русских людей - оставили вы родную землю. Незапятнанным сохранили вы Русское знамя и верю, что собравшись ныне под ним, найдете силы перенести временные невзгоды и лишения, в ожидании возможности продолжать борьбу.

Наша армия сделала великое дело. Она удержала от гибельного шаг мир, готовый уже броситься в объятия большевиков и предателей, она приняла на себя удар и отвратила красную нечисть от Европы, она дала возможность всему миру увидеть, где правда и где порядок и за кого стоит русский народ.

Теперь долг, за общее дело, которых мы сражались, сказать свое слово и сохранить нашу армию.

В сознании выполненного долга, вы смело можете смотреть миру в глаза.

Вы сделали великое дело и не даром эти шесть месяцев лилась кровь русских людей, - она лилась за счастье всего мира, за счастье родины, за то, что есть самого дорогого у каждого человека и народа, за русскую честь.

И я, обещавший вам, с честью вывести вас из почти безвыходного положения, смело жду суда будущей России.

Генерал Врангель"

За время нашей стоянки в Константинополе, все время уходило на подготовку к предстоящему походу и его организации. Что касается личного состава, то многие из команды решили остаться в Константинополе. Никакого препятствия этому не делалось, так как лучше было иметь немного команды, но такой, в которой можно было быть уверенным. Кроме того на судах было достаточно элемента, не внушающего особенного доверия, от коего было даже желательно отделаться. Правда таковых было немного. 7 декабря, подводным лодкам было приказано выйти из Золотого Рога, на рейд Мода. приняв все материалы для похода, с французской базы. Утром пришли французские буксиры, что бы нас вывести, но из-за густого тумана поход был отложен, Но после полудня, когда туман рассеялся совершенно, мы получили приказание выйти под своими машинами, что и было сделано всеми четырьмя лодками. По приходе на рейд Мода, в распоряжение дивизиона лодок, для семей был дан пароход "Добыча", старый турецкий пароход взятый а плен, еще во время войны. Он был так ветх, что мы все долго колебались, можно ли посадить на него наши семьи. Но выбора не было. Пришлось быстро его ремонтировать и приспособливать. В эти два дня все было сделано. Десятого декабря назначен был уход эскадры. К этому времени все корабли получили от французского командования все, что было необходимо для перехода. Наш начальник дивизиона, капитан 1 ранга Погорецкий ушел и на его место был назначен командир "Буревестника", старший лейтенант Копьев, бывший старшим из командиров. Вечером, восьмого декабря был получен прощальный приказ по флоту главнокомандующего и приказ командующего эскадрой, который гласил следующее:

"Приказ

командующего русской эскадрой

7 декабря 1920 г.

Крейсер "Ген. Корнилов"

& 1

Французское командование предложило мне в наикратчайший срок перевести Русскую эскадру в Бизерту. Весь личный состав знает, какого напряжения сил потребует от нас предстоящий переход в 1200 миль.

Я уверен, что несмотря на плохое состояние материальной части, мы выполним поставленную нам задачу.

Для удобства перехода, эскадра разделена на четыре группы. Ниже показаны места встреч групп.

Я требую строгого выполнения намеченной программы плавания и отклонение от нее может быть только с моего разрешения.

Эта программа известна французскому командованию, которое в целях содействия переходу эскадры посылает с нею свои суда. Командиры должны помнить, что наше политическое положение не обеспечивает за нами прав, предусмотренных международными законами: на переходе возможны на этой почве недоразумения и всякое судно, уклонившееся от моего плана, без всякого разрешения, может оказаться в условиях, не позволяющих ему продолжать плавание (отказ в угле, воде, в сообщении с берегом и пр.). Как видно из нижеизложенного, все намеченные пункты будут посещены одновременно с нами французскими военными судами. Приказываю все переговоры с береговыми властями в этих пунктах вести, через командиров французских судов. В случае отсутствия этих судов, обращаться к французским представителям на берегу за посредничеством, объясняя им значение поднятого на форстеннге всех наших судов французского флага (отдача главнокомандующим генералом Врангелем русского флота под покровительство союзника - Франции. Приказ главнокомандующего № 2193 от 30 октября 1920 г.).

& 2

Порядок перехода Русской эскадры с рейда Мода в Бизерту:

1. (первая группа судов). Эскадренный ход 5-6 узлов. В составе: Линейный корабль "Генерал Алексеев", транспорт-мастерская "Кронштадт", транспорт-угольщик "Далланд", под командой командира л.к. "Генерал Алексеев", 8-го декабря в 9 ч. выходит с рейда Мода и следуют в бухту Наварин, с расчетом пройти Дарданеллы утром 9-го декабря.

По прибытии в бухту Наварин, линейный корабль принимает уголь и воду с транспорта "Далланд" и дает мазут (по 100 тонн каждому) миноносцам "Пылкий", "Дерзкий" и "Беспокойный", которые к этому времени должны быть там.

По выполнению этого, л.к. "Генерал Алексеев" следует в Бизерту. Приблизительно в районе острова Мальта, его будет ожидать французский крейсер "Эдгар Кинэ", который и будет его сопровождать в Бизерту. Транспорты "Кронштадт" и "Далланд" следуют соединено в бухту Аргостолли, на острове Кефалония на randevу со 2-й и 3-й группами эскадры.

2. (вторая группа судов). Эскадренный ход 4-5 узлов. В составе крейсера "Алмаз" (флаг контр-адмирала Остелецкого) 1-го дивизиона судов: вооруженные ледоколы "Гайдамак" (старший, командир), "Илья Муромец", "Джигит", "Всадник" и буксир "Голланд" и на буксире у них соответственно миноносцы "Капитан Сакен", "Гневный", "Зоркий", "Звонкий" и "Жаркий". 2-го дивизиона судов: транспорт-базы "Добыча" (брейд-вымпел), подводных лодок "АГ-22", "Буревестник", "Тюлень" и "Утка", буксиров "Черномор" и "Китобой". 3-го дивизиона судов: посыльное судно "Якут" (старший, командир), канонерские лодки "Грозный" и "Страж", имея на буксире учебное судно "Свобода" и лоцмейстерское судно "Казбек", 9-го декабря в 10 ч. выходят с рейда Мода и следуют в бухту Каламаки, у входа в Коринфский канал. По прибытии в бухту Каламаки 2-я группа судов принимает лоцмана, проходит Коринфский канал и следует в бухту Аргостолли (остров Кефалония). Буксир "Черномор" служит для проводки крейсера "Алмаз" Коринфским каналом.

3. (третья группа судов). Эскадренный ход в 8-9 узлов. В составе крейсера "Генерал Корнилов" и парохода "Константин" идут кругом мыса Матапан в Наваринскую бухту, а затем первый в Аргостоли, а пароход "Константин" самостоятельно, идя с расчетом быть позади миноносцев 4-й группы, что бы в случае надобности им помочь и придя в Бизерту подчиниться контр-адмиралу Беренс.

4. (четвертая группа судов) Эскадренный ход 11-12 узлов. В составе эскадренных миноносцев "Беспокойный" (флаг контр-адмирала Беренс), "Пылкий" и "Дерзкий", 10 декабря в 17 ч. выходит с рейда Мода и следует совместно с третьей группой в Мраморном море, а по получении соответствующего приказа, отделяется и идет в Наваринскую бухту, огибая мыс Матапан. По прибытии туда принимает мазут и воду и самостоятельно следует в Бизерту.

5. Распоряжение о выходе в Бизерту судам, которые придут на рандеву в бухту Аргостоли (2-я и 3-я группы судов, транспорты "Кронштадт" и "Далланд") будут даны мною лично по прибытии в эту бухту.

6. Перед проходом судов второй группы через Коринфский канал, французский крейсер "Эдгар Кинэ" придет туда и наладит совместно со мной или контр-адмиралом Остелецким все формальности с греческими властями по поводу наших судов через канал, после чего крейсер пойдет в Аргостоли, а затем в направлении острова Мальта, для встречи линейного корабля "Генерал Алексеев". Французская канонерская лодка "Табур" пойдет из бухты Мода, совместно с 4-й группой судов и будет ее конвоировать до Наваринской бухты, где отделяется от нее и идет в Аргостоли. Французские миноносцы "Марокен" и "Араб" выйдут навстречу нашим судам из Бизерты.

7. Если выход первой группы судов будет отложен на сутки (на двое), то соответственно переносится момент выхода 2-й, 3-й, 4-й групп на сутки (на двое).

& 3

Приложение: Таблица моментов предполагаемого выхода и прихода и рандеву.

& 4

Предвидя возможность аварии отдельных кораблей и разлучения их, из-за свежей погоды со своими группами, для удобства их розыска приказываю:

1) Всем группам следовать точно придерживаясь общих путей, а именно: а) в Мраморном море оставить остров Мармара слева, по выходе из Дарданелл оставить остров Рабитт слева в 4-5 милях и следовать прямым курсом в пролив Доро. Идти этим проливом и проливом Зея, откуда судам идущим в Коринфский канал, следовать в бухту Каламаки, оставляя слева остров Эгина, а идущим в Наварин, оставить справа острова С. Георгия и Бело-Пуло, идти между мысом Малеа и островом Китра, затем огибая мыс Матапан и острова Скица и Сопиенца, идти в Наваринскую бухту, б) на пути Наварин порт Аргостоли, оставлять остров Занте к западу.

2) В случае разлучения на пути, стараться подойти к одному из ниже указанных пунктов, на которых будет обращено особое внимание при розысках: в Дарданеллах у Чанака, пройдя канал Доро, в бухте Користос.

3) О вынужденном отклонении с назначенного пути, отставшим кораблям доносить по радио своему начальнику группы и командующему эскадрой.

& 5, 6 и 7

О строе судов, сигнализации и радио-переговорах.

& 8

На переходе строжайше соблюдать экономию угля и особенно воды. Последняя взята в самом ограниченном количестве, на транспортах "Кронштадт" и "Далланд", а предполагаемых к посещению бухтах получить воду нельзя. Пополнение запасов масла и провизии на переходе не будет.

Вице-адмирал Кедров".

Десятого декабря по сигналу командующего, отряды начали сниматься с якорей и выходить в море. Длинной лентой растянулась наша многочисленная вторая группа, по преимуществу состоящая из калек, ведомых на буксире. День был пасмурный, но море совершенно спокойно. "Утка" и АГ-22 шли под своими машинами, так как находились в совершенно исправном состоянии. Великая армада, казалось растянулась по всему Мраморному морю., направляя свой путь к далеким, незнакомым берегам, закрытым от нас густой пеленой тайн и неизвестности. Что ждет нас там? Что готовит нам вновь, жестокая и неумолимая судьба? Никто не мог ответить на это, но чувствовали все, что путь будет тернист.

Утром отряд подходил к Дарданельскому проливу. Что бы пройти его засветло, было приказано увеличить ход до возможного. В предрассветном тумане меня вплотную обошло французский авизо "Бар-ле-Дюк", которое сопровождало нашу группу. Когда оно медленно обгоняло меня, я стоял на мостике, рядом с лейтенантом З. и оба внимательно рассматривали его темный силуэт, обмениваясь мыслями о всяких возможностях в море. Через два дня, его не стало. Вечером 12 декабря в Эгейском море налетел сильный шквал от НО, перешедший в шторм. Огни наших судов разметало по всему морю. За сильным дождем нельзя было увидеть огни маяка Кап-Фосс, который служил для входа в пролив Доро. Волны перекатывались через палубу и мостик "Утки". Маяк должен был открыться, но его не было видно. Берега пролива скалисты и усеяны подводными камнями. Я невольно стал тревожиться, вглядываясь в темноту горизонта. Никаких признаков маяка или берега. Я усомнился в правильности курса, полагая, что штормом нас отнесло вправо, т.к. огонь маяка по времени расчета должен был быть виден. Огни наших кораблей перестали быть видны совершенно. Но проверив свою прокладку курса, я убедился, что мы идем правильно и увеличив ход продолжал идти. Наконец, около полуночи маяк открылся. Чувство облегчения невольно охватило меня. Это чувство понятно только моряку. Его можно сравнить с чувством, которое испытывает человек, когда он внезапно просыпается от страшного кошмара и видит, что все это неправда и лишь страшный сон. В эту бурную ночь, недалеко от меня "Бар-ле-Дюк" наскочил на камни и погиб, унеся с собой десятки людей. Он давал радио, но мы не могли из-за шторма слышать его. Да мог ли кто в такую погоду, абсолютно темной ночью, приблизиться к нему. На "Бар-ле-Дюк", между прочим находились и некоторые части подводных лодок, которые были нами сняты, по приказанию адмирала. Они конечно погибли вместе с ним. Многие из нас тревожились за судьбу наших калек - кораблей, которые шли на буксире. Им конечно пришлось, только держаться против волны и ждать утра. К счастью все обошлось благополучно и они выдержали шторм. Особенно тревожились мы за ветхую "Добычу", на которой находились наши семьи. Но, на рассвете следующего дня мы увидели ее бодро идущей недалеко от нас. Воображаю, что творилось там с нашими женами. Пустую "Добычу" швыряло, как бочку. Я подошел поближе к ней, но конечно на палубе не было видно ни одной женщины и слава Богу, а то могло и запросто смыть волной.

Наконец наша армада добралась до Коринфского залива, где было тихо и все корабли постепенно собрались вместе. Издали, при свете солнечного дня мы полюбовались видом Афин, развалинами ее древних холмов и полным ходом прошли в бухту Каламаки. Там нас встретил крейсер "Эдгар Кинэ" и передал распоряжение и порядок перехода Коринфским каналом. При переходе Патрасским заливом, ночью, погода опять засвежела и нас всех снова разметало по

Ионическому морю. То там, то сям были видны силуэты судов, то выныривающих из волн, всем своим корпусом, то совсем исчезающими в воде. К полудню 15 декабря, я подошел к острову Занте и обойдя его встретил крепкий ветер от SO в 9 баллов. Пришлось идти бортом к волне и нас выворачивало, что называется наизнанку. При виде островов Занте и Кефалония, перед моими глазами невольно прошла вся история славного прошлого. Много лет тому назад, в течении нескольких лет эти воды бороздили корабли адмиралов Ушакова и Сенявина, неся свободу и независимость угнетенным народам Греции и Италии. В течении пяти лет адмирал Сенявин победоносно сражался с войсками Наполеона. Андреевский флаг реял над островами Адриатики и Средиземного моря и имя России с благоговением на устах произносилось освобожденными народами. Память о Сенявине и до сих пор живет на островах Адриатического моря и Далматинских берегах. Не должна бы была забыть и Англия того, как в 1797 году, когда с одной стороны Франция, а с другой революционное брожение в британском флоте, заставили лорда Гренвиля сказать следующее: - "Одна Россия осталась союзницей несчастной Англии, а теперь и та ее оставляет. Но русский император ее не оставил и послал эскадру адмирала Маккарова помочь Англии в ее критический момент. Король Георг искренне благодарил императора Павла и по царски наградил русского адмирала.

Но все проходит и все забывается. И вот мы, потомки тех, кто победоносно рассекал эти воды 110 лет тому назад шли измученные неравной борьбой против врага всего мира - красного интернационала, искать приюта в далекой, неведомой стране. Одна лишь Франция бескорыстно протянула нам руку помощи в этот страшный и тяжкий для нас момент. К несчастью для нас, наша борьба совпала с тем моментом, когда утомленная от долгой войны Европа, не отдавала себе отчета от красной опасности. И долго еще нужно ждать, пока те, кто в эти дни безразлично отнесся к белой армии, поймет ту роль, которую она играла для всего человечества. Красный туман еще долго будет висеть над миром, и что бы рассеять его нужна упорная и жестокая борьба. Мы были лишь те, на чью долю выпал первый и яростный удар интернационализма. Мы его не выдержали, но не согнулись, предпочтя отступить, но не сдать. Исполненный долг перед родиной и человечеством, был нам облегчением в нашем бедственном и безнадежном положении. Оставалось терпеть и ждать.

В бухте Аргостоли постепенно собрались все суда второй группы. Погода продолжала быть свежей, почему мы не могли выйти в море, да кроме того нужно было произвести необходимый ремонт для дальнейшего перехода. В полночь 23 декабря наш отряд снялся и вышел в море. Ветер стих и переход обещал быть хорошим. На четвертый день нашего плавания, 26 декабря в 18 часов 45 минут я вошел в аванпорт Бизерты и отдал якорь. Ранним утром, на следующий день прибывший лоцман повел меня Бизертским каналом к озеру, где против бухты Понти, стояли все наши, пришедшие ранее суда. Плавание мое было кончено. За это время, от Севастополя до Бизерты "Утка" сделала 1380 миль, без поломок и ремонта, все время следуя под своими машинами. Это я должен приписать труду моих офицеров и команды, которые безропотно переносили тяжесть похода, непрестанно думая о скором возвращении к родным берегам. Но судьбе было угодно другое. Почти четыре года простояли мы в этих водах, с тем, что бы быть в конце концов, принужденными покинуть наши корабли.

Через три дня по прибытии эскадры, в Париж был вызван командующий эскадрой вице-адмирал Кедров. В командование эскадрой вступил контр-адмирал Беренс. Согласно распоряжения французских властей, эскадра стояла в карантине

и поэтому никакого сообщения с берегом не имела. Личный состав эскадры, включая женщин и детей достигал цифры в 5600 человек.

Решался вопрос относительно помещения состава на берегу, с тем, что на эскадре останется сравнительно небольшое число людей для обслуживания. В начале января этот вопрос разрешился в том смысле, что все семейные по группам свозились в дезинфекционный пункт, в госпитале Сиди-Абдалла, откуда направлялись для жительства в лагеря устроенные для этой цели. Лагерьей было несколько: Айн-Драгам, Табарка, Монастир, Надор, Рара, Сен-Жан и Эль-Эйчь, разбросанные в разных местах Туниса. Вслед за отъездом семейных, были списаны на берег инвалиды и случайный элемент, который находился на эскадре в большом количестве. И кроме того было объявлено, что все желающие могут вернуться в Константинополь, или ехать в Сербию, для чего давался пароход "Константин". Таковых нашлось 1000 человек. Они были уже посажены на пароход, но почему-то отправка не состоялась и поэтому все были размещены в лагерях Надор и Бен-Негро, близ Бизерты. В середине января, посланные от эскадры ледоколы привели на буксире, оставленные в Константинополе миноносцы "Цериго" и "Гневный", и кроме того пришел бывший линейный корабль "Георгий Победоносец", остававшийся в Галлиполи, для обслуживания нашей армии. Этот корабль предназначался для помещения семейств офицеров, остающихся на судах эскадры, для ее обслуживания. Для этой цели, его предполагалось приспособить, привести в порядок каюты и палубы.

Морской корпус пришедший на линейном корабле "Генерал Алексеев", был размещен в форту Джебель-Кебир и лагере Сфаят, предназначенном для семей.

С первых чисел февраля и до 10 марта, все суда поочередно прошли через дезинфекцию сернистым газом. Большие корабли вернулись снова на рейд, а миноносцы и вспомогательные суда были поставлены на бочки в бухте Каруба. Подводные лодки встали на базе французских подводных лодок в бухте Понти. Когда мы пришли туда, начальник французского подводного дивизиона капитан 1-го ранга Фабр, очень любезно и тепло встретил нас. Командиры пригласили нас бывать в кают-компаниях. Мы были очень тронуты этим теплым отношением к нам и глубоко ценили его.

По соглашению с французскими властями, командующий эскадрой разрешил желающим списываться на берег для поступления на частные работы, или имеющие средства для проживания на свой счет. Первое время команда уходила на частные работы в весьма ограниченном количестве, но с началом полевых работ, списывание на берег приобрело массовый характер, несмотря на низкую заработную плату и вскоре число экипажей эскадры, стало ниже той нормы, которая была установлена французскими властями, по соглашению с командующим эскадрой.

С оставшимися на эскадре людьми было преступлено к приведению в порядок механизмов судов и подготовке судов к долговременному хранению.

К этому времени надо отнести несколько случаев продажи вещей, принадлежащих кораблям, которая производилась теми элементами, никогда не связанными с флотом и набранном случайно за время эвакуации. Но строгими мерами это было прекращено и эскадра совершенно избавилась от людей, ей чуждых и нежелательных.

В лагерях делалось побуждение со стороны властей, особенно по отношению к людям холостым, в смысле приискания работы. Да многие и сами искали работу, так как жизнь в лагерях была не очень сладкой. Вскоре несколько лагерей были совершенно расформированы и остались те, где жили семьи и

инвалиды. С окончанием полевых работ, сотни безработных русских, снова устремились в Бизерту, для поступления на эскадру или в Тунис, для приискания работы. Хороший элемент охотно принимался на корабли, в количестве не превышающей установленной нормы. Для тех же, кто не мог быть принят, французские власти, по просьбе командующего принимали в лагерь Надор, временно для приискания работы. Для организации помощи и вообще попечения о русских, рассеивающихся по Северной Африке, была образована при эскадре "Комиссия по делам русских граждан в Северной Африке". Но отсутствие денег или вернее крайне ограниченные средства, едва позволяли делать крайне необходимое.

Тем не менее положение эскадры было много лучше, чем положение армии, которой пришлось очень тяжело. Главнокомандующий хлопочет о переводе ее в Балканские страны, что ему и удалось. В последствии она была переведена в Сербию и Болгарию.

События в Кронштадте, имевшие место в марте и апреле сильно волновали всех. Надеялись, что Балтийский флот стряхнет с себя красное иго. Мы с волнением следили по газетам за развивающимися событиями, но увы, восстание было подавлено раньше, чем можно было этого ожидать. С течением времени жизнь на эскадре постепенно наладилась. Работы на кораблях, несмотря на недостаток людей шли интенсивно. Делалось все, что было возможно при скудных средствах и недостаточном снабжении. Семьи чинов эскадры поселились на "Георгии Победоносце", который был поставлен в канале в самом центре Бизерты. Пищевой паек выдаваемый французскими властями на эскадру и в Морской корпус был достаточен. Выдавалось кое-что из белья и обмундирования. Это дало возможность хоть немного приодеться. У многих ничего не было, а деньги отсутствовали совершенно. Начиная с июня месяца, чинам эскадры из её ограниченных средств, стали выдавать жалование. Правда оно было более чем скромно: 21 франк командиру корабля, и 10 франков матросу. Этого едва хватало на табак и кило сахара.

В июле месяце, на транспорте "Кронштадт" были случаи заболевания бубонной чумой, транспорт был уведен в Сиди-Абдалла, изолирован и продезинфицирован. Из его состава умерло 8 человек, на других судах случаев заболевания не было и эпидемия далее не распространилась. После этого транспорт был уведен в Тулон и был взят как плавучая мастерская во французский флот. "Кронштадт" был прекрасно оборудован, как мастерская и имел богатое снабжение всякими материалами. С его уходом эскадра лишилась мастерской, что было очень чувствительно для нее. Приходилось ремонт делать судовыми средствами и только в исключительных случаях обращаться к помощи адмиралтейства.

Что касается личного состава, то для продолжения образования молодых офицеров, были организованы подводный и артиллерийский классы. Для поддержания интереса к морскому делу и знакомства с морской литературой после войны, был основан литографический журнал "Морской сборник", который выходил ежемесячно, в течение почти трех лет.

Попытки сделать, что-либо в отношении поддержания уровня знаний и заинтересовать личный состав, исходили от отдельных офицеров, но, к сожалению, не встречали со стороны командования особого сочувствия. Для этого нужна была энергия способного к организации начальника, но их увы не было. Нередко попытка предпринять что-то полезное в нашем положении, встречало противодействие, что плохо влияло на состав. В этом отношении эскадра была в

прямой противоположности к армии, где делалось много хорошего и полезного. Но там была энергия и воля, но на эскадре этого не было.

С Дальнего Востока стали поступать сведения о том, что Приморье очищено от красных. Владивосток занят белыми. Каждый из нас с жадностью ждет новостей и уже мечтает о переходе во Владивосток. Мерещится что-то несбыточное... Но это так понятно в нашем положении. Нужно надеяться, нужно ждать...

В октябре 1921 года Морской префект Бизерты получил приказание сократить личный состав Русской эскадры до 200 человек. Это было равносильно ликвидации. Начались переговоры, длившиеся несколько дней, которые закончились тем, что было разрешено оставить 348 человек. Командующему пришлось согласиться, хотя он не терял надежды увеличить это число путем ходатайства через Париж. 7 ноября было назначено списание, при чем Морской префект настаивал на скорейшем проведении этой меры. Это приказание было большим ударом для эскадры. По этому поводу командующий отдал следующие приказы:

"Приказ
Вр. и. д. командующего Русской эскадры
Порт Бизерта
Крейсер "Ген. Корнилов"
№ 690

В следствии сокращения бюджета Французского морского министерства, на иждивении, которого находится наша эскадра. Морским префектом получено распоряжение из Парижа о сокращении до пределов штатов нашей эскадры.

Неблагоприятно сложившиеся для нас обстоятельства вынуждают меня списать большую часть личного состава, честно и бескорыстно не только заботившегося о сохранении национального достоинства, но и своим трудом доведшего материальную часть его до полной исправности.

Отлично сознавая, что только чувство исполненного долга может служить некоторой наградой за произведенную работу, все же прошу списываемых на берег принять мою глубокую благодарность.

Контр-адмирал Беренс.

№ 694

Расставаясь с теми, которым выпала доля уйти на берег, я хочу подтвердить им, что эскадра не прощает с ними, что она всегда будет считать их своими. Всем чем может, эскадра всегда поддержит и поможет им.

Затем на основании бывших случаев, дам следующие советы:

- 1) По приходе в лагерь сразу завести свои строгие порядки, помня, что как бы ни был строг свой, он все же легче, чем более льготный, но введенный из-под чужой палки.
- 2) При уходе на работы, придется встретиться с недоброжелательством евреев и итальянцев, старающихся бойкотировать русских и ведущих против них агитацию. Боритесь с ними их же оружием, т.е. сплоченностью и солидарностью. Поддерживайте друг друга. Нашедший хорошее место, старайся пристроить своих. Держитесь друг друга, так как в единении сила.
- 3) Не верьте всяким слухам о возможности массовой отправки в славянские и другие страны. Когда такая возможность представится, все будут оповещены официально мною или штабом. Пока для поездки туда требуется личная виза.

Контр-адмирал Беренс"

Благодаря влиянию вице-адмирала Кедрова и Морского агента капитана 1-го ранга Дмитриева удалось выхлопотать увеличение личного состава эскадры до 700 человек. Списание в лагерь было приостановлено, но большинство списанных на суда уже не вернулись, так как многие успели устроиться на работы. Кроме того было получено предупреждение из Парижа, что если политическое положение не переменится, то к 1 апреля 1922 года на эскадре должно остаться 350 человек. В силу такого обстоятельства, обратный прием на корабли производился туго, с целью более безболезненно перейти к новой, предполагаемой норме. В силу сокращения пришлось закрыть классы, тем более, что молодые офицеры уже успели рассеяться в поисках заработка. Морской корпус, который был вне всяких сокращений, начал подвергаться известному давлению в смысле ускоренных выпусков. Относительно оканчивающих корпус гардемарин начались хлопоты о приеме их в высшие учебные заведения Чехословакии, Франции и других стран.

В лагерях сокращался паёк, в целях их скорейшего расселения.

Суда эскадры по очереди входили в док для окраски подводной части. Причем в целях экономии их красили газовой смолой. В конце года французское адмиралтейство, после настойчивых просьб отпустило краску для бортов, которые начали сильно ржаветь.

Что касается состава, списанного на берег, то в большинстве он не пожелал идти в лагерь, а предпочел искать работу. По преимуществу это был тяжелый физический труд и только лишь немногим удалось сносно устроиться.

С течением времени русские прекрасно себя зарекомендовали, как специалисты и работники, поэтому положение их на берегу значительно улучшилось.

В конце декабря было получено предложение для русских ехать в Марокко. 113 человек уехало с эскадры и устроилась там, очень сносно, как инженеры, гидрографы, механики и пр. На "Георгии Победоносце" и в лагере Надор были образованы школы для детей. В самом Тунисе функционировал Русский трудовой кооператив, столовая и амбулатория, которая субсидировалась эскадрой, насколько позволяли ограниченные средства.

До января 1922 года, суда эскадры продолжали по очереди входить в док. Причем вход кораблей в док не был регулярным, а находился в зависимости от требований на него для французских судов. В апреле и мае русские суда, стоявшие в Бизерте, но не принадлежащие к эскадре, были проданы французским правительством. Это были транспорт "Дон" и теплоход "Баку". Относительно вспомогательных судов эскадры, ледоколов, буксиров, стали ходить слухи о их продаже. В этом ничего неожиданного не было, так как многие военные транспорты, которые находились в портах Франции уже были проданы. Деньги эти шли на покрытие расходов по содержанию эскадры.

В феврале Морской префект прислал письмо командующему, относительно необходимости сокращения состава эскадры к 1 апреля до 311 человек. Для облегчения приискания места на берегу французские власти разрешили списывать в лагерь. Из Праги приехала комиссия профессоров для выбора из желающих продолжить образование в высших учебных заведениях Чехословакии. Вакансий было только 82, а желающих, около 600 человек. Первая партия новых студентов уехала в марте. Приблизительно с этого же времени начался отъезд с эскадры целыми партиями, желающих попасть на работы во

Францию. К осени число личного состава на эскадре сократилось настолько, что не приходилось думать о каких либо занятиях и работах. Едва хватало народа для поддержания порядка и чистоты на кораблях. Каждый уходящий из Бизерты транспорт увозил десятки и даже сотни людей. В это время делали периодические рейсы французские военные транспорты, на которых бесплатно и с продовольствием увозили русских с эскадры. Уезжали, как в качестве простых рабочих, так и специалистов на фабрики и заводы. Несколько десятков детей, благодаря хлопотам капитана 1 ранга Дмитриева были устроены в учебные заведения, как русские, так и французские, во Франции.

К зиме на эскадре осталось такое количество людей, которые могли быть только в качестве сторожей и поэтому работы производились с большим трудом и только крайне необходимые. Кое как, еще существовал подводный дивизион, где работали машины и производилась зарядка батарей аккумуляторов.

В отношении Морского корпуса, для его постепенного упразднения, было предпринято следующее: Гардемарины 1 роты должны были окончить экзамены в начале марта, гардемарины 2 роты, к 1 июля и гардемарины 3 роты, к 1 ноября. В течении лета гардемарины и кадеты корпуса плавали под парусами на учебном судне "Моряк" по Бизертскому озеру. По окончании экзаменов гардемарины производились в корабельные гардемарины и разъезжались, кто в высшие учебные заведения, кто на работы. К 1 ноября в корпусе остались только кадеты в числе 150 человек. Лагерь постепенно ликвидировались. В них оставались только больные, инвалиды и женщины с детьми, которые также постепенно разъезжались по мере того, как их мужья находили работу или в Тунисе, или во Франции. В самом Тунисе продолжал существовать кооператив и "Комиссия по делам русских граждан", в которую обычно приходили с требованиями на рабочих и где разрешались многие вопросы для русских, не имевших отношения к эскадре. Комиссия помогала и материально, поскольку позволяли ее средства.

В продолжении всего года выходил журнал "Морской сборник", несмотря на все уменьшающиеся средства, в котором собиралось все, что было интересного и поучительного за время войны.

В конце года французским правительством были проданы вспомогательные суда эскадры: "Добыча", "Илья Муромец", "Гайдамак", "Голланд", "Китобой", "Всадник", "Якут" и "Джигит" и целый ряд военных русских транспортов, находящихся в портах Франции.

На Дальнем Востоке, после того как японская армия ушла, русская небольшая армия, лишенная оружия и снабжения принуждена была покинуть пределы России. Эту армию и флотилию адмирала Старка постигла та же участь, что и нас. Но разница была только в том, что мы нашли поддержку и помощь Франции, а там желтая раса со всем ее коварством и бессердечием предавала остатки белых войск в руки красных, а белая флотилия состоящая из небольшого количества маленьких вспомогательных судов, с женщинами и детьми на борту, в течении долгого времени блуждала по океану из порта в порт, гонимая желтыми, пока не нашла пристанища на Филиппинах, в Маниле. Там американское правительство дало им временный приют и хлеб. По дороге, во время жестокого шторма, флотилия потеряла без вести посыльное судно "Лейтенант Дыдымов" и позднее на переходе Шанхай-Манила, у Пескадорских островов разбилось на рифах посыльное судно "Аякс". Исход из Владивостока был, еще более грустной эпопеей, чем наша. Всей душой мы болели за наших товарищей, на долю которых выпали еще более жестокие испытания, чем нам, но мы были бессильны им помочь.

Так грустно и без проблеска на будущее прошел этот год. В начале января 1923 года, все небольшие вспомогательные суда, вышедшие вместе с эскадрой из Севастополя и оставшиеся в Константинополе, были переведены по распоряжению французского командования в Марсель. Положение в Константинополе становилось небезопасным, так как оккупация его союзными войсками оканчивалась и они должны были оставить в скором времени Константинополь. Переход этой флотилии, под командованием русских офицеров и с русской командой, но под французским флагом, не был лишен известного интереса. Этой флотилии пришлось заходить в порта Италии, где фашисты уживались с коммунистами и их король протягивал руку убийцам своего кузена, в то время, как Муссолини, не позволяя сойти на берег людям испытанным в борьбе против коммунизма и кровью своей доказавшей это.

В феврале на эскадре дотоле мирно стоявшей у Бизертского озера произошло событие, которое взволновало всех. Дело в том, что с начала года стали ходить слухи о продаже двух канонерских лодок "Стража" и "Грозного". В сущности говоря, эти корабли были совершенно не военного типа и поэтому рассматривались французским командованием, как подлежащие продаже, для покрытия расходов по эскадре.

В ночь с 26 на 27 февраля, два экзальтированных молодых мичмана с "Грозного" открыли кингстоны и затопили его. Ими руководила идея протеста, против продажи русского военного корабля, по несчастному стечению обстоятельств оказавшегося на иждивении иностранной державы. Это были искренние в своих побуждениях молодые люди, которые считали, что так поступить им повелевает военный долг и честь. Их арестовали и посадили в тюрьму. Французские власти рассматривали их, как большевиков., но по рассмотрении, в котором не было найдено состава преступления, их решили выслать из пределов Франции и французских колоний, как нежелательных. Для этой цели, под наблюдением полиции они были отправлены в Марсель. Прибыв туда, они узнали, что их высылают в Советскую Россию. Оба молодых человека предпочли смерть, чем вернуться во власть красных и бритвами пытались перерезать себе горло. К счастью, это не привело к печальному концу и пролежав долгое время в госпитале, они выздоровели. Поступок их, был достаточным доказательством, для французского правительства, что они не большевики, и их оставили временно во Франции. Через некоторое время, им была выхлопотана виза в Сербию.

Этот случайшний раз показывает, что на эскадре не было главы, который бы интересовался судьбой молодежи, старался бы помочь ей нравственно, поддержать и направить ее. Что видела наша молодежь? Ужасы революции, жестокость гражданской войны и безрадостное в изгнании, пребывание на корабле. В таких обстоятельствах, долг начальников объединить ее, влить в нее бодрость и дать ей все средства в борьбе за жизнь. На эскадре в лице высших начальников, они встретили равнодушие и безразличие. А сколько было возможностей, несмотря на недостаток средств, сделать много полезного. Во всяком случае на эскадре было все, что бы дать им возможность сделаться специалистами и уже одним этим оградить их, цветущую молодежь от голодного существования в чужой стране.

В последствии, когда пришлось покинуть эскадру, они отказывая себе в пище, тратили свои последние гроши, что бы научиться ремеслу шофера, механика и пр.

Все это можно было дать им легко, не говоря уже о чисто воспитательной и образовательной стороне, на эскадре. Но для этого не должно было быть

равнодушия и безразличия начальника. В том положении, в котором находилась эскадра в Бизерте, нужна была способность к организации и деятельность. В действительности же было непротивление злу и только. От этого страдали все и прежде всего наша молодежь.

Командующий, при всех его прекрасных личных качествах, был бездействен и мало интересовался судьбой своего личного состава.

Через две недели "Грозный" был поднят и уведен в Сиди-Абдалла. Расход по подъему был отнесен на русский счет и обошелся в несколько десятков тысяч франков.

После увода всех вспомогательных судов в бухте Каруба остались, только чисто военные суда и туда же был переведен и подводный дивизион. Подводная лодка АГ-22 должна была своими аккумуляторами давать освещение на все суда стоявшие в бухте, что она и делала до последнего дня.

Бездомное и неопределенное положение эскадры вызывало со стороны Польши стремление заполучить миноносцы и подводные лодки, но французское правительство не нашло возможным продавать или передавать кому бы то ни было русские военные корабли и ответило Польше: - "Старая Россия была честна по отношению к нам и мы должны быть такими же".

Лето 1923 года прошло без каких либо событий и перемен, только состав эскадры неуклонно уменьшался. В частности на четырех подводных лодках, остались всего на всего восемь человек. Несмотря на это, работы продолжались и АГ-22 давала освещение. Машины остальных лодок были в полной исправности.

Издание "Морского сборника", в которое я вложил все, должно было прекратиться к концу года, за полным отсутствием средств. Последний номер был выпущен в ноябре.

Прибывший из Парижа, морской агент, капитан 1 ранга Дмитриев, который снабжал эскадру средствами и был посредником между эскадрой и французским морским министерством, сообщил мало утешительного. Средства иссякали, политическое положение осложнялось и во Франции можно было ожидать перемены правительства. Тогда положение эскадры могло измениться к худшему. Вообще, после этого заседания флагманов и командиров на "Пылом", осталось впечатление, что дело идет к концу, и что нужно подумывать и о личном будущем.

Невесело встречали мы Новый год. Каждый раз, как только он наступал, мы все думали, что несет он нам и в густом тумане будущего, каждый из нас старался рассмотреть контуры родного берега. Но, увы, новый 1924 год, отдалил нас от них дальше, чем когда либо. В мае, новое французское правительство начало переговоры с Советами и 28 октября официально признало Советское правительство. Через два дня, Морской префект, вице-адмирал Эксельманс приказал собрать на "Дерзком" всех офицеров и гардемарин. Старый адмирал сказал несколько слов. Он волновался и не раз на его ресницах выступали слезы. Истинный моряк, он понимал нас, он сочувствовал нам, но долг офицера повелевал ему исполнить приказание. Мы должны были покинуть корабли. И мы ушли...

Последний раз, 6 ноября, я приказал пустить машины для сдачи лодок французской комиссии, назначенной для приемки, с тем, что бы показать, что они еще не мертвы и все механизмы в порядке. Я сам стоял у электромоторов. Мне самому, поближе и в последний раз хотелось услышать, как зашумят они, как вздрогнет корпус лодки от работы дизелей... Одиннадцать лет, я провел на подводных лодках. В этот миг они прошли передо мною, то полные ярких надежд, то грустных разочарований. В этот день кончалась моя карьера морского офицера.

Не так я мечтал о ней юношей. Мне грезились далекие страны, безбрежные океаны и жизнь, веселая, полная приключений.

Но судьба решила иначе...

Тихо в бухте Каруба. Легкий бриз колышет кормовой флаг эскадренного миноносца "Дерзкий". Багровый шар солнца опускается за холмы Африки. Когда верхушка его диска скрылась за горизонтом, белое с синим крестом знамя медленно проползло по древку флагштока.

Андреевский флаг спущен, спущен, для многих из нас, навсегда... Теплая, звездная ночь окутала своим покровом покинутые корабли. В душе пустынно и холодно. Ушло навсегда то, что было любимо, что было дорого.

Бизерта, 1928 г.

